

**ЛИТЕРАТУРА
НАРОДОВ РОССИИ
ПРОЕКТ АССОЦИАЦИИ СОЮЗОВ
ПИСАТЕЛЕЙ И ИЗДАТЕЛЕЙ**

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИИ

Проект Ассоциации союзов писателей и издателей (АСПИ)

В 2020 году Союз писателей России, Союз российских писателей, Союз писателей Москвы, Союз писателей Санкт-Петербурга и Российский книжный союз объединились в Ассоциацию, одна из главных целей которой – содействие развитию многонациональной литературы РФ, переводу произведений авторов с языков народов России на русский язык. На страницах специального выпуска журнала, подготовленного в содружестве с командой экспертов АСПИ, современная литература России предстает в репрезентативном многообразии – регионов, культурных традиций, имен (как хорошо известных всероссийскому читателю, так и мало переводившихся), жанров (повести, рассказы, стихи, эссеистика, национальный эпос), форм, тем, сюжетных коллизий, героев.

В номере:

Наш верный Алмас

Повесть патриарха осетинской литературы Мелитона КАЗИТЫ «Алмас» – аллегорическое повествование о природе любви и верности, страха и предательства, чести и долга.

Обычная жизнь

Диляра ЮСУПОВА, молодая писательница из Казани, в своей повести «Дом № 58», сложенной из бытовых сценок и историй жизни соседей, ностальгически смотрит на утекающее время, осознавая, как тонка грань между «сейчас» и «тогда».

Труд и лёгкость

Почти исторический рассказ «И полёт твой не прервётся» Фарзаны АКБУЛАТОВОЙ – попытка лирического жизнеописания талантливого сына башкирского народа – блестательного танцовщика Рудольфа Нуриева.

Такое не придумать

Тему недавнего славного прошлого отечественной культуры подхватывает поэт из Улан-Удэ Есугей СЫНДУЕВ. В героях его рассказов – писатели Дамба Жалсараев, Юрий Кузнецов, Валентин Сорокин, Игорь Ляпин и даже Белла Ахмадулина. Вот такие счастливые времена застал автор.

Праздники и будни

Самый молодой автор номера – Самира АСАДОВА, создавшая в соавторстве со своей мамой описание быта и обычая чукотских оленеводов «Весёлые праздники чаучу».

Чтоб вырастить звёзды...

Масштабно выглядит в номере и поэтическая география, представленная переводами с национальных языков: Крайний Север – с языка коми стихов Любови АНУФРИЕВОЙ, Предуралье – с башкирского языка стихов Айбулата СИСАНБАЕВА, и звучная разноголосица горного Кавказа: переводы с кабардинского стихов Заринды КАНУКОВОЙ, с балкарского – Аскера ДОДУЕВА, с ингушского – Исропила ТАТРИЕВА и с табасаранского – Хаджи-Мурата ТАИБОВА.

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

*Основан
в марте 1939 года*

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.ком>

Редакционная коллегия

Главный редактор Сергей НАДЕЕВ
Ольга БРЕЙНИНГЕР
Ирина ДОРОНИНА
Ответственный секретарь Елена ЖИРНОВА

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации № 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Первый заместитель главного редактора Наталья ИГРУНОВА
Галина КЛИМОВА
Владимир МЕДВЕДЕВ
Заместитель главного редактора Александр СНЕГИРЕВ

Редакционный совет

Мария АНУФРИЕВА
Сухбат АФЛАТУНИ
Муса АХМАДОВ
Ольга БАЛЛА
Дмитрий БИРМАН
Денис ГУЦКО
Ольга ЛЕБЁДУШКИНА
Фарид НАГИМ
Илья ОДЕГОВ
Валерия ПУСТОВАЯ
Кнут СКУЕНИЕКС
Сергей ФИЛАТОВ
Ренат ХАРИС
Александр ЧАНЦЕВ
ЭЛЬЧИН

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брата в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.09.2022.
Подписано в печать 24.10.2022.
Формат бумаги 70 x 108 1/16
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ 3608/22. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИИ

Проект Ассоциации писателей и издателей (АСПИ)

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Зарина КАНУКОВА. Чтоб вырастить звёзды. Стихи. С кабардинского.	
Перевод Ирины Ермаковой.....	3
Мелитон КАЗИТЫ. Алмас. Повесть. С осетинского. Перевод автора	8
Аскер ДОДУЕВ. Время — грозный султан. Стихи. С балкарского.	
Перевод Александра Пряжникова и Ксении Нагайцевой	65
Айбулат СИСАНБАЕВ. Со строкой один на один. Стихи. С башкирского.	
Перевод Ольги Сафоновой	68
Диляра ЮСУПОВА. Дом № 58. Повесть в новеллах.....	70
Фарзана АКБУЛАТОВА. И полёт твой не прервётся. Рассказ. С башкирского.	
Перевод Найли Акбулатовой	85
Исропил ТАТРИЕВ. Иду за мечтой. Стихи. С ингушского.	
Перевод Юрия Щербакова	102
Есугей СЫНДУЕВ. Невыдуманные рассказы	104
Хаджи-Мурат ТАИБОВ. Зов моей земли. Стихи. С табасаранского.	
Перевод Юрия Щербакова	124
Олег АМГИН. Рассказы-притчи	128
Любовь АНУФРИЕВА. Из цикла «Клубки времени». Стихи. С коми.	
Перевод Андрея Растворгруева	142

МИФЫ И СКАЗАНИЯ

Сказания о даредзанах. Осетинский эпос в переводе Игоря БУЛКАТЫ	145
---	-----

ЖИЗНЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

Магомед АХМЕДОВ. Исповедь сына гор	155
--	-----

НАЦИЯ И МИР

Самира АСАДОВА, Татьяна АСАДОВА. Весёлые праздники чаучу. Рассказы.....	185
---	-----

СЕКРЕТЫ РЕМЕСЛА

Виктор КУЛЛЭ. «Стиль дискуссии важнее предмета дискуссии».
--

Разговор ведёт Юрий Татаренко	209
-------------------------------------	-----

NON-FICTION PRO

Александр ЧАНЦЕВ. Дети собрались у Божьего престола	225
---	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Евгений АБДУЛЛАЕВ. «Русский уклон»	240
--	-----

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Валерий ШУБИНСКИЙ. Время быстро и время неподвижное (Л.Шевченко. «Забвению в лицо»)	244
--	-----

Ольга БАЛЛА. Ложится тьма густая (В.Ермолов. «Движение на закат»)	246
---	-----

Елена САФРОНОВА. Слово как хлеб (Г.Калашников. «Ловитва»)	250
---	-----

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Эпоха клоуна	254
----------------------------------	-----

Годовое содержание журнала «Дружба народов» за 2022 год	257
---	-----

Зарина Канукова

Чтоб вырастить звёзды

С кабардинского. Перевод Ирины Ермаковой

* * *

Мороз ли, жар сквозь кожу проникает?
Родился кто-то, кто-то умирает.
Тьма обнимает свет, но прав ли тот,
Кто помнит, что один лишь раз живёт?
Сам пропадёт, кто брату яму роет.
Есть в каждом правда, есть в нём и другое.
Твой путь — то камни, то песчаный плёс,
Сумей пройти туман и дым насквозь.
Мороз ли, жар — кто помнит, как мы жили?
Цветёшь? — а завтра камень на могиле.
Как хочешь назови... что низ, что верх...
Умрёшь, коли родился, человек.

* * *

Зима! — искришься, падаешь и таешь.
Родился, жил, привык и остываешь.
Чтоб не рассыпаться, дрожа и дребезжа,
Смотри, что валится на голову, душа.
Живи, не думай: кто ты, что ты, где ты?
Будь частью, продолженьем жизни этой.
Всё зная, согласился бы родиться? —
Всю жизнь терпеть, чтобы землёй укрыться...

Канукова Зарина Саадулловна — кабардинская поэтесса, писательница, драматург. Родилась в 1969 году в селе Дыгулыбей Кабардино-Балкарской Республики. Окончила отделение русского языка и литературы Кабардино-Балкарского государственного университета, аспирантуру Северо-Кавказского государственного института искусств (культурология). Общественный деятель, главный редактор газеты «Горянка», руководитель КБРОО «Жан». Автор и руководитель проекта «Круговорот поэзии». Стихи переведены на русский, немецкий, арабский, абхазский языки. Заслуженный журналист КБР. Победитель многих литературных конкурсов. Живёт в Нальчике.

Ермакова Ирина Александровна — поэт, переводчик. Родилась в 1951 году в Крыму, на катере в Керченском проливе. Окончила Московский институт инженеров транспорта, работала инженером по проектированию мостовых сооружений. Автор восьми книг стихов. Много переводит с языков народов России. Лауреат премии «Московский счёт» (2008 и 2015 годы), премии журнала «Новый мир» (2019) и других. Живёт в Москве.

Туда, на край, за грань, где снег и дождь —
Горячим паром станешь, коль дойдёшь?
Хоть прав, хоть виноват — прочувствуй ясно,
Как этот путь, как эта жизнь прекрасна.
Добро — зеркально злу, и верху — низ.
Будь человеком — на врага не злись.

* * *

Из земли растёшь,
Кверху, в рост идёшь,
Распускаешься,
Цветёшь,
Из земли растёшь.

Ты росток, ты побег,
Ты растёшь,
Человек.

Из земли и с неба, из сердца — весь век.

На солнце блестишь.
Из солнца горишь,
Светишься,
Сверкаешь,
От солнца летишь.

Ты росток, луч-побег,
Ты растёшь,
Человек.

Из земли и с неба, из сердца — весь век.

Дождь омывает,
Снег укрывает,
Растёшь, прорастаешь,
Уходишь в себя,
К истоку дождя.

Ты росток, ты побег,
Ты растёшь,
Человек.

Из земли и с неба, из сердца — весь век.

В космос восходишь,
Светом исходишь,
Искришь,
Рассыпаешься,
В космос уходишь.

Ты росток, луч-побег,
Ты растёшь,
Человек.

Из земли и с неба, из сердца — весь век.

* * *

Чтобы идти — нужна тропа,
Чтобы видеть — нужна звезда,
Ладонь — чтобы гадать.
Если сердце чувствует вдруг,
Будто всё неважно вокруг, —
Сам начинай играть.
Время на счастье оседлай,
Из кольчуг — одну выбирай,
Правду свою яви.
Правду, что владеет тобой,
Ту, что в связке с твоей душой,
Ту, что в твоей крови.
Ночи будь начеку и дни,
Правду спорящим объясни:
Правда моя для вас.
Стой в обороне, насмерть стой,
И уравняй её с красотой —
И не спускай с неё глаз.

* * *

Как это легко! Ускользай, тебе дан
Остаток — пусть каждое семя взойдёт.
Пусть хватит на эти семь грядок семян.
Часть времени, где ты находишься — год.
Стать сможешь лучом, если словишь момент,
Где Солнце меняется местом с Луной.
Чтоб края достигнуть, которого нет,
Ты можешь по жизни идти за строкой.
Покуда ты здесь, на Земле — прорастай,
По краю посевов надежда стоит.
Чтоб вырастить звёзды — слова засевай,
И год нам голодный — уже не грозит.

* * *

Синий сундук свой — откроет год,
Новое ищет — трепещет сердце:
Вынет, встряхнёт, попробуй взглянуться —
Больше не важно, кто ты. Не тот.
Взгляд пусть до самого дна дойдёт:
Часть себя прожил — некуда деться.
От каблуков до висков пусть вьётся
Шаг твой — узором в снегу растёт.
День ушёл, а печаль ещё гложет —
Шрамом узор показаться может.

* * *

Тихим стань,
Словно в снег превращающийся туман.
Ясным стань.
В мыслях частью вселенной стань — исчезай.
Наблюдай.
В небе молчи, а на земле уступай.
Просто смотри.
Всё отдай, чтоб себя узнать изнутри.
Душу открои.
Душу познав, разборчивей станешь с собой.
Всем, что находишь, делись — светом утешь.
Но железо не режь.
Плавь его лучше и вспоминай, в чём суть.
Станешь частью земной, обретёшь покой...
Тихо... будь...

Новосибирск

Встречаю в городе свой рассвет
С замёрзшими голубями.
Была ли, есть ли я или нет,
Но только — вольное пламя.
Блаженство на этом свете — быть.
Возможность видеть — волнует.
Ценнее то, чего не купить —
Вот жизнь, где возьмёшь другую?
Вдоль настоящего бродит тот,
В ком будущей нет надежды.
И я смотрю на небесный свод,
Нависший над жизнью прежней.
Что будет завтра? Годы прошли.
Прошлое освобождаю.
Укроюсь чёрной буркой земли —
Была ли я? Исчезаю.
...Вернусь опять голубки пером —
Замёрзшей, дрожащей птицы?
День проведу один, а потом
Приму здесь всё, что случится.

* * *

Мороз ли, жар сквозь кожу проникает?
Родился кто-то, кто-то умирает.
Тьма обнимает свет, но прав ли тот,
Кто помнит, что один лишь раз живёт?
Сам пропадёт, кто брату яму роет.
Есть в каждом правда, есть в нём и другое.
Твой путь — то камни, то песчаный плёс,
Сумей пройти туман и дым насквозь.
Мороз ли, жар — кто помнит, как мы жили?
Цветёшь? — а завтра камень на могиле.
Как хочешь назови... что низ, что верх...
Умрёшь, коли родился, человек.

* * *

Всё мы узнаем из жизни одной,
Жить спеши в жизни земной,
Пусть о тебе скажут: «Хэт».
Вернись на родину, домой,
Помни всегда о земле родной,
Пусть о тебе скажут: «Хэт».
Вернись на родину, домой.
Ты станешь дома совсем иной,
Кто смотрит и видит — станет собой.
Станет цельным — скорей вернись.
Слышишь? В ладонь свою взглянись,
А после — в небо, смотри ввысь.
И вернись на родину, домой.
Ведь на земле лучше места нет.
Как мотылек летит на свет,
Рвётся душа туда столько лет.
Туда все дороги ведут до одной,
Преградам всем вопреки порой.
Пусть о тебе скажут: «Хэт».
Жить спеши в жизни земной.
Все наши знанья из жизни одной.
Лучшей мечты в этой жизни нет.
Вся твоя жизнь глядит тебе вслед:
Вернись на родину, домой...
Вернись домой...
Вернись домой...

* * *

Пахнет зима весною, предчувствием трав.
Длинной мыслью опять
Год начинает всех нас, кто прав и не прав,
На веретёнце мотать.
Будем теперь сотканы вместе ты и я.
Кончен претензий бой.
Наши различия нынче — гармония.
Так побеждает покой.
Тикает ночь бесснежной зимы в тишине.
Вспомни, если забыл:
Время сторицей добро вернуть... вот и снег.
А жить будут те, кто жил...

Мелитон Казиты

Алмас

Повесть

С осетинского. Перевод автора

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Летнее солнце выглянуло из-за гор, и лучи его запутались, как в паутине, в верхушках Северного леса. Лес живёт своей жизнью. Он независим от аула, не подвластен человеку. Он очень густой и так зарос подлеском, что солнце осветило только верхушки высоких деревьев, а внизу была темень. Дикий виноград, хмель, ежевика и другая вьющаяся поросль бог весть с каких пор тянут свои цепкие стебли от дерева к дереву, от ветки к ветке. Человеку здесь с трудом удаётся каждый шаг.

Но три охотника, согнувшись, почти ползком, держа заряженные ружья и стараясь быть поближе друг к другу, продираются вперёд. Двою взрослых придерживают за ошейники собак. Старший, Амурхан, небритый плотный мужчина с пушистыми усами, идёт посередине. Колючки цепляются за его старые залатанные чувяки и пёстрые шерстяные носки: «Наконец-то человека видим! Побудь с нами! Побудь!» Затем от мольбы переходят к действиям — давайте, мол, не отпустим его, и всё! А он не обращает никакого внимания. Удивляется лишь: чем осторожней стараешься идти, тем яростней дерут кусты безрукавку из козьей шкуры.

Сперва Амурхан подумал: «Не снять ли её совсем?» Но под безрукавкой была старая шерстяная рубашка, и он пожалел её — ключьями останется висеть на кустах. Вывернул безрукавку наизнанку. Вывернул и остался собой очень доволен: теперь козий мех был наружу, и он не чувствовал, как скребут по безрукавке ветки.

Справа от Амурхана идёт его единственный сын, юный, невысокий, но уже крепкий Абисал. Под носом у него ещё и пушка нет, щёки не знали холодка бритвы; ничего он пока не понимает в охотничьих премудростях, но выбора у отца не было:

Казиты Мелитон Резоевич — осетинский прозаик, поэт, драматург. Родился в 1948 году в селе Ногкау (Южная Осетия). С 2013 года сопредседатель объединённого Союза писателей Осетии, профессор Юго-Осетинского государственного университета. Автор монографий о выдающихся представителях осетинской литературы (Нафи, М.Булкаты, К.Ходы, А.Кодзати, Ш.Джиккайты и др.), лауреат премии имени Коста Хетагурова в области литературы. В издательстве «Цыкура» г. Цхинвал в 2018 году вышло собрание сочинений в 5-ти томах. Живёт и работает в Цхинвале.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 10.

самый разгар сенокоса, все мужчины заняты. Амурхан боялся, что сын даже выстрелить не сумеет, поэтому хотел поставить его посередине, но юноша разгадал мысли отца, и гордость не позволила ему стать туда. Амурхан махнул рукой — какая, мол, вообще-то разница — и стал посередине сам, поближе к сыну: если им будет удача, он сможет выстрелить в любую сторону.

На Абисала только тонкая холщовая черкеска, и он не боится колючек, но его вконец измучили старые отцовские сапоги. Вчера на ногах у него были новые, старательно сшитые им самим остроносые чувяки, но в них он замучился. Поленился срезать с кожи, которая пошла на подошву, шерсть, думая, что так будет лучше. Чувяки скользили по сухой траве и хворосту, словно были смазаны жиром. Сегодня утром решил обуться в старые отцовские сапоги, но не учёл, что подошва у них гладкая, как стекло. И вот теперь расплачивается. По росе на траву, на прошлогодние листья ступить невозможно — скользят. Сапоги великоваты, ещё и протекают, ноги промокли. Получается, что сначала он внутри сапога шаг делает, а потом уже сапог идёт вместе с ногой. На лбу у Абисала выступили капли пота.

Третий был их сосед. Чернявый, с короткими густыми усами. Не так давно волк унёс с пастбища его овцу. Услышав, что Амурхан идёт на волка, он задумался, потом переспросил:

— Убивать волка? — Помолчал, потом сказал: — А с сенокосом не запоздаем?

Но Амурхана это не останавливало. Если уж он задумал что, не жди, что откажется, хоть убей. Да и сенокос продлится ещё месяца полтора-два, за это время серый, глядишь, всех овец в ауле перережет. По повадке видно, что это волчица, а у неё, конечно, есть щенки. Если ещё и они подрастут!..

И Короткоусый, будем называть его так, не стал возражать. Попросил у соседей одностолку с двумя патронами на медведя, привязал к ошейнику своей дворняжки верёвку и отправился с ними. И вот теперь до Амурхана доносится его тяжёлое дыхание.

«Осёл! От такого сопения не то что волк, и заяц поблизости не задержится», — злился Амурхан, но помалкивал.

Ему не очень верилось, что волк легко достанется. Если бы земля была сырой, то по склонам оврага было бы легче приметить его следы. Но, как назло, уже столько дней с неба ни капли не упало. Как его искать!? Одна надежда, что у волчицы щенки. Иначе бы летом в аул не совалась! А если есть щенки, то логово должно быть где-то здесь, поблизости. Тут речка течёт. Серые с приплодом ищут место к воде поближе. Когда волчата начинают есть мясо, их жажда мучает.

Амурхан знает, что если саму волчицу не достать, а волчат унести в аул, то зверь будет мстить и ещё больше скота погубит. Но он мог бы отвезти их прямо в город, и пусть ищет их там. Может, уйдёт из этих мест.

«Да чтоб тебе, из-за кого же зверь в аул повадился?» — Амурхан не сдержался и выругался про себя.

Волка ведь можно привадить. И не только он так думает — весь аул. И многие в соседних аулах тоже поговаривают, что волка привадили.

Словом, живёт у них в ауле Габил с семьёй, у них ум, как говорят, за разум зашёл. Попали к ним невесть откуда какие-то книжки, в ауле их дьявольскими называют, они их читают, по ним живут. И старые, и молодые, и мужчины, и женщины в этой семье только и знают, что Богу молятся. Когда на земле, мол, своё отживём, Бог возьмёт к себе наши чистые души. Такие вот они, верующие...

Случалось, забегал ночью к ним во двор волк, прыгал в загон с овцами. Людей

удивляло, что хозяева слышали всё, видели в окно, как волк хватал овцу, перегрызая ей горло, но никто не бежал, никто не кричал. Мы, говорят, все — и люди, и животные, и звери — созданы Всевышним. Он смотрит на нас и лучше знает, что надо делать.

И волк подумал: «Хорошие люди, таких днём с огнём не сыщешь». И повадился в аул. И не только к Габилу. Две ночи назад он прямо во дворе у Амурхана барашка выпотрошил. Собаки учゅяли, но испугались. Амурхан выскочил на лай, выстрелил в воздух, да ведь от этого хребет у зверя не сломается.

И тогда Амурхан решил найти этого волка и убить.

Охотничья собака Амурхана, чёрный, не очень крупный, но длинноногий и поджарый Лопоухий, навострил свои большие уши.

Из-за этих ушей Абисал и дал ему такую кличку. Пёс остановился, понюхал воздух и посмотрел на хозяина.

— Тс-с-с, — прошептал Амурхан и погладил его по спине: успокойся, мол.

Пёс лёг и замер. Весь превратился в глаза и уши.

Как-то в базарный день Амурхан привёз его совсем маленьким с равнины сюда, в горы. Против зверя он слаб, зато чутьё сильно развито. И Амурхан, любитель поохотиться, гордился Лопоухим.

Короткоусый и Абисал следили за Амурханом: так им было наказано. Когда Амурхан остановился, юноша застыл на месте. Короткоусый тоже остановился. Абисал поднял ружьё. Короткоусый смотрел то вперёд, то на Амурхана. Наконец, тот сдвинулся с места. Осторожно, крадучись, они довольно долго продвигались вперёд.

Вдруг все отчётливо услышали сердитое рычание, а за ним тяжёлый, басовитый рёв. Собака Амурхана, припав к земле, потянулась вперёд. Щенок Короткоусого начал повизгивать, но хозяин стукнул его по голове стволом ружья, и тот смолк.

К рычанию добавились звуки схватки, рёв стал ещё страшнее. Амурхан понял, что это медведь. Он не растерялся, дал товарищам знак, чтоб подошли.

Абисал, шедший и так близко, придинулся ещё шага на два. Короткоусый стоял на месте, соображая, подходить ему или нет. Он боялся, как бы Амурхан не подумал, что он струсил. Амурхан опять махнул рукой: сюда, мол. Тогда тот, пригибаясь, как бы нехотя приблизился.

— На медведя патроны, — Амурхан сам едва рассыпал свой голос.

Но когда он умело и осторожно начал перезаряжать ружьё, сын понял, что нужно, и стал делать то же, что и отец. Короткоусый махнул рукой: у меня, дескать, они и так на медведя. Собачонка его, испугавшись зверя, металась, словно на горячих углях. Собака Амурхана напряглась, легла на землю, притихла. Она только и ждала приказа, чтобы тронуться, и теперь поползла вперёд. Но вот беда. Собака Короткоусого заупрямилась, не хочет идти. Хозяин тянет её за собой, а она упирается, визжит и ни с места. Наконец, голова её каким-то образом освободилась от ошейника, и — много ли трусишке нужно для счастья! — собака бросилась наутёк!

Охотники быстро продвинулись на значительное расстояние. У Амурхана на лбу выступил холодный пот. Абисал то ли от ощущения опасности, то ли от усталости — разве тут разберёшь — взмок с головы до пят. А Короткоусому, как только он избавился от своей «гончей», идти стало легче, он теперь не отставал, но дышал тяжело, словно в горле что-то застревало. Вдруг Лопоухий зарычал, рванулся вперёд, но хозяин держал его крепко. Охотники оцепенели.

Впереди, в небольшой ложбине, где трава и лопухи переросли кустарник, дрались большой медведь и волк величиной в два-три топорища. Лесной властелин встаёт на задние лапы и, взревев, бросается на волка. Волк оказывается под ним. Но ему удаётся

выбраться из-под туши. Он хватает медведя за бок. И опять они становятся друг против друга на задние лапы. Медведю удаётся достать волка когтями, тот успевает хватануть его зубами. И снова они катаются по заросшей травой ложбинке. И опять волку удаётся выбраться из-под медведя. Он бросается на медведя сзади. И снова они становятся на задние лапы.

Серая шкура волка в крови. На бурой шерсти медведя тоже рваные раны. Запах горячей крови приводит зверей в ещё большую ярость.

Внезапно медведь передними лапами хватает волка за лопатки. Звери стоят друг против друга. Волк изловчился и вонзил длинные острые клыки в медвежью грудь. Тот взревел так, что охотники вздрогнули, ухватил волка зубами за короткое ухо и содрал с головы кусок кожи. Кровь залила волку глаз. И снова они покатились.

Охотники, увидев такую страшную картину, растерялись. Амурхан, а о других и говорить нечего, ничего подобного не только сам не видел, но никогда и не слышал. Он даже не смог сразу выстрелить. Наконец, прижал приклад к плечу и прицелился. Абисал и Короткоусый последовали его примеру.

Когда у волка повисло левое ухо с содранной с головы кожей, а его вытаращенный глаз залился кровью, он, отскочил в сторону, злобно рыча, затряс головой, но не убежал. Зажав свой короткий хвост между ногами, снова повернулся к врагу. Сейчас опять бросится на медведя. Медведь разинул пасть, поднялся на задние лапы, замахал передними и, рыча, пошёл на волка.

И как раз в это мгновение в Северном лесу прогремел выстрел. Покатилось по ущельям эхо. Заревел медведь, зашатался. Амурхан понял, что это выстрелил Абисал, и тоже спустил курок.

Волк, услышав выстрел, вздрогнул, но отскочить не успел. Выстрел Амурхана и рёв медведя слились воедино. Медведь передними лапами схватился за грудь. Ещё не упал, с рёвом, недоумевая, поглядел вокруг себя. И снова от залпа трёх ружей застонал лес, заохали горы.

Медведь задрожал, хотел броситься на врага, но мощные лапы его не послушались. Он сделал шаг, другой... попытался хотя бы встать на четыре лапы, но не удержали они его, понесли вперёд... наискось... в сторону. Бедный зверь попытался опять подняться на задние лапы и свалился как подрубленный, покатился по склону ложбины.

Волк кружился на месте и, не переставая, душераздирающие скулил. От новых выстрелов он подпрыгнул, спина прогнулась, и его повело в сторону.

У Амурхана в голове мелькнуло: «От Короткоусого волку тоже досталось. Долго ещё он не успокоится из-за своей овечки. Но как долго серый стоит на ногах!? Не дай бог...» Он торопливо перезарядил ружьё. Но стрелять не понадобилось.

Передние лапы серого согнулись, головой он уткнулся в кусты, зашатался и упал. Кусты, высокая по пояс трава вокруг него дрожали, не унимаясь, словно в смертельном страхе.

Лопоухий от выстрелов припал к земле. Теперь вскочил, залаял. Чуть выше, на пригорке зашуршали кусты, послышался глухой визг. Охотники вскинули ружья и увидели, как из ложбины наверх по склону оврага в лесную чащу бросились, словно клубочки, два медвежонка.

Лопоухий метнулся за ними, потащил за собой Амурхана, на руку которого был намотан конец его поводка. Когда собака поняла, что бежать за медвежатами ей не велят, она повернулась назад, но не успокоилась.

Охотники долго молчали. Смотрели то на свою добычу, то вокруг себя. Наконец Абисал не выдержал:

— Не померли ещё?

Никто не ответил, и только через некоторое время раздался бас Короткоусого:

— Ха-ха-ха! «Не померли ещё»?!

Амурхан тоже улыбнулся и отпустил Лопоухого. В несколько прыжков по высокой траве между кустами собака оказалась возле волка. Залаяла. Потом обнюхала его и снова залаяла. Обляв волка, подбежала к медведю. Залаяла на него. А умирающих зверей мышцы ещё дёргались. До их угасающего сознания ещё доходил собачий лай, но страха они уже не чувствовали.

— Что уж тут говорить, никогда я не слышал, чтобы волк с медведем подрался, — качал головой Амурхан. — Медведица, может, за своих медвежат испугалась, а волк-то ради чего себя погубил?

— Может, тоже из-за волчат? — вырвалось у Абисала.

— Ну-ка, попробуй теперь унести мою овечку, ну! — Короткоусый подошёл к волку и ткнул его дулом ружья в зубы.

— Я же говорил, что это волчица с детёнышами, — Амурхан тоже подошёл к убитому зверю и показал на оттянутые соски. — Видите? Ну-ка, сколько же волчат? Раз, два, три, — считал он соски, — шесть, семь.

Пока они радовались удаче, подаренной им покровителем охотников Тутыром, Лопоухий побежал в ту сторону, куда скрылись медвежата. И в Северном лесу опять зазвенел его лай.

— Место здесь заколдованное какое-то, — вздрогнул Амурхан и взвёл курок. Абисал и Короткоусый сделали то же.

— Гав! Гав! — Лопоухий спустился к ним из чаши, потом, лая, убежал назад.

— Что уж тут говорить... Нашёл что-то, — Амурхан, не опуская ружья, сдвинул на затылок свою овечью шапку и направился мягкой осторожной походкой в ту сторону, откуда был слышен лай.

Абисал и Короткоусый пошли следом. Лопоухий, виляя хвостом, подбежал к ним и опять пустился назад. «Опасного ничего нет, не то хвостом бы не вилял», — подумал Амурхан и пошёл быстрее. Он сразу приметил, что со стороны Немой скалы трава примята, видно, тащили что-то. Подошёл поближе... и увидел растерзанную тушу лани.

«Так вот почему вы дрались! — пронеслось в голове, но вслух он ничего не сказал. — Нет, здесь что-то не так. Ясно, что приволокла сюда лань волчица. Что уж тут говорить... Медведица бы её на горбу притащила. Но почему волчица не уступила добычу лесному властелину? Видела ведь, что медведица с потомством. Разве не понимала, что та возьмёт силой? Нет, здесь что-то не так...»

— Бедная лань... Из-за неё бились, — пожалел животное Абисал.

— Что уж тут говорить, непременно где-то здесь должны быть волчата, — высказал своё мнение Амурхан.

Он не ошибся. Долго искать волчат не пришлось. Волчье логово оказалось немного выше по склону.

Что стоит трём мужчинам разрыть волчье логово? Да к тому же жилища у волков неглубокие. Они им нужны, пока детёныши ещё слабенькие, а потом... У волка ведь так: что глаза видят, то и дом, до чего достают, то и пища.

Волчата были ещё совсем маленькие, но шустрые. От выстрелов, от стука лопаты они забились все в один угол. Абисал брал их за загривок, они скалили зубы, визжали, и он бросал их в кожаный мешок.

— Один. Второй...

Аскер Додуев

Время — грозный султан

С балкарского.

Перевод Александра Пряжникова и Ксении Нагайцевой

Ирик су

Там, где башни прочны,
Где ущелья темны,
Катит воды Ирик
И ревёт, словно бык,
Хочет к морю поспеть
Через горную твердь.
Словно камень гоним,
Я спешу вместе с ним.

Мне покой и уют
Берега не дают
Отыскать на песке
И забыть о реке.
Я в теснине тону,
Ты — у страсти в пленау,
Я вдали от вершин
Пропадаю один.

Додуев Аскер Тауканович — балкарский поэт и публицист, Народный поэт Карабаево-Черкесской Республики. Родился в 1953 году в селении Тельман Талды-Курганской области (Казахстан). Окончил математический факультет Кабардино-Балкарского государственного университета. Работал преподавателем математики, редактором на Кабардино-Балкарском телевидении, в настоящее время — главный редактор журнала «Минги-Тау». Автор десяти поэтических сборников, ряда сценариев фильмов и телепередач. Лауреат многочисленных литературных премий. Живёт в Нальчике.

Пряжников Александр Владимирович — прозаик, поэт, переводчик, публицист. Действительный член Академии наук культуры, образования и бизнеса Кавказа. Родился в Новочеркасске в 1969 году. Автор нескольких поэтических сборников, многочисленных статей и эссе. Автор книги «Россия. Юг, который мы не знаем» — сборника очерков о традиции и культуре малочисленных народов региона. Переводит с английского, чешского, турецкого, чеченского, кабардинского, балкарского, карачаевского, калмыцкого языков. Был членом экспертного совета Антологии современной поэзии народов России. Живёт в г. Новочеркасске.

Нагайцева Ксения Анатольевна — переводчик, кандидат филологических наук. Доцент МГТУ имени Баумана, Лауреат Фестиваля «Белые журавли России».

И чернеет заря,
Ожиданьем горя.
Мы столкнёмся с тобой,
А искру под водой,
Как соринку в глазу,
Унесёт Ирик су,
Чтоб упавших во тьму
Не найти никому.

Время — грозный султан —
Сорвалось без стремян,
Стали злее врага
Палачи-берега,
И теперь в никуда
Нас уносит вода.
Мы с судьбой не в ладу —
Тяжесть губит мечту:

Пересилить тиски
Своенравной реки,
Стать друг другу родней
Среди прочих камней.
Нам к вершинам из тьмы
Не вернуться, но мы
Бросим вызов воде,
Потому что везде
Устоявших на дне
Чтут с горой наравне.

Перевод Александра Пряжникова

Тень дерева

Отчего эти грустные тени дрожат,
Под деревья упав безнадёжно?
Оттого что, как вороны, тучи кружат,
Оттого им, забытым, тревожно.

Отчего так же холодно было и нам,
Хоть и жаркими были молитвы?
Неужели опять проливаться слезам
И погибнуть в пылу этой битвы?

Наши деды взошли на вершины тогда,
Когда к Югу мольбы обращали,
Но взошла над дорогой большая звезда,
Что на Севере им завещали.

Там, на Севере, крепости мир сторожат.
Поклялись наши деды сурово,
Заострённое лезвие в ножнах держа.
Мы, потомки, и держим их слово.

Хоть безоблачна ночь или станет темна:
И звезда, что на Севере, — светит,
Потому крепостей не слабеет стена,
И не дышит спокойствием ветер.

Так зачем эти грустные тени дрожат,
Под деревья упав безнадёжно?
Оттого что, как вороны, тучи кружат,
Оттого им, забытым, тревожно.

Перевод Ксении Нагайцевой

Айбулат Сисанбаев

Со строкой один на один

С башкирского. Перевод Ольги Сафоновой

* * *

Здесь, на гордой вершине, мой дед
Сердцу нашёл приют.
Дом защищал от невзгод и бед —
Песни о том поют.

Здесь, в расщелинах серых скал,
Бабушки спят печаль.
Предков моих суровый Урал
Выковал, будто сталь.

Тянется к небу кудряя цветок —
В нём кровь батыров былых.
Корень сквозь кости пророс — глубок,
Стебель — песня о них!

Землю вращает крепкой рукой
Из глубины народ.
В этих краях обретём покой,
Если пора придёт.

Слёзы не высохли... Так и живу,
Обычай деда храня.
Сны, что сбываются наяву...
А чужой — не поймёт меня!

Сисанбаев Айбулат Фларидович — писатель, журналист. Родился в 1995 году в Башкирии, в городе Уфа. Окончил бакалавриат в БГПУ им.М.Акуллы на факультете башкирской филологии, затем магистратуру в БГУ. Работает ведущим на радио «Юлдаш». Автор сборника стихов «Күлеүектеге болоттар» («Облака в ложе», 2018) и книги рассказов и пьес «Мин яраткан ёс хереф» («Мои любимые три буквы», 2020). Живёт в Уфе.

Сафонова Ольга Игоревна — поэт, переводчик. Родилась в 1963 году в г.Запорожье. В 1986 году окончила Харьковский авиационный институт им. Н.Е.Жуковского. Автор шести поэтических сборников, книги малой прозы и двух сборников поэтических переводов с белорусского языка. Награждена Почётным знаком Союза писателей Беларуси «За большой вклад в литературу» (2016). Живёт в Таганроге.

* * *

Тихое озеро. Над ним плывут облака.
Смотрятся, будто в зеркало, тоненькие берёзы.
Есть отдельный рай для животных? Наверняка.
Живущие под водой тоже стремятся к звёздам.

Необъятный космос манит, зовёт... Куда?
Смертью грозит безжалостная природа.
Бьётся рыба на берегу. Понимает: пришла беда.
Или удивлена этой странной внезапной свободой?

И кто виноват, что наживка уже внутри?
И кто виноват, что леска над озером свищет?
С добычей рыбак уйдёт, а рыбе — судьба: умри!
И ничего личного — я лишь добываю пищу.

* * *

Тишина в ауле ночном...
Непроглядно-чёрную мглу
Разбавляет жёлтым пятном
Одинокий фонарь на углу.

Лёг на острый горный карниз
Грузный шар багровой луны.
Если вдруг покатится вниз,
То ловить с какой стороны?

Вот бы мне туда, в высоту:
Оседлать луну, как коня!
Прошептать ей свою мечту —
Может быть, не сбросит меня?

Но луна улетела одна —
Знать, мечту я лелеял зря!
Возле дома — чем не луна? —
Только жёлтый шар фонаря.

А луна с высоты глядит —
Тёмный космос ей господин! —
На поэта, что вновь корпит...
Со строкой один на один.

Проза

Диляра Юсупова

Дом № 58

Повесть в новеллах

Пролог

Дом 58 по улице Татарстан расположен в мусульманском квартале центральной части Казани. Этот дом 1966-го года постройки. Он находится в старо-татарской слободе — части города, где в 60—70-е годы жила основная часть татарской интеллигенции: поэты, писатели, артисты, учителя. В этом доме жил мой дедушка, который работал в министерстве образования, в этом доме жила моя бабушка, которую я никогда не видела. Она была директором школы. Мой отец жил в этом доме, теперь в нём живу я. Сейчас это просто старая хрущёвка на окраине центра города, но часть жителей сохранилась с тех времён. Это те самые люди, которые создали эту страну, их осталось очень мало, а те, кого нет, всё ещё ложатся тенью — абсурдной, иногда нелепой, но трогательной. Такой жизни. Я надеюсь, что эти истории покажутся вам достаточно заурядными, чтобы прочесть их до конца. Ну, а если кто-то узнает кого-то или даже себя и вдруг непременно оскорбится, мол, неправда всё это, не было такого — я просто отвечу: всё, что здесь написано, чистая правда. Кроме фактов. Это сказала не я, а писательница Рут Рэйчил. От себя я только добавлю: жизнь — всегда выше литературы, поэтому, если у вас и так много жизни, не читайте.

Дядя Гена

Когда я переехала в эту квартиру, первое, что я увидела, — это была музыка. Да, да, именно музыка. Она была повсюду. В линялых шторах, за обоями, под полом, в стенах и даже за стеклом, где крошилась пожелтевшая газетная вырезка. Играли на пианино. Она было повсюду, но в основном сверху. «Эй, вы там, наверху!» — шептала я, но пианино лилось. У меня был маленький ребёнок, который кричал и плакал, поэтому звуки клавиш мне не очень нравились. А вот мы не понравились совершенно

Юсупова Диляра Ильмасовна родилась в 1987 году. Окончила факультет русской филологии Казанского Государственного Педагогического Университета, Московскую Академию Медиаиндустрии, учитель русского языка и литературы. Автор сценария и режиссер х/ф «Бомж» (короткий метр). Работает корреспондентом на телеканале «Новый век». Живёт в Казани.

другому человеку. Общая соседская стенка передавала то стук, то гневные проклятья. «Чтоб вы сдохли», — кряхтел старческий голос, но мы не ссыхали, а плакали громче. Через неделю он позвонил в дверь. Щуплый, маленький дед в очках, было странно, что это крохотное нечто обладает такой гранатовой импульсивностью.

— Я дядя Гена. Ваш сосед, и вы мне мешаете.

Так я познакомилась с дядей Геной. Когда-то дядя Гена был председателем дома — мастер на все руки и пьяница, что вполне логично. Слесарная работа требовала чистого вдохновения, а взять его было негде. Дома у дяди Гены проживала жена — строгая женщина с плохими манерами. Когда дядя Гена горько напивался, она грозила палкой и ругалась матом вроде «**аной скотины» или «алкаша б*дского» — совсем не изящно. Дядя Гена при этом был натурой романтичной и мыслил тоныше: брал деревянный табурет и возносил к небу, как бы моля Бога о пощаде. Молитву, правда, слышно не было, только томные вздохи и гнилой оскал, что означало: я доведён, я почти взбешён. Это значило «жди беды». Беда приходила не только к жене, но и ко всем жильцам дома. Жену он гонял по двору, визжала она, как раненая свинья, и вот тут — страдали мы, все остальные. Всё остальное время — это было вполне приличное семейство, живущее по законам чистейшего русского этноса: там, где невыносимость бытия сменяется самобытной рутиной. И то и другое являлось чем-то вроде... совершенно одинаковым. Там, где всё едино — и драки, и любовь, — фоном царило равнодушие — это было безразличие корня к опадающей листве. А что такого?

Со временем дядю Гену, конечно, с поста сняли. Дом требовал контроля, а Генина душа — водки. Понятия, как вы понимаете, не совместимые, но дядя Гена совсем не расстроился, а зажил тихой жизнью пенсионера: рыбалка, вздохи над старым запорожцем, долгие зимние вечера в компании собутыльников. Кстати, пил он исключительно из гранёного стакана. Как-то раз сказал: «Рюмка — это ребёнок бокала, а пить с детьми — это как-то не по-советски». Так я узнала, что у дяди Гены есть принципы. Прорастали они, впрочем, лишь когда это было удобно. Иногда он говорил, что я женщина, а значит, хрупкий цветок в каменистой пустыне (вероятно, это была цитата из дешёвого чтива), а уже вечером бешено колотил в общую стену, покрывая матом мою «шумную праздную жизнь».

А потом умерла его жена. Она умерла как-то незаметно и внезапно одновременно. Это было что-то вроде снега, выпавшего в ноябре: «Ка-а-а-к? Уже? Ах да, ноябрь жеж. Всё логично». Никто не ждал, но всем было всё равно. Всем, кроме дяди Гены, разумеется. Он как-то неожиданно подобрел, стал молчалив и мягок, вроде суфле при комнатной температуре — почти походил на человека. Но длилось это недолго. То есть было всё то же самое, но ко всему прочему он стал больше пить. Не просто больше, а безобразно и дико. В общем, он совсем сорвался с цепи. Это было безумное, глухое русское пьянство. Почти самоубийство. Может, это оно и было? Его выходки стали обыденностью, а брань будничной. Однажды он уснул в подвале и провёл там двое суток. Обнаружил его действующий председатель. Дядя Гена уходить из подвала не хотел — был уверен, что его выселяют из собственного дома. Волокли его под проклятья о буржуазном строе «страны, которую он поднял с колен». Он вдруг стал прикидываться идеологически направленным гражданином, стал цитировать Бердяева, рассуждать о классовой свободе и критиковать идею монархии как таковую: «Утопия с ограниченным горизонтом», — любил говорить он, скорее всего слабо представляя, что это значит. На дворе был 2013 год. Его «новые увлечения» приобретали сумасшедшие формы. За всё это время я заходила к нему два раза, он никогда не закрывал дверь, а просто говорил «входи», протягивал гранёный стакан, я качала головой. Он почему-то

всегда удивлялся, приподнимал бровь, мой отказ казался ему нелогичным. Тогда он двигал сахарницу в мою сторону и предлагал рафинад. Удивительные крайности: сначала тебя воспринимают как матёрую пьющую женщину, а уже в следующую секунду как ребёнка, участь которого грызть сахарок. Ни тем, ни другим я не являлась, поэтому просто сидилась всё на тот же табурет (он многое повидал) и слушала его. На самом деле я приходила не за этим. У моих визитов была конкретная цель — цель простая соседская, будь то одолжить стремянку или выпросить соль. Однажды мне зачем-то понадобился гаечный ключ, дядя Гена смотрел на меня очень сурово: «Есть ключ от моего сердца, гаечного — нет», — резко оборвал он и захлопнул дверь. Так я узнала, что у дяди Гены есть сердце. Но речь не об этом. Приходя, приходилось слушать. В большинстве случаев это было тягостно, но иногда — очень занимательно. Часто я говорила, что мне надо идти, его это не интересовало. К середине беседы я начинала замечать, что грызу-таки рафинад. «Кушай, кушай, это сахар из Чувашии, такого уже не продают». Что он имел в виду, известно только Богу. И, наверно, его покойной жене. Про жену он, кстати, почти не говорил, его рассказы скорее носили какой-то абстрактный характер. Например, он говорил: «Я всю жизнь прожил простым русским человеком, ел хворост и пил водку». Как это всё было связано, он не объяснял. Он был совершенно невозмутим, как дно гранёного стакана, а это дно видело всякое. Или: «Ты такая хорошенъкая, совсем не похожа на своего отца». Почему-то он считал моего отца проблемным человеком с дурным характером. Вероятно, это было как-то связано с его тусклыми воспоминаниями проживания отца-подростка по соседству.

— Вы так хорошо знали моего отца?

— Я не знал его совсем.

И это тоже было правдой. Дядя Гена был склонен преувеличивать. Его фантазия работала, как всякое многоцветное воображение: если богатый, то, безусловно, непорядочный, а если сидит в тюрьме, то обязательно ни за что. Однажды он сказал, что его жена была ведьмой, а потом — что любил её всей душой. В это сложно было поверить, ведь я сидела на том самом табурете. Он утрировал свою значимость, будто бы только что вспоминал невероятные истории и романтизировал свою жизнь, жизнь в потасканных стенах, где на столе ничего, кроме гранёного стакана и куска рафинада. Он был непреклонен и тут же «переобувался на ходу». Его реальные воспоминания будто бы стёрлись, а он всё называл свежие куски рафинада, который уже не продают, — это была попытка защититься от безумия. Так я узнала, что дядя Гена был творческой личностью.

Однажды он исчез. Дверь была заперта, а вокруг никто не боянил. Я стала волноваться. При его образе жизни произойти может всякое. За дверью было тихо, что можно интерпретировать двояко. Он появился через две недели — трезвый и задумчивый.

— Где вы были всё это время?

— Я был в деревне.

— В какой ещё деревне?

— У меня есть деревня, я там жил.

Вот сюрприз. Оказалось, у дяди Гены есть деревня, родственники, близкие, люди, которые его любят. Это не укладывалось в голове. Это было абсолютно не последовательно. Это противоречило закону жанра. Этот «одинокий», ежедневно уничтожающий себя человек, рассуждающий о тлеющей реальности, всё это время... врал?

— Почему вы молчали?

— Я никогда не говорил, что их нет.

Действительно. Оказалось, что многоцветное воображение работает и в обратную сторону.

— Ты видела на Тукаевской заброшенный дом, прямо перед мечетью, выбитые стёкла и покосившийся забор с синей дверью?

— Ну да, а что?

— Чей это дом?

— Не знаю.

— Что за этой дверью?

— Понятия не имею.

— Я — тоже. Я каждый день хожу по этой улице в течение нескольких лет мимо этой двери, но что за ней? Я так её и не открыл.

Всё встало на свои места.

Дядя Гена стал меньше пить и больше грустить. Редко выходил из дома. И больше не гневался. Не звал в гости, но однажды сорвался. Произошло это ночью. Я услышала зверские стуки, а потом звон разбитого стекла. Дядя Гена лежал под дверью в трусах и что-то мычал. Оказалось, его дверь захлопнулась. Удивительно, но никто из соседей не открыл ему свою. Люди, которые знали его больше пятидесяти лет, сделали вид, что они незнакомы. Ох уж эта наивная попытка отгородиться от хаоса. Дядя Гена нёс хаос. И в переносном, и в прямом смысле: он зачем-то разбил окно в подъезде, подразумевая, что от него не так просто отделаться. Вероятно, он знал, что окно можно просто открыть, но ведь это лишь детали, правда? Русские не сдаются.

Мне пришлось его приютить. Он проспал сутки. А потом встал и совсем не удивился тому, где находится. Его не смущило даже собственное неглиже. Как ни в чём не бывало он отправил меня за пивом. А потом закурил у меня на кухне, не спросив разрешения. Это не было наглостью, скорее естественным ходом вещей. Спонтанность вулкана, который не виноват в своих извержениях. Он не был тревожен, взъярен, взъерошен или обеспокоен, я думаю, он не был знаком с чувством стыда в принципе.

Я осмелилась спросить:

— Дядя Гена, почему вы пьёте?

— Я так хотел эту лодку для рыбалки.

— Вы убиваете себя, вы понимаете?

— Я нашел её, моторную, я всё рассчитал. И мои девочки, Катя, моя младшенькая, я плёл ей эти рыбьи косы. А Таня — как мать, упёртая скала, холодная, как медуза. Я водил их в школу... они сказали мне, папа, не волнуйся, будет у тебя лодка, пообещали...

— И что? Что всё это значит?

— Они меня обманули.

Дядя Гена умер через месяц. В холодный ноябрь, единственный ноябрь без снега. Никто не плакал. Я тоже не плакала. С тех пор я стараюсь не шуметь, но задаюсь вопросом: что же всё-таки там, за синей дверью сконченного забора? Бесснежный ноябрь или нас опять всех обманули?

Фарзана Акбулатова

И полёт твой не прервётся

Рассказ

С башкирского. Перевод Найли Акбулатовой

Чу-чух, чу-чу-чух, чу-чух... Уже четыре дня Фарида едет с детьми на поезде. Узнав, что на следующей станции стоянка полчаса, она быстро собрала детей и вышла на перрон. На вокзале народ галдит — кто-то плетётся, взгромоздив на себя тяжёлый мешок с вещами, кто-то шумно катит тележку. Попрошаек тоже хватает, мимо с ветром проносятся дети-беспризорники. Ржавые товарные поезда, железные столбы, режущий слух шум, взвизывающие стоны и ужасная вонь — всё это произвело тяжёлое впечатление. Фарида Нуриева, никогда до этого не ездившая в такую даль, держала путь в богом забытый край — Владивосток. Раз уж вышла замуж за военного, то вопрос «где и как жить?» отпадает сам собой. Её Хамит — политрук, он обязан быть на передовых позициях. А его близкие должны следовать повсюду за главой семейства. Хорошо хоть, старшая дочь ей помогает, иначе Фарида пришлось бы очень тяжко. Ступив на перрон с тремя маленькими дочерьми, она тут же затерялась в толпе, словно в суетливом муравейнике. Рауза, стараясь как-то приободрить мать, сказала:

— Мам, я схожу за водой. Там не очень большая очередь, — указывая в сторону толпы у автомата с водой.

Фарида кивнула, а сама двинулась поискать место поукромнее, где можно было бы отдохнуть. Средняя дочь последовала за сестрой. Фарида с младшей, глухонемой Лилей, присела на скамейку, помахала набиравшим воду дочерям. Тут перед ней возникла укутанная в чёрную шаль старуха. «Уж не цыганка ли?» — насторожилась беременная Фарида и притянула к себе дочь. Но мысль, что у них и своровать-то нечего, её успокоила.

Акбулатова Фарзана Фатиховна — автор романов, повестей, рассказов, сказок и стихов для детей. Родилась в 1960 году в деревне Урняк Хайбуллинского района Башкортостана. Окончила МГУ им. М.В.Ломоносова. Ведущий специалист студии радиовещания ГТРК «Башкортостан», член Союза журналистов РБ, член Союза писателей РФ, РБ, заслуженный работник печати и массовой информации РБ. Лауреат Государственной молодёжной премии им. Ш.Бабича. Победитель III Республиканского конкурса «Лучшая башкирская книга года» в номинации «Самая читаемая книга семьи», награждена Дипломом Министерства культуры и национальной политики РБ.

Акбулатова Найля Фатхуловна — студентка отделения художественного перевода Литературного института им. А.М.Горького, призёр 2-го всероссийского конкурса художественного перевода «Услышь, Россия, наши голоса».

Долго сверлившая её взглядом старуха наконец заговорила:

— Он словно разбушевавшийся ветер, вихрь. Постоянно в движении. В движении...

Хоть сама и тощая, а голос у неё какой-то грубый, низкий. Про кого это она? Про мужа? Если так, то она права, именно из-за главы семейства им вечно приходится быть в движении... Или возразить старухе? Не стоит, а то потом не отделаться, лучше промолчать. Хочется, чтобы она поскорее отвязалась.

— Клянусь! Вижу восхождение звезды! Она направится с Востока на Запад. Одна сторона светлая, другая — тёмная, словно чёрная бездна...

— Только солнце может двигаться на Запад, — перебила её Фарида.

А цыганка словно и не слышала:

— Всё в вашей жизни переменится. Эта звезда не угаснет! Чего нахмурилась? Я не вру, всё это ясно вижу!

Фарида представила мужа с его звёздами на погонах и вздрогнула. Как бы не война. В последнее время всё чаще об этом слухи.

— А она вернётся домой? Звезда эта?.. — тихо спросила Фарида.

— Ждать будешь. Всю жизнь будешь ждать... И он будет ждать.

— Чего?

— Встречи с тобой.

— Уйди, ведьма!

— Дай мне чего-нибудь, я за даром не гадаю, — и она вырвала с рук Фариды платочек. Зло добавила: — Всю жизнь тебе ждать эту звезду!

Тут подошла Рауза. Услышав последние слова, она спросила:

— Звезда, говоришь? Мой отец военный! Он отличный военрук! Его мундир увенчен медалями. Да же, мама?

Выросшая в сиротстве, не умевшая спорить, Фарида промолчала. Схватила детей и зашагала прочь, в другую сторону.

«Да ну её, эту цыганку! Пусть морочит голову другим! У меня и так забот хватает. Скорее бы добраться до Хамита, детей довезти без происшествий и о себе позаботиться: как-никак четвёртый уже на подходе...»

— Мам, вот водичка, попей! — Разида потянулась за кружкой, которая была в руках у старшей сестры.

«Звезда твоя... Одна сторона — светлая, другая — тёмная. Будет от него и радость, и печаль. И тем и другим насытишься сполна. Всегда твоё сердце будет кровью обливаться». Неправда! Фарида — гражданская своей советской страны, где нет места предрассудкам и суевериям. Она и сама в молодости участвовала в агитационной работе, выполняя комсомольские поручения по преодолению влияния религии на массы.

— Наш пapa самый сильный. У него оружие есть. Он смелый и никого не боится! — гордо говорит Рауза.

«Мы не верим во всякую чушь...» — убеждает себя Фарида. Она посмотрела на младшую, Лилию, — у той в глазах отражалось какое-то беспокойство. Но ведь она глуха и не могла слышать слов старухи. Значит, уловила тревогу матери... Прочь все сомнения, и возьми себя в руки! Долгий путь подходит к концу. У неё есть поддержка, опора и защита — её муж Хамит, скорее бы его увидеть. Это придало ей сил, и она забыла о боли в пояснице. Скоро семья воссоединится и никогда уже не расстанется. Они всегда будут вместе, а все беды обойдут их стороной. Ребёнок в утробе, словно читая её мысли, стал сильнее пинаться, желая поскорее увидеть семью.

Казалось, на этот раз стук колёс был веселее. Через грязные окна вагона ничего не разглядеть. Чу-чух... Вдруг поясницу схватило. Невольно вырвался стон. Надо найти силы выдержать эту боль! Уже скоро доедем до места, потерпи, малыш! Твоё время ещё не пришло. Успокойся же, дорогой! Ax! Какой упрямый и нетерпеливый ты у меня.

— Доченька, сходи за проводницей, — попросила она Раузу, превозмогая боль.

Через некоторое время по поезду пронеслась весть: в одном из вагонов мусульманская женщина родила ребёнка.

— Ну? Кто? — спросила Фарида, облизывая пересохшие губы.

— У вас сын!

— Сыночек!

Сын! Долгожданный сын Хамита! Мир словно озарился и заиграл другими красками. Все боли вмиг куда-то исчезли.

— Рауза, на ближайшей станции отправь отцу телеграмму. Скажи, что у него родился сын!

* * *

— Рудик, сынок, ты готов?

— Да я уже давно готов, мам! А сёстры ещё нет!

— Разида, смотри, твой брат уже оделся и ждёт. Будь пошустрее.

— Да у тебя всё время Рудик да Рудик!

— Я всех тороплю. Лучше прийти раньше, чем опоздать.

Сегодня в доме всё так оживлённо. Или это только Рудольфу так кажется? Они впервые едут на спектакль в Башкирский государственный театр оперы и балета! Конечно, для всех в доме это большое событие. Мама ходит окрылённая, её глаза искрятся радостью. Редко она бывает такой счастливой. Кажется, что детям тоже передаётся её подъём, и они, не чувствуя меры, начинают баловаться. Фарида апай кое-как их успокаивает, и они, толкаясь, дурачясь, выбираются из тесной квартиры.

Рудольф, бывало, проходил мимо здания театра оперы и балета, и оно будоражило и даже немного его пугало. А сейчас, когда он вместе с семьёй, ему показалось, что театр будто весь светится и с нетерпением ожидает своего нового гостя. У мальчика от волнения забилось сердце: тук-тук, тук-тук. А ведь он даже мечтать не смел, что может оказаться в этом величественном месте. У него перехватило дыхание, губы пересохли.

У Фариды апай только один билет на руках, все пять человек пройти по нему не смогут. Поэтому она надеялась, придя пораньше, найти какой-нибудь способ всем попасть в зал. Однако перед входом в театр их ждала огромная толпа таких же просителей «лишнего билетика».

— Дети, — Фарида апай взглянула на старшую Раузу, — не вздумайте оставить Разиду... Зайду с Лилией, а потом, может, и вас как-нибудь удастся провести.

И она посмотрела на Рудольфа. Сын ясно почувствовал материнское волнение. Это дало ему внутренней силы, он уже всей душой был там, в театре.

К дверям не пробиться: вокруг слишком много людей. И тут произошло чудо: толпа взрослых, толкаясь, вышибла вторую дверь. Эта волна, подхватив лёгкого, словно бумажный кораблик, Рудика, занесла его в здание. Билетёры, пытавшиеся закрыть эту дверь, не заметили мальчика. Оказавшись в середине фойе, восьмилетний Рудик стал оглядываться по сторонам и обмер: он понял, что находится внутри волшебной шкатулки. Нет, он находится в замке падишаха! Как же он тут оказался? Роскошная блестящая люстра, сверкающие лампы, повсюду на стенах развесаны

зеркала, отражающие яркий свет, величественные узорчатые колонны, расписные потолки и полы, бесчисленное количество дверей с таинственными входами — такой неописуемый, головокружительный вид открылся перед ним.

Волшебная сказка! Он оказался в прекрасном мире! Но голос консьержа у входа вернулся в действительность:

— Безбилетников накажем! Безбилетники — на выход!

Безбилетник? Нет, билет — его сердце, никто не сможет вырвать Рудика из этого магического мира.

В этот момент его схватила Рауза, которую занёс тот же людской поток.

— Нам нужно пробраться в зал!

Глаза Рудика решительно вспыхнули, он посмотрел в сторону входа. Он уже не нуждался ни в чьей помощи. Он был у цели.

И его не заметили в зале. Проворный мальчишка заприметил укромное местечко.

Вскоре огни погасли. Зрительный зал погрузился в блаженство звуков. Живая музыка оставила неизгладимое впечатление, ведь до этого Рудик слышал лишь треск вперемешку со звуками из старого приёмника. Этот проникновенный чистый звук вошёл в душу и играл уже в нём самом. В какой-то момент Рудик сам стал одной из тех нот, которые звучали в мелодии.

Открылся занавес. «Журавлинная песнь» увлекла Рудика в зачарованный мир. И не его одного — весь зал. В эти минуты граница между реальностью и фантастикой стёрлась. В балете нет места злу, голоду и нищете. Здесь живут только положительные герои с благородными поступками, и зритель является участником представления. «Журавлинная песнь» навеки осталась в душе будущего великого танцовщика.

Рудик будто сам был на сцене и кружил Зайтуну Насретдинову, игравшую Зайтунгуль. И тем журавлём, который помогал двум сердцам, был он. Башкирская фольклорная музыка прошлых веков перенеслась в современность и проникла в Рудика, и стала неотъемлемой частью его души!

Наверное, нигде больше нет такой красоты, такого благозвучия, такой лучезарности и радости! Отточенность движений, совершенная грация, прыжки танцоров, напоминающие полёт птиц... Всему этому он непременно научится!

По пути домой Рудик то бежал с разведёнными в стороны руками, то высоко прыгал, а если падал, — поднимался, повторяя те же самые движения. Он не ощущал на себе золатанную куртку. Даже мама, по обыкновению сопровождавшая его выходки вздохом «моторчик!», на этот раз молчала.

— Да что с ним такое? Уймись! — удивлялась Разида.

— У него выросли крылья, как у журавлей, — ответила Фарида апай.

— Ладно, полетает да забудет.

Но Рудик не забыл впервые увиденный балет. И никогда уже не забудет.

Несколько дней подряд он танцевал, подражая артистам балета, вся семья устала от этих его бесконечных прыжков и кружений. И только мама, на удивление, выказывала одобрение. Рудик подошёл к ней:

— Мам, а Зайтуна вот так ногу выворачивала?

— Не совсем. Скорее, вот так...

Увидев, насколько красиво мать сделала движение, мальчик воскликнул:

— Мам, ты так это похоже сделала! Откуда ты знаешь, как надо?

— В своё время мы, комсомольцы, участвовали в культурно-просветительской работе. Вот тогда я и танцевала немножко.

— Мам, ты родилась журавлём-балериной?

Поэзия

Исропил Татриев

Иду за мечтой

С ингушского. Перевод Юрия Щербакова

Снежные волны

Сделал нынче вольный ветер
Все дороги целиной!
Я счастливей всех на свете —
Море снега предо мной!

Снеговые волны! Сказка!
Кто сказал, что это — жуть?
Словно в детстве, я на пляску
Ветра буйного гляжу

С восхищеньем! Только жизни
Той, что прежде, нынче нет.
Заметают по отчизне
Волны снега злобы след.

Застарелых ран короста
Затянулась серебром.
И как будто выше ростом
Стали горы! Пусть добром

Воздух свежий нас одарит
В Ингушетии моей!
Пусть сражений больше гари
Не приносит снеговей!

Татриев Исропил Вахитович — родился в 1991 году в сельском поселении Али-юрт в Ингушетии, окончил аграрный техникум и Институт экономики и правоведения в Назрани. Автор книги стихотворений «Безама Глайре» («Остров любви»). Лауреат международного фестиваля поэзии и литературных переводов «Берега дружбы» и республиканского конкурса «Золотое перо» в номинации «Молодой автор». Живёт в Назрани.

Щербаков Юрий Николаевич родился в 1956 году. Автор более семидесяти книг стихотворений, переводов, прозы, публицистики. Секретарь Союза писателей России, председатель Астраханского регионального отделения Союза писателей России. Лауреат первого международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак торна», всероссийских литературных премий: «За верность Слову и Отечеству» имени первого редактора «Литературной газеты» А.Дельвига и многих других. Награждён орденом Дружбы. Живёт в Астрахани.

Мир. Какое это чудо!
И прекрасней нет мечты:
Помыслы людей да будут,
Словно этот снег, чисты!

Отчизна

Как хочется мне стать твоей частицей,
О солнце, что над Родиной встаёт!
Чтоб расцветать улыбками на лицах,
Чтоб светом жизни радовать народ!

Чтобы утишить боль моей Отчизны,
И раны хоть немного залечить,
О Ингушетия, не жаль мне даже жизни!
Готов я сердце превратить в лучи,

Которые в долинах обратятся
В поля ещё невиданных цветов!
Пусть их ласкают трепетные пальцы
Рождённых солнцем чистых родников!

Земля, цвети! Душа давно готова
Стать мотыльком в моём родном краю
И превратиться в песенное слово
Во славу, Ингушетия, твою!

Дождь

Земля умылась утренним дождём,
Который полновластным господином
Стучался по-хозяйски в каждый дом,
Ступая через горы и долины.

Примолкли под стрехою воробыи,
Чирикавшие радостно вначале.
Но в такт дождю мелодии свои
Кузнечики, ликую, стрекотали.

О, этот гимн промчавшейся весне!
О, лета поспевающего токи!
Они во мне, в душевной глубине
Рождали незатейливые строки

О том, как разгулялась по садам
Вовсю волна, шальная, дождевая.
И о цветах, с которых без стыда
Разбойник-ветер лепестки срывает.

Счастьем всё наносное смывать,
Как пыль и грязь, небесною водою,
О том, что это — Божья благодать —
Вслед за дождём шептать: «Живи, живое!»

Проза

Есугей Сындуев

Невыдуманные рассказы

Собачья доля

Вот говорят: завтрак съешь сам, обед подели с другом, а ужин отдай врагу.

Нет! Никогда и никакому врагу я ужины из детства не отдам! Ужины — не в смысле котлеты с гарниром и чая с печеньем-конфетами. А ужины — как сбор всей семьи вокруг стола, где главное еды — обсуждение событий прошедшего дня, новости сыновей, воспоминания родителей из их детства, обязательно с какими-то притчами, сказками, поговорками-приговорками.

Завтраки по утрам — перед детсадом ли, перед школой — всегда были спешными. И зачастую в неполном семейном составе: отец уходил на работу ни свет ни заря. Обеды? Ну что сказать про обеды, — они либо в детсаду, либо в школьной столовой проходили. Да, весело! Да, шумно! Но как-то не запомнилось из них ничего. А ужины... вот другое дело — ужины!

— А знаете, сынки, — как-то, когда семья уселась за столом, сказал отец, нарезая испечённый матерью каравай, — что, когда мы едим хлеб, мы собачью долю едим?

— Как это? — удивились мы с братьями.

— В прежние времена, времена всеобщего благоденствия, хлебный колос был не десять-пятнадцать сантиметров, как сейчас. А был он во весь стебель: от самого корня и до верхушки! И не было на всей земле голодных и обездоленных. Хлеба у всех было вволю. Зажрались люди. Ни во что хлеб не ставили. Недоеденные куски выбрасывали. Уронив хлеб на землю, не поднимали, а пинали и топтали его. Сильно этим гневили они Небеса. И как-то одна женщина, сорвав в поле пучок хлебных колосьев, подтёрла им зад своего младенца. «Ах, так вы?! — разгневался на это Верховный Правитель Небес. — Не цените вы наш дар! Не относитесь к нему благоговейно! Бросаете в грязь и ногами топчете! А теперь уже и задницы свои сраные подтираете нашим бесценным даром! Не будет теперь у вас хлеба!»

Сындуев Есугей (Сергей Баторович) — прозаик, поэт, драматург. Член Союза писателей России, выпускник Высших литературных курсов Литинститута им. А.М.Горького, семинар поэзии Юрия Поликарповича Кузнецова, автор стихотворных книг «Затянувшееся мгновение», «Под Вечным Синим Небом», «Люди Длинной Воли», «Параллельные миры», трёхтомника поэзии, прозы и драматургии «Евразийская звезда». Автор ряда пьес, киносценариев, либретто мюзиклов, детских пьес. Обладатель Гран-при Фестиваля поэзии и авторской песни им. Булата Окуджавы. Живёт в Улан-Удэ.

Схватил он хлебный колос у самого корня и потянул руку вверх. Щёлкая полетели хлебные зёрна во все стороны. И оставался после руки его лишь голый гладкий стебель. Уже почти на всю высоту колоса прошла разгневанная рука. Лишь десять-пятнадцать сантиметров на самом верху стебля оставались с зёрнами. Тут подбежала к Верховному Правителю Небес собака и, схватив его за рукав, остановила.

«Подожди, о Величайший! — воскликнула она. — Страшен, но справедлив твой гнев на человека. Ты поделом наказываешь его, лишая такого великого блага. Но и меня ты наказываешь. И меня лишаешь куска хлеба. Ведь ем-то я лишь то, что человек мне даёт. А если у него не будет хлеба, не будет его и у меня. И я умру от голода. За что ты так со мной, о Величайший?»

«Ладно, — смилился Верховный Правитель Небес, — я пожалею тебя. Ничем ты не заслужила голодной участи. Оставлю я на хлебном стебле колос с зерном — то, что не успел содрать. Для тебя, собака, оставлю, — твою долю».

И отец, собрав в ладонь хлебные крошки, оставшиеся на столе после нарезки хлеба, отправил их в рот.

— С тех пор, когда едят люди хлеб, — сказал он, — они собачью долю едят. Собака долей своей с людьми делится. И вы, сынки, всегда делитесь с собакой куском хлеба. Помните, что это её хлеб, её доля.

Переправа, переправа — берег левый, берег правый

— Мне кажется, — сказал журналист в конце беседы, — что детство у вас каким-то необычным было. Так или нет? Расскажите что-нибудь интересное из детства.

— Да куда там! — усмехнулся я. — Самое обычное советское детство было, деревенское. Я родился и вырос в Турке, где сейчас Байкальская гавань. Половина села были семейские старообрядцы, половина — с Волги-Камы, как у нас говорили. Эти, с Волги-Камы, были вербованные — вербовщина — да оставшиеся здесь ссыльнопоселенцы... А что-нибудь интересное из детства?.. Вот этот случай, пожалуй...

«Был у меня до школы друг не разлей вода — Валька Копорский. Жили мы на одной улице, дома наши метрах в трёхстах друг от друга. Но нам это казалось огромным расстоянием!

Вечером, когда пора по домам, мы провожали друг друга. Он проводит меня до моего дома, а я говорю: что же ты один домой пойдёшь, давай я тебя провожу. Идём к его дому. А Валька оттуда провожает меня. А я его от своего дома провожаю. И так провожаемся мы, пока темнеть не начнёт и нас не загонят по домам родители.

Было мне тогда лет пять-шесть, не больше. Почему так уверен? Потому что Валька был на год старше, а в школу ещё не ходил.

Сидим мы как-то на бревнах — бревна в посёлке были везде, леспромхоз всё-таки — и я декламирую из "Василия Тёркина". Отец тогда учился в вечерней школе — в своё-то время учиться ему не довелось: война заставила с двенадцати лет в колхозе работать — и дома он вслух заучивал заданный отрывок из Твардовского. Я, слыша отца, выучил быстрее него.

Прочитал я, значит, отрывок до конца, и вдруг кто-то сзади в ладоши хлопает. Оборачиваемся, позади стоит дядька, высокий такой, со смеющимися глазами.

— Дядя Исаи! — кричит Валька. — Вы за мной? Бабушка уже пирожки настрыпала?

— Настряпала, настряпала, — отвечает дядька. — Сейчас мы с тобой их есть пойдём.

А сам садится рядом с нами на бревно. И на меня смотрит.

— А можешь мне с самого начала прочитать? — спрашивает. — А то я только в конце подошёл.

Я с охотой отбарабанил ему — с выражением, уже тогда умел! — совсем не малый отрывок от "Переправа, переправа — берег левый, берег правый" до "Смертный бой не ради славы, ради жизни на земле".

— Молодец! — дядька потрепал меня по волосам. — Знаешь, кем ты будешь, когда вырастешь? — И на мой вопросительный взгляд отвечает: — Поэтом будешь! Запомни: по-э-том!

Взял Вальку за руку и увёл домой, пирожки бабушкины есть. Рядом судачили о чём-то две соседки.

— А кто это? — спрашивает одна, глядя вслед удалявшимся. — Что-то не узнаю. Не из нашенских он.

— Это Кати Копорской мужик, — отвечает вторая. — Говорят, в газете работает».

Катя — по девичьей фамилии Копорская — Екатерина Викторовна Калашникова. А дядька со смеющимися глазами — Исаи Калистратович Калашников.

— Ничего себе! — присвистнул журналист. — Вот это да! Сам Калашников вас напутствовал! Как же он угадал, что вы поэтом станете!

— Надеюсь, что угадал.

Коммуникативный сервис

Из конца в конец страны свистели ветры перемен, гремел над её просторами, восторженно захлёбываясь, рупор гласности. По России мчалась тройка: Мишка, Райка, перестройка... Да уж, на народный роток не накинешь платок!

И будто плотину прорвало, столько всего стало печататься! И прежде замалчиваемое, и не очень рекомендуемое, и цензурно запрещаемое, и даже то, за хранение чего на Колыму загреметь можно было... И стихи, стихи, стихи...

«Блин! И вот это печатают в журналах! — порой хмыкал и удивлялся я. — А у меня ведь не хуже стихи. А ну-ка — чем чёрт не шутит! — не попробовать ли мне в поэты выйти?»

Аккуратно, насколько мог, исписал своими виршами ученическую тетрадь в восемнадцать листов — из соображений, что двенадцатилистовая тетрадь маловатой покажется, а в сорок шесть листов — явный перебор. Выбрал золотую середину. А стихи туда отобрал — некоторые из них более четверти века из одного моего сборника в другой кочуют. И решительно направился в Союз писателей Бурятии, который располагался на Ленина, 30, где нынче Министерство культуры размещается.

Решимости хватило лишь до крыльца. Потоптался у него... и развернул свои стопы обратно. Засомневался что-то...

Там сидят настоящие поэты! Там почти боги! Там Парнас! А тут — здрасьте! — я, рожа деревенская, с тетрадкой своей мятой, кривым почерком исписанной.

Дома несколько раз критически перечитал тетрадь — ну нет же! Вполне достойные стихи! На следующий день я опять топтался в нерешительности у крыльца на Ленина, 30. И опять ехал домой, ругая себя за трусость.

Так повторялось несколько раз.

Вы скажете: «Да ну, ерунда какая! Ни в жизнь не поверю в это! Да чтобы он, с его

безудержным напором, с его бронированным лбом, которым он прошибает любые железобетонные стены, топтался в нерешительности у какого-то парадного подъезда? Да скорее ворона залаёт, а собака петухом закричит!»

Тем не менее так было... Это сейчас я — танк «КВ», жизнь меня таким сделала — весь в шрамах, в проседи, как чернобурка, погруженный, заматеревший, решительный, изворотливый, изобретательный, упрётый и неуступчивый.

Вот она, вечная борьба за место под солнцем! Или выживи и будь победителем, или пади смертью храбрых и стань навозом, удобрением в почву, на которой произрастёт кто-то более достойный, смелый и удачливый.

Да-а, был я когда-то стеснительным юношей бледным со взором горящим. В институте, помнится, мимо двери деканата робкой поступью ходил.

Но всё-таки дошёл я до третьего этажа на Ленина, 30. Меня направили к литконсультанту по работе с молодыми поэтами. Круглоголовый, начинающий лысеть литконсультант, далеко под стол вытянув ноги и развалившись на стуле, лениво перелистывал мою тетрадь. А я, переминаясь с ноги на ногу, стоял у другого торца длинного стола, заваленного книгами, рукописями и разной канцеляршины. Вид этого стола, надо полагать, призван был свидетельствовать о том титаническом объёме работы с молодыми поэтами, что перелопачивается здесь.

Я заметил, что литконсультант прочитывает стихи из моей тетради как-то бегло, по диагонали, часто отрываясь от чтения и переговариваясь с другим находящимся в кабинете писателем. Речь между ними шла о дачах, навозе, саженцах, семенах — дело было весной.

Пролистав всю тетрадь, литконсультант, почти в трубочку сжав её одной рукой, похлопывая ею по ладони другой и глядя куда-то в сторону, начал излагать явно заученный текст.

— Знаете, молодой человек, — загнусавил он. — На свете есть много интересных хобби и увлечений. Но поэзия — это, понимаете ли... настолько тонко, глубоко, настолько не всем достижимо... В общем, поверьте, поэзия это не ваше! Найдите себе применение в чём-то другом, где вы как-то сможете проявить себя и реализоваться.

И литконсультант небрежно перебросил мне тетрадь на дальний от себя конец длинного стола.

Обухом по голове? Или пыльным мешком по ней же? Нет, это в пыльный мешок наложили дюжину топоров без топорищ и с размаху бахахнули меня в самое темя! Аж в ушах зазвенело!

Взяв свою тетрадь, на ватных ногах я направился к двери. У выхода оглянулся. Заметил и навсегда запомнил, как второй писатель спросил литконсультанта:

— Ну что, совсем безнадёжно?

Тот лишь отмахнулся небрежно...

«Ну, не поэт, так не поэт! — думал я. — На свете столько хобби и увлечений...»

А внутри всё протестовало и возмущалось. И когда доводилось мне проходить мимо здания на Ленина, 30, я старался не смотреть на окна третьего этажа.

Года полтора-два прошло. И тут — Его Величество Случай! Встречается в трамвае знакомый, кудрявый такой баргузинский бурят, вечно фонтанирующий какими-то утопическими идеями и головокружительными проектами.

— Кооператив открыл, — сообщает кудрявый. — «Коммуникативный сервис» называется.

— Ну и название! Язык вывихнуть можно! А попроще нельзя было?

— Проще нельзя! — заявляет он. — Профиль у кооператива такой, непростой.

Концерты по районам пригородным организуем. Ну, это пока — по пригородам. А дальше развернёмся, расширимся: республика, соседние области, дальние города, а потом и Москва — Питер!

— И в Нью-Васюки, наверное, петь-плясать поедешь? — усмехнулся я. — Что-то не могу тебя на сцене представить.

— Да нет, — нисколько на Нью-Васюки не обиделся кудрявый, — не сами выступаем. Звёздам концерты устраиваем. Пока вот с театральными сотрудничаем — в пригородные Иволгу и Эрхирик ведущих артистов Бурятского драматического возили. Залы — битком! Так что я на правильном пути! Айда со мной в «Коммуникативный сервис», это же дико интересно!

А мне это что-то неинтересным показалось, но разговор продолжился.

— А базируешься где?

— Пока в СТД, в Союзе театральных деятелей, — отвечает кудрявый. — На Ленина, 30, на втором этаже. Я же говорю: с театральными сотрудничаем.

Опа-на! Ленина, 30! СТД на втором этаже, а на третьем... А на третьем — Союз писателей!

— Ну-ка, ну-ка! Что-то мне это, как ты сказал, дико интересно стало!

Начал я похаживать на Ленина, 30 на второй этаж. Но интересовал меня только третий. Присматриваюсь к писателям. Завёл дружбу с их секретаршой — ля-ля тополя, выходим вместе покурить, пообедать, кофе-мороженое-шоколадки, — стала она учить меня на машинке печатать. Печатаю одним пальцем, но стихи мои в напечатанном виде так солидно, убедительно и по-взрослому выглядят — ну как настоящие!

Секретарша рассказывает мне о писателях: кто хороший поэт-прозаик, а кто просто погулять вышел, кто из них добрый дядька, а кто так себе.

Она подрабатывала тем, что перепечатывала писательские рукописи. Ну, а когда чем-то другим занята была и рядом никого не было, я свои стихи одним пальцем наколачивал.

И как-то моё четверостишие — «Где облака, как в скирдах хлопок,/ где небо распахнулось голубо,/ деревья толпами к вершинам сопок/ взбираются, как предки на обобо¹» — попадает случайно в подборку стихов поэта-старейшины Алексея Даниловича Бадаева.

А Дамдинов Николай Гармаевич, председатель правления Союза писателей Бурятии, непременно прочитывал все стихи, какие рекомендовались к публикации в журнале и — тем более — к изданию книгой.

И вот Алексей Бадаев приходит в Союз писателей, просит секретаршу доложить о себе. Из кабинета вылетает Дамдинов.

— Алёша! Алёша! — размахивая листом со стихотворением, кричит он. — Да ты же гений! Вот это стихотворение! Вот это да! Это же гениально!

Бадаев в шоке, рассматривает четверостишие.

— Не моё, — говорит, — впервые вижу.

— Как? — удивляется Дамдинов. — Оно же в подборке твоей! Кто подборку печатал?

И смотрят оба на секретаршу. Та отвечает, вся вспыхнув, что ходит здесь какой-то придурок со второго этажа, стучит что-то на машинке одним пальцем.

— Ко мне его! — требует Дамдинов. — Немедленно!

— Да, моё четверостишие, — отвечаю я, оказавшись в дамдиновском кабинете. —

¹ Оббо — вершина возвышенности, где совершаются обряды поклонения богам и духам местности.

Хаджи-Мурат Таиров

ЗОВ МОЕЙ ЗЕМЛИ

С табасаранского. Перевод Юрия Щербакова

Миг восхищения

Весь до краёв наполнен добротой
Заветный миг прощанья с темнотой,

Когда внесёт рассвета буйный вал
На гору солнце, как на пьедестал.

И от улыбки солнечной в окне
Малыш твой улыбается во сне.

Коровка божья, на подъём легка,
Взлетает, пробудившись, из цветка.

Мгновение невиданной красоты,
Когда пылают жемчуга росы!

Когда встают над крышами домов
Дымы родных аульных очагов.

За этот миг, словно за целый час,
Салам алайкум! — слышишь ты не раз.

И столько же ты от души в ответ
Односельчанам даришь свой привет!

О, сколько доброты в себе несёт
Привычных наших дел круговорот!

В нём столько красок, образов и тем —
Не сосчитает даже ЭВМ!

И только ты не доброты глоток —
Чеснок и уксус в сердце приберёг.

И ничему вокруг сейчас не рад,
И прячешь от людей недобрый взгляд.

Но я не перестану верить до конца:
Коснётся солнце твоего лица,

Чтобы и ты прекрасное постиг...
Не может быть иначе в этот миг!

Таиров Хаджи-Мурат — табасаранский поэт, Заслуженный учитель Республики Дагестан. Родился в 1958 году. Окончил филологический факультет Дагестанского педагогического института. Автор книг стихов на табасаранском и русском языках. Много лет работает учителем русского языка и литературы в Выше-Таловской средней школе. Живёт в Кизлярском районе Республики Дагестан.

Щербаков Юрий Николаевич родился в 1956 году. Автор более семидесяти книг стихотворений, переводов, прозы, публицистики. Секретарь Союза писателей России, председатель Астраханского регионального отделения Союза писателей России. Лауреат первого международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак торна», всероссийских литературных премий: «За верность Слову и Отечеству» имени первого редактора «Литературной газеты» А.Дельвига и многих других. Награждён орденом Дружбы. Живёт в Астрахани.

Богатства

Иду и думаю: «О, как же я богат!»
Мои богатства — вот они, подряд:

Букашки малые свой утренний *салам*
Мне дарят, не скучаясь, и тут, и там.

Кузнецик-виртуоз в траве вот-вот
Мне золотую песню запоёт.

Деревья, что добрей любой родни,
Желают быть мне крепким, как они.

А ива — всей природы женской суть —
Слезинку уронила мне на грудь.

Я столько повстречал в пути людей
Знакомых, незнакомых — но друзей!

Готов был каждый мне на добрый путь
Навстречу счастью душу распахнуть!

Даже младенец в маминых руках —
И тот мне улыбнулся. *Ин ш Аллах!*

Не верьте, что пустой кувшин — печаль,
Вон сколько по дороге повстречал!

Хозяйки улыбались: ведь домой
Вернутся скоро с солнечной водой!

Им на родник живой и с родника
Дорога одинаково легка.

Сегодня и вороны хороши —
Бросают мне орехи от души!

А все улыбки утренних цветов —
Их описать я просто не готов!

О, это не прогулка, а полёт —
Сама дорога вдаль меня несёт

Мимо богатств невиданных земных —
Мимо полей пшеничных золотых!

...Я — за рулём и думаю о том,
Что жизнь беднее из окна авто!

Ну разве бы глаза мои смогли
Увидеть драгоценности земли,

Когда бы я пешком в рассветный час
Не выходил в дорогу много раз?

Усталый путник, ну-ка, шире шаг!
К богатству радости пускай ведёт душа!

*Под вечерним дождём,
или Одна из мыслей моего детства*

Кто к нам в окно глядит из темноты,
Как будто ждёт с надеждою ответа?
Я не могу узнать по силуэту:
Ты — человек? Ты — дерево? Кто ты?

Я маму тормошу: «Там человек!
Давай, зови его скорее в гости!
Пускай наш чай согреет его кости.
Дадим лепёшку и дадим ночлег!»

На улице ненастная пора,
Холодный ливень, и гроза в разгаре.
Вдруг в незнакомца молния ударит?
Пускай у нас побудет до утра.

И дерево мне жалко: слышишь, гром,
Как будто великаны ходят строем!
Давай скорее дерево укроем
Тобою, мама, сотканным ковром!

Неужто цвету жизни до поры
Не даст плодами ветер стать проклятый?
Но, может быть, укроются ягнята
Под деревом спасутся от жары!»

* * *

Аульская нагая ребятня —
Воде и солнцу — кровная родня!

Мальчишки-непоседы день-деньской
В обнимку с нашей горною рекой!

Она — чиста, игрива, весела —
Здоровьем наполняет их тела.

Но знает только вещая вода,
Что детство их уносит навсегда...

Камни

Тяжёлый камень, рухнувший со скал,
Моё купанье в речке оборвал.

И десять ясных драгоценных дней
Он вычеркнул из памяти моей.

Я на одиннадцатый день потом
Напомнил миру о себе, живом.

Но через месяц тот зигзаг судьбы
Душой и телом начисто забыл!

...Споткнулся я о камешек в пути,
Что вместо сердца был в чужой груди.

И так ударился, что раны этой след
Саднит в душе и через много лет.

Таких камней немало есть вокруг...
Стихотворенья смысл ты понял, друг?

Был голос?

Я слышу с давних пор тревожный зов
Неведомых прекрасных голосов.

Не чудятся, не грезятся во сне,
А наяву они живут во мне.

Качнётся ветка дерева слегка —
И кажется, что машет мне рука.

Пришпорил ветер у окна коня —
А не зовёт ли он во двор меня?

От наваждения лекарства, видно, нет —
Ни знахарь не помог, ни амулет.

Помочь Аллаха я просил опять,
Но порча не спешила отступать.

В сомнениях годы многие прошли,
Пока не понял: это зов моей земли!

А потому недуг неизлечим:
И жил я с ним, и похоронят с ним!

Проза

Олег Амгин

Рассказы-притчи

Полёт

*Песня тыгына, исполненная над небом синим**

Посвящается Михаилу Ефимовичу Николаеву, первому Президенту Республики Саха, его удивительному непоколебимому мужеству по воссозданию, возрождению и восстановлению исторической памяти народа

До сих пор жива среди народа саха легенда, по которой мать Тыгына, царя якутского, зажгла его звезду — родила его под деревом и поныне века напролёт цветущим, спасаясь, уходя от нашествия племён враждебных, погубивших мужа, владыку окрестных земель и отца Тыгына, царя якутского.

Говорят, потом Тыгын, признанный и обременённый властью, закалённый жизнью и борьбой, став владыкой большого улуса, исполнил песню-тойук о времени своём перед тем решающим сражением, ставшим для него последним, с пришлыми племенами, в песне своей душою поднявшись над суэтным миром людей и зверей, птиц и крылатых, ползающих тварей божьих.

А дерево и поныне растёт, жизненную силу сохраняя, хотя и пострадало изрядно под натиском дрязг и волнений веков, источая вокруг себя аромат времён, когда суета не мешала людям жить, испить этот воздух и этот незримый дух Тыгына ощутить — вот награда побывавшему там, на том священном месте.

Пел он песнь свою не один час и начал он этими словами, сохранившимися в памяти народной. А может, и другими, но кто теперь об этом знает и узнает ли когда-нибудь?

* * *

*Что жее значит полёт? Птицей ли взмыть ввысь иль коршуном чёрным налететь?
Что значит быть любимым и любить? Предков моцей и родичей ли, супругу-хотун и детей*

Амгин (Сидоров) Олег Гаврильевич — российский якутский журналист, прозаик, публицист, исследователь. Родился в 1962 году в селе Амга (Якутия). В 1985 году закончил историко-филологический факультет Якутского государственного университета. Автор свыше десяти книг прозы и публицистики. Живёт в Якутске.

* Опубликован в книге: Сидоров О.Г. Михаил Николаев. Восхождение. Ступени мужества. — Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012.

своих, друзей и воинов, восходы и закаты светил — Солнца и Луны, Туймааду ли с Сахсары, вечное небо и зеленеющий травой алаас?

Небо моё раскрылось в объятиях солнечных лучей. Пари, пари над миром Срединным, полями и морями-байхгал, бескрайними мирами-куяар. Вот только гнездо своё не забывай и, пролетая мимо, взгляни, взором окинь, что случилось с ним, пойми, время не лечит, время тянет, время таит, время не забывает, время открывает... Вот только важно быть готовым... К чему? Зачем?

Кто же ответит, на мой глас откликнется? С тех пор, как на эту землю ступила нога человеческая, прошло немало лет, но ответа не последовало. Со времён Омогоя и Элляя народ мой с солнечными поводьями за спиной проходит по Срединной земле — Орто туруу дойду — в поисках счастья и лучшей доли на пути, ему предназначенному Айы Тойон Тангара. Конца и края не видно. Так уж суждено в мире Срединном, великим Айы Тангара устроено во всём околотке куйяар, и нет другой воли.

Невзирая ни на что, предков дух окрепнет, и придут к тому дереву, под которым мать душу и жизнь мою спасала, оберегая телом своим земным от стрел и острых, словно иглы, слов людских, вдруг ставших враждебными и леденящими кровь, словно небо и землю накрыл чёрным крылом хищный зверь-абаасы. Острые иглы-слова злобные, словно хотели возжечь всё вокруг, до корня не оставив ничего, им было мало отцовской жизни отнять... Но мать, боль превозмогая, сердечную и телесную, над миром суэтным поднялась и, геройством своим новую жизнь всем подарив, весну для всех преподнесла.

Мне, сердцу моему мил этот вечерний предзакатный час, когда всё стихает в мире Срединном, и только слышны голоса певчих, уставших от пения птиц, и кажется, прощаюсь днём сегодняшним, я опять ожидаю в своём ожидании завтрашнего восхода-заката... Только дай испить эту чашу, нет, не горькую, а жизненную и предвосхищённую, тогда там, под тем деревом, когда мать закрывало тело моё своим леденящим от страха и ужаса, от безнадёжной боли и отчаяния, спасая будущее, спасая мир под Вечным Синим Небом, которое назовут Улусом Тыгыновым.

Вот моя печальная изначальная песня-история, исповедь-олонхо, дарованная вам, друзья мои, горьким обжигающим холодом снегом и летним долгим зноем выстраданная, кумысом животворящим испитая и песней радостной-тойуком прекраснословным и благославляющим обрамлённая... Только останутся ли в памяти людской слова мои отчаянные или унесутся ветрами и снегами в далёкие дали, куда свои воды величаво несёт великая Елюэнэ, Река-Ил, жизнь наша?

* * *

Спев так над миром суэтным и небом синим, взмыл в бескрайнюю куйяар Тыгин Тойон, Тыгин Дархан, царь саха, племени с солнечными поводьями за спиной. То ли прощаюсь, то ли предвещая своё возвращение в края родные, где степные дали и отроги гор снежные, бесчисленные озёра и реки, речки, овеянные прохладцем свежего ветра, алаасы изумрудные и тайга светло-прозрачная, устремлённая ввысь рощей берёзовой, гибким станом свободолюбивым.

Улетала его душа, пока телесная суть на земле бренной в последний бой собиралась, рассыпая по зелёному лугу благословенного алааса, слова заговорённые, словно россыпи на звёздном небе, готовые разгореться огнём тёплым, силу дающим от прикосновения того, кто найдёт, обретёт их и кого нарекут посвящённым и Первым.

*Борт Boeing-757-200. Якутск — Москва.
30 сентября 2012 года. 11:56 якты времени.*

В поисках заветной тропы

Тропа велась, петляя по неровной, пересечённой местности, то обходя заросли кустарников, то прорываясь в самую гущу, то поднимаясь на пригородок, то опять спускаясь на равнину. Тропа никогда не иссякнет и не зарастёт, покуда будут живы люди племени айыны аймага. Тропа образуется будто сама собой: там, где прошли, выбирая самый выгодный и нужный путь разнообразные обитатели Срединной земли, будь то четвероногие звери или двуногие, царствующие здесь. Тропа словно повторяла жизненные повороты-перипетии тех, кто пользовался ею.

«Ыллык — как метко назвали наши предки эту протоптанную людьми и животными дорогу. Ведь ыллык — это путь, который проторён в разнородной местности, пробиваясь сквозь буреломы и гористую местность, как здесь. Много препятствий приходится преодолевать! И моя жизнь — такой вот ыллык, путь в неизведанное, но в итоге он приведёт меня к цели», — так думал Тыгын, гарцуя по тропе, ведущей от его Ордуу¹ к отцовским землям.

«Не зря предки наши говорят: “ыллыктаах тыллаах”, “ыллыктаах киси” — слово у него основательное, основательный человек, так уважительно называли своих мудрецов айыны аймага», — Тыгыну такие раздумья приходили всегда, когда он оказывался в пути и в одиночестве. Поэтому он любил эти путешествия по просторам своей земли, прислушиваясь к тому, что несли ветра, шептали деревья и травы.

Тропа была жизненной необходимостью для жителей степной и таёжной страны. Тропа, струясь по земле то лесом, то степью, упрямо вела к цели. Тропа торилась, скорее, по наитию первых смельчаков, прокладывавших, прорубавших её по звёздам и по зову крови, которые, как компас, вели людей к источникам жизни — реке или озеру, но непременно к местам сакральным — местам силы, притягивающим живые существа.

Тыгын выбрал долину Реки за схожесть со степными просторами и душистый травянистый покров. Но на самом деле его вели не столько расчёт, сколько неведомая сила, называемая «зовом предков», которая приходит как наваждение, как открытие. Предки айыны аймага когда-то скакали по степным просторам, тянувшись в своей бесконечности к горизонту. Он, Тыгын, не видел воочию те степные дали с синеющими вдалеке горами, не скакал по тем просторам: он родился в другой стране, на таёжной земле. Но эта тяга просыпалась в нём вместе со стремлением понять своё предназначение, истинный смысл прихода-рождения на Срединной земле. Его уделом, как считали отец и старцы, было собрать все племена и роды айыны аймага под одним знаменем, которое гордо нёс всадник, нарисованный на одной из скал, что высились вдоль берега Реки. Его образ на века оставлен неизвестным предком, чтобы потомки когда-то могли возродить идею Ил.

Тропа вела его деда к тем самым местам, которые стали для всего их рода самыми потаёнными и священными, — к скале с тем всадником, ведшим свои племена к новым открытиям. Эта тропа — путь нескольких поколений, а нынче — путь Тыгына, она останется в памяти людей айыны аймага как завещание, как стремление найти свою судьбу и не растерять памяти предков.

Когда он скакал, гарцуя на своём скакуне, по тропинке, перед его взором открывались невиданные доселе места, напоминающие бескрайние степные дали.

---

¹ Ордүү (як.) — дом, дворец, стоянка, поселение, город.

Поэзия

Любовь Ануфриева

Из цикла «Клубки времени»

С коми. Перевод Андрея Расторгуева

Зелёный клубок

В разноцветных клубках тишины
наши души переплетены —
до тебя ни единого звука
не доносится из глубины.
Но в клубке из травы и ветвей
вся история речи моей,
чистой, как белоснежная птица, —
с ней мы общих корней и кровей,
да сородичи наши почти
отреклись от неё по пути:
сами словно крыло отломили
и подкинули к небу — лети!..

Слово за слово — род пустяка,
но без речи как без костяка:
человек, точно плюшевый мишкан —
всё едино, какая рука
приласкает...
Об этом и речь.
Голова его — стылая печь:
ледяною золою набита —
ни зажечь, ни от бед уберечь.

Если на перекрестье дорог
ты горячий найдёшь уголёк,
размотай тот зелёный клубок
в неразрывную нить путевую,
после у золотого огня
отогреешь для нового дня
окрылённую речь родовую.
А надежду возьмёшь у меня.

Любовь Ануфриева родилась в селе Гам Ижемского района Республики Коми. Окончила Сыктывкарский государственный университет. Сотрудник Литературного музея И.А.Куратова. Автор нескольких поэтических книг, вышедших на коми, русском, эстонском и английском языках. Лауреат премии А.Лужикова, премии М.А.Кастрена (Финляндия). Живёт в Сыктывкаре.

Расторгуев Андрей Петрович родился в 1964 году в Магнитогорске. Окончил Уральский государственный университет и Российскую Академию государственной службы при Президенте России в Москве. Кандидат исторических наук. Поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей России. Лауреат премии Правительства Республики Коми, премий имени П.П.Бажова, Р.И.Рождественского, В.Т.Станцева и ряда других литературных наград. Живёт в Екатеринбурге.

Красный клубок

Перелопатила былое
до потревоженных корней,
и снова в памяти моей —
воспоминание чужое.
Как будто южные потёмы,
и сверху пашенно черны,
но дышат льдом из глубины
от заметающей позёмки.
Клубок держу в ладони красный,
а горло распирает ком,
и слышу в голосе твоём
далёкий отзвук ненапрасный...

Война уже казалась вечной,
да время вышло той войне.
С холодной тундрой бесконечной
осталась ты наедине,
но снегового покрываала
всегда тебе недоставало
для писем в подполы земли,
куда твои все полегли...
Они с тобою дни за днями
шли рядом тайными тенями.
Об этом в сонной тишине
ты не рассказывала мне,
а только: «Страшно на войне...» —
почти неслышно отвечала...

Среди молчащего былого
твой шёпот различаю снова
в землёю пахнущем клубке,
что умещается в руке,
и вижу: в шерстяных носках,
в снега проваливаясь уткой,
своей размахиваешь юбкой,
как флагом красным, в попыхах
и задыхаешься от бега,
выкрикивая: «Победа!»
И слёзы снежные текут,
тебе за пазуху текут...

С холодной тундрою безмерной
оставшаяся наедине,
по радио ты самой первой
услышала: «Конец войне!»
И до конца в тебя она
переплеснула свой избыток,
как вышивкой из красных ниток,
напоминая имена.

Оранжевый клубок

Я снова, как столетия назад,
искала на земле цветущий сад,
где яблони могучая рука
стремится в небеса сквозь облака.
А вышла я дорогой ветровой
на поле, сплошь заросшее травой,
где времени и ветру поперёк
скитался неприкаянный старик —
обшарпанную дверь неся с трудом,
отыскивая подходящий дом.
Да не было ни дома, ни огня,
ни даже двери этой у меня.
И чтобы сад и яблоню найти,
мне поле надо было перейти...

А ветер небо тьмою заволок,
загородил дорогу чёрный волк,
но разглядела в нём, повременя,
мерцание угасшего огня.
И прыгнул он — зияющий провал
когтями грудь мне расположовал,
но засветился, точно уголёк,
мерцающий оранжевый клубок.
Из глубины его приподняла —
до глубины душою поняла:
живое сердце — больше ничего —
раздует пламя рода моего.
А чёрный волк его убережёт
и вечный сад для нас постережёт.

Дорога прояснилась, далека,
и я позвать хотела старика,
что на земле укрылся с головой
обшарпанной дверью и травой.
Поворотить пыталась — не чужой —
дверную ручку, съеденную ржой,
нажала посильнее, а металл
не выдержал усилия — устал...
С железкою стою наперевес,
а ветра будто не было — исчез,
и золотится сердца тёплый ком
в земном саду оранжевым клубком.

Мифы и сказания

Сказания о даредзанах

Осетинский эпос в переводе Игоря Булката

Небольшое предисловие

В августе 2021 г. владикавказским издательством «Проект-Пресс» отдельной книгой были выпущены «Сказания о Даредзанах» («Даредзантæ. Даредзанты тæурагътæ, ирон адæмы эпос»). Руководитель проекта — заслуженный работник культуры РСО-Алания, лауреат премии имени К.Л.Хетагурова, директор издательства «Проект-Пресс» Жанна Козырева, составитель — заслуженный деятель искусств РЮО и РСО-Алания Тотрадз Кокайты.

Наряду с Нартовским эпосом сказания о славном роде Даредзанты¹ и Царциаты диссæгтæ², чья культурологическая значимость такими известными учёными, как Ж.Дюмезиль и В.И.Абаев, приравнена к Илиаде, Калевале и Махабхарате, сохранились благодаря осетинским сказителям — братьям Шанаевым, З.Туаеву, А.Цаллагову, И.Собиеву, А.Кайтмазову, а также фольклористам В.В.Миллеру, В.Д.Пфаффу, М.М.Ковалевскому, П.С.Гадиеву и другим, буквально по крупицам собиравшим и записывающим упомянутые сказания.

Осетинские сказители пели о жизни великанов под аккомпанемент трёхструнного хъисфæндыра³, выдерживая эпический ритм, импровизируя насколько позволяла свойственная осетинским сказаниям патетика. Но основной мотив — любовь, отвага и кровная ответственность за свой род — оставался неизменным.

В отличие от Нартовского эпоса, эпос о Даредзанах и Царциаты диссæгтæ начал формироваться гораздо позже — в раннем средневековье, и процесс этот непосредственно был связан с развитием идентичности осетинского (аланского) этноса. Однако при сравнительном анализе эпосов о Даредзанах и Царциаты диссæгтж с Нартовским логично было бы учитывать географические, этнокультурные, языковые и просто социальные контакты народов, населяющих предгорье Северного Кавказа и Закавказье. В этом смысле сопоставления Даредзановских сказаний с другими аналогами

Булката Игорь Михайлович родился в 1960 году в Тбилиси. Прозаик, поэт, переводчик. Публиковался в журналах «Новый мир», «Дружба народов» и др. Живёт в Москве.

¹ Даредзанты — род осетинских богатырей, который, по преданию, исчез после проклятия семиглавого уаига (великана). Как следует из сказаний, богатырь Домбай (Лев) Даредзанты снёс мечом уаигу шесть голов, но прежде чем снести седьмую, тот взмолился о пощаде, но богатырь не пощадил его, и тогда уаиг проклял всех Даредзанты.

² Царциаты диссæгтæ (*осет.*) — буквально чудеса Царциаты, осетинский эпос, содержащий ценные знания эпохи матриархата, касающиеся происхождения мира и планет, человека, роли человека в этом мире и таинства передачи ему богами сакральных знаний.

³ Хъисфæндыр (*осет.*) — осетинский струнно-смычковый музыкальный инструмент.

по вокальным, атрибутивным, ритуально-родовым особенностям не вполне корректны. Даже если известный миф об Амыране восходит корнями к Прометею, прикованному к Санайы Хох (Казбеку), а близость собственных имён и топонимики так и подмывает уместить процесс формирования эпоса в один этнонациональный котёл. Другое дело осетинский эпос. Он формировался в тесной связи с древней и средневековой историей скифо-сармато-аланских племён.

Даредзановские сказания весьма схожи с древнеиранскими сказаниями о Рустаме, Зорабе и Бижане, которые, очевидно, проникли в Закавказье благодаря поэме Фирдоуси «Шах-Наме». Имена осетинских героев — Ростом, Бедзан, Гурген, Пиран — вполне соответствуют персидским. А имя осетинской красавицы Манидзан напоминает имя дочери царя Афрасиаба — Маниже. И всё же, несмотря на все эти соответствия, эпос о Даредзанах имеет ярко выраженные национальные особенности, а образы героев не спутать ни с какими другими, поскольку за время формирования они обрели чисто осетинские очертания.

Предлагаем вниманию читателей главы из «Даредзановских сказаний». В ближайшее время в издательстве «Проект-Пресс» планируется издание книги на русском языке.

Игорь БУЛКАТЫ

АМЫРАН И ОХОТНИК

Не было на земле никого, кто способен был превзойти Амырана Даредзанты в силе и ловкости. Только с Богом ему не доводилось испытать себя. И стал он искать предлога потягаться с ним.

Едет как-то Бог верхом, а навстречу ему Амыран. И поприветствовал его Бог:

— Счастливой тебе дороги, внучок!

Амыран отвечает:

— Добрых дел тебе, дед! Слезай-ка с лошади да поборемся, поглядим, кто из нас сильнее.

Усмехнулся Бог.

— Куда тебе со мной бороться, Амыран.

— Слезай с коня, дед, померяемся силами, — упрямо повторил Амыран.

Бог якобы случайно уронил плеть на землю и просит:

— Ну, раз так, то подай-ка мне плётку.

Амыран нагнулся, схватил плеть, но даже сдвинуть её не смог с места. А Бог разгневался за его дерзость и проклял — приковал к скале в пещере горы Уарзаг¹.

Так и висит до сих Амыран прикованный в пещере горы Уарзаг. Вход в пещеру замурован, открывается только раз в год.

Однажды один охотник пошёл поохотиться на гору Уарзаг. И когда он добрался до пещеры, по воле Бога вход в неё отворился.

Заглянул в пещеру охотник и увидел прикованного к скале железными цепями Амырана, под ним горел голубой огонь, и голубой дым вился кверху. Глаза Амырана были величиной с бычье ярмо, а руки — толщиной с дерево. Испугался охотник, бросился было бежать, но голос Амырана остановил его.

— Не бойся, охотник. Я — Амыран Даредзанты, подойди поближе.

Приблизился к нему охотник, Амыран стал расспрашивать о делах минувших и нынешних дней, а затем попросил:

— Вон, на стене висит мой меч, сними и принеси мне.

Охотник взялся за висящее на стене оружие, но даже сдвинуть его не смог.

¹ Уарзаг (*осет.*) — буквально: любящий.

— Не могу я его снять, что же делать? — посетовал охотник.

— Вот что, возьмись одной рукой за меч, а другую протяни мне.

Охотник вцепился одной рукой в кожаный ремень на ножнах, а другую протянул Амырану. Тот дернул его за кисть и едва не оторвал руку. Закричал охотник:

— Ты что, хочешь руки мне оторвать, что ли!

Отпустил его Амыран и говорит:

— Уходи отсюда поскорее. Если знаешь где небесную цепь, то тащи её сюда да гляди, чтобы по дороге ни одна женщина не окликнула тебя. И запомни: удастся мне освободиться — будет вам, земным людям, счастье.

А была небесная цепь в доме у охотника. Побежал он за ней, снял с крюка и понёс. Увидела его жена и кричит вслед:

— Куда ты несёшь мою цепь?

И закрылась пещера Амырана, остался он навечно прикованным к скале.

СКАЗАНИЕ О БЕДЗАНЕ

В ущелье Гнева, в Гудзарет¹, появился кабан, который пожирал людей. Там же, неподалёку, обитали уаиги, но и они оказались бессильны перед ним. В соседнем ущелье Атенгом жили Даредзанты, и до них от сородичей, да и от уаигов, стали доходить мольбы: «Неужели и у Даредзанты не родился такой богатырь, который убьёт кабана!» А передал им мольбу повелитель татар-Апрасионов.

Сидели как-то на Ныхасе представители рода Даредзанты. Самыми решительными и знатными из них были братья Ростом, Гиви и Годердз. Ломали они голову над тем, как быть да что предпринять.

— Может, у нас и родятся богатыри, способные убить кабана, но когда это будет! — размышляли братья.

Был у Гиви сын по имени Бедзан, который с семилетнего возраста слышал подобные недовольные высказывания. И говорит он:

— Я мог бы сразиться с кабаном, но у меня нет ни оружия, ни боевого коня. Вот если бы дядя дал мне свой лук да стрелы, коня своего Реси да меч с арканом, то я пошёл бы и убил кабана.

Ростом цыкнул на племянника:

— Какое тебе оружие, ты вон миску с кумысом не можешь до рта донести, не пролив половину!

Обиделся Бедзан, сел на свою клячу, взял своё оружие и собрался ехать. А Ростом поглядел на него и с укоризной говорит братьям:

— И вправду, на таком коне далеко не уедешь, да и доспехи ни к чёрту, сожрёт его кабан. — И, обращаясь к Бедзану: — Ладно, бери моего коня да оружие, только ты молод, как бы кабан тебя не задрал.

И отдал ему и коня, и лук со стрелами, и меч.

Отвечает Бедзан:

— Спасибо вам. Но я не знаю дороги, дайте мне провожатого — он хоть весть принесёт, если меня убьют.

И дали ему в провожатые Гургена, хитрого слугу. Поднялись они на вершину горы, Гурген указал рукой вниз и говорит:

— Вон, видишь, кабан идёт. Но я с тобой не пойду ему навстречу.

Присмотрелся Бедзан, действительно, идёт кабан, играя, а за ним пыль клубится.

---

¹ Осетинское поселение в районе Боржома, где проживали такие фамилии, как Плиты, Джыккайты, Калоты, Чехойты, Саулохты, Битарты и др.

— Ладно, — говорит Бедзан, — оставайся здесь да гляди в оба — если убьёт меня кабан, то сообщишь нашим.

Подсадил Гургена на дуб, чтобы тот вскарабкался на самую вершину, а сам отправился к кабану, залёгшему в своём логове. Пришёл к нему и кричит:

— Эй, кабан, точи свои золотые клыки да вылезай наружу, посостязайся со мной! Кабан вылез из логова, глянул снизу вверх на всадника и говорит:

— Что ты надумал, Бедзан? Ты — единственный сын у матери, да и я тоже, зачем эти смертельный игрища?

— Ничего, померяемся силами!

И говорит кабан:

— Погляди на тот холм, парень, — всё это волосы витязей, которых я растерзал. Погляди на красное озеро — это кровь витязей, которых я съел. А теперь погляди на Белую гору — это кости тех витязей, что были здесь.

— Не пугай, кабан, если что, положишь мои волосы на холм. Объясни толком, как будем состязаться!

— А вот как! — Воткнул кабан в землю золотой клык, пропахал борозду, затем вторую — на приличном расстоянии от первой — и объясняет: — Встанешь возле этой борозды и побежишь ко второй что есть мочи, а я погонюсь за тобой. Если настигну тебя прежде, чем добежишь до второй, — сшибу с ног и убью. А если нет, то догоняй меня, а догонишь — делай со мной что хочешь!

Встал Бедзан возле борозды и говорит:

— Догоняй, раз так! — И коню вполголоса: — Не подведи, Реси!

Запрыгнул в седло, пришпорил коня и поскакал что есть сил. Погнался за ним кабан, но Бедзан успел проскочить вторую борозду, преследователь только и смог что выдрать пук волос из конского хвоста.

Повернули обратно, теперь всадник погнался за кабаном, и когда тот пробежал половину пути, Бедзан выстрелил в него из лука. Стрела воинилась в спину, вышла из груди и упёрлась в землю. Кабан приостановился, но продолжил свой бег, пропахивая, ровно лемехом, трёхгранным наконечником торчащей из груди стрелы землю, пока не скрылся в логове.

Слез с коня Бедзан и думает: «Пойти за ним, — а вдруг он притаился, только и ждёт меня. Но не пойти тоже нельзя. Будь что будет!» И полез он в логово, держа в одной руке кинжал с золотой рукояткой, а в другой копьё. Глядит, а кабан уже испустил дух. Схватил его Бедзан за клыки, тащит наружу, не может вытащить. И говорит он коню:

— Умер кабан, но я его никак не вытащу из логова.

А конь ему:

— Цепляй арканом за клыки, а конец привяжи к моему хвосту, я его выволоку.

Бедзан так и сделал: зацепил арканом кабаны клыки, а конец привязал к хвосту коня, тот его и вытащил. Отрубил Бедзан золотые клыки, приторочил к седлу, а концы их аж до земли достают. Сел на коня и вернулся к тому месту, где поджидал его хитрый Гурген. При виде клыков тот от страха свалился с дуба и спрятался в кустах. Однако вылез через некоторое время и приблизился к хозяину.

— Давай поедим чего-нибудь, — предложил Гурген.

Бедзан согласился. Сели они под дубом, наполнили чарки, взмолились Господу, едят-пьют. А не иначе как Гурген замыслил недоброе — всё подливает Бедзану вина.

— Славно ты разделялся с кабаном! — говорит он. — Но хватит ли у тебя мужества жениться на дочери Апрасиона Манидзан?

— Это не твоё дело, — отвечает Бедзан. — Лучше садись на коня да поезжай к дяде Ростому с хорошей вестью, он даст тебе столько золота, сколько ты сам весишь.

«Он пока ёщё не захмелел», — подумал про себя Гурген и стал чаще подливать хозяину вина, а сам только делал вид, что пьёт, к пустому рогу прикладываясь. Захмелел Бедзан, а Гурген ему снова:

— Женился бы ты на Манидзан.

Бедзан промолчал.

И предложил тогда Гурген:

— Давай прогуляемся немножко, глядишь,протрезвеешь.

Взял его под руку, повёл к роднику Апрасионов и бросил там хмельного, забрал всё оружие, кроме кинжала. Вернулся, снял с коня Бедзана золотые клыки кабана да и подался к Даредзантам. И дивились встречающие, завидев всадника на горизонте:

— По взмаху плети, по понуканию коня это наш всадник, но не Бедзан! Ежели кабан съел Бедзана, то как же уцелел Гурген?

Спешился Гурген, спрашивают его:

— Где Бедзан?

— Лезут разные молокососы в битву и гибнут там понапрасну!.. Вот и вашего отпрыска сожрал кабан, а я его прикончил. В доказательство прихватил золотые клыки кабана!

Тем временем Бедзан протрезвел, протёр глаза и стал озираться по сторонам: «Где это я и куда теперь идти?»

Родник зарос густым кустарником. От нечего делать Бедзан срезал стебли, смастерили из веток зайца да гончую и стал забавляться тем, что пускал зайца, а следом собаку, которая ловила русака и притаскивала его обратно Бедзану.

У дочери Апрасиона красавицы Манидзан было сто служанок. Девушки парами ходили за водой, увидели эту забаву и изумленно покачали головами, а потом рассказали хозяйке. Не выдержала Манидзан и обратилась к своей матери:

— Погляди-ка, родимая, может, это судьба моя у родника?

Поглядела та, — а это Бедзан Даредзанты, но не ответила дочери ничего.

И задумалась Манидзан о том, как зазвать Бедзана к себе. Кроме тех ста служанок, которые прислуживали ей в просторных покоях, трапезной да опочивальне, было у неё ёщё сто служанок, которые находились вне стен дома. Поэтому девушка не могла допустить, чтобы Бедзан прошёл бы к ней на виду у всей челяди. И тогда она придумала тайно передать ему женскую одежду, чтобы тот, облачившись, пробрался в покой незамеченным. Через доверенную служанку Манидзан передала Бедзану женскую одежду, велела переодеться и явиться к ней. А тот, услышав это, возмутился, — дескать, никогда ёщё Даредзанты не одевались в женскую одежду. Передай своей госпоже, что я сам найду возможность пробраться к ней!

Пошёл он в лес, нарубил ясеневых кольев, а ночью прокрался к башне и стал забивать их в стену и карабкаться по ним на вершину, откуда легко спустился в опочивальню девушки, и они тайно миловались всю ночь и весь следующий день. Однако, спустя некоторое время, от нежности потеряли бдительность, и до слуха служанок стали доноситься звуки их любовных игр и песен. Приблизились служанки толпой к опочивальню и начали стучать кулаками в дверь, пока Бедзан не рассвирепел и не накричал на них:

— Ну-ка, прекратите немедленно стучать, не то выйду и ста служанкам отрежу руки кинжалом с золотой рукояткой, а другим ста служанкам — ступни!

Испугались служанки, перестали стучать, шепчутся между собой:

— Пойдёмте, сообщим Апрасиону, что из опочивальни его дочери доносятся звуки песен и танцев!

Пошли и сообщили повелителю, а тот отвечает:

— Наверное, это Бедзан Даредзанты! Силой мы ничего с ним не сделаем, разве что хитростью!

Сам направился к опочивальне дочери и кричит через дверь:

— Эй, Бедзан, выйди сюда, поговорим по-хорошему! Дай людям полюбоваться тобой! Моя дочь достойна тебя, думаю, пора играть свадьбу! Повеселимся на славу, попразднуем, порадуем друг друга, а потом делай как знаешь — Бог в помощь!

Вышел Бедзан из опочивальни, и сыграли они свадьбу. Закатил Апрасион пир горой, посадил Бедзана во главе семи столов, чтобы тот каждому столу адресовал по здравице и возле каждого стола пил бы по семь чарок вина. Когда же он захмелел и упал, говорит Апрасион:

— Вяжите его теперь, да покрепче!

Связали Бедзана по рукам и ногам, но стоило ему потянуться, как верёвка лопнула. Заковали его тогда в цепи, но цепи он тоже разорвал. Запаниковали слуги Апрасиона, волосы рвут на себе:

— Что же нам делать, ни верёвка, ни цепи не могут его удержать!

Был среди апрасионовых слуг подлый перебежчик по имени Пиран, которому Даредзанты отрезали уши. Он предложил:

— Даредзанты всегда носят с собой запасную тетиву, поищите её у Бедзана в карманах. Ничто другое его не удержит!

Пошарили по карманам, действительно нашли тетиву, привязали конец к большому пальцу его левой ноги, второй же конец к указательному да среднему пальцам правой руки, стянули туго на спине, затем зарезали буйвола, освежевали, завернули в шкуру связанного Бедзана и ещё раз связали верёвкой. Однако стоило хмельному Бедзану зевнуть, как все путы порвались. И заголосили тут слуги:

— Как нам быть? Может, отрезать ему голову да отнести на базар? Извалять в грязи да попинать ногами? А если кто спросит, чья это голова, то отвечать прямо — Бедзана Даредзанты!

Выслушал их Пиран, подлый перебежчик, и говорит:

— Не убивайте его, Даредзанты не простят вам этого, всё равно возьмут свою кровь! Лучше выройте глубокую яму, бросьте туда Бедзана и завалите большим валуном.

Послушались его слуги, вырыли глубокую яму, бросили в неё Бедзана, а сверху завалили валуном, который притащили на себе двенадцать крепких мужчин.

И взмолилась Манидзан:

— Оставьте хотя бы щель, чтобы я могла ему передавать кувшин с водой!

И оставили щель.

Разбила на том камне Манидзан палатку, и пока на ней были украшения, она их меняла на хлеб и кормила мужа, когда же закончились драгоценности, то пошла просить милостыню.

Так и жили полтора года.

Была у Даредзанты серебряная миска, которую под новый год наполняли пивом, и всяк, кто заглядывал в неё, видел своё будущее вместе с добром и злом. Заглянул Ростом в миску под новый год и увидел Бедзана живым и невредимым и засмеялся от радости во весь голос — аж стены затряслись. Спрашивают его братья недоумённо:

— Чего ты там разглядел? Был у нас один наследник, и тот помер, а ты смеёшься как сумасшедший!

Отвечает Ростом, осклабясь:

— Успокойтесь, братья, живой он! Бедзан в плена у Апрасионов! Надо набраться мужества, пойти и отбить его у них!

— Давайте снарядим войско, куда мы без войска! — говорят братья.

— Ничего, обойдёмся! — подмигнул им Ростом.

Собрали братья все излишки своего имущества, обменяли на дорогие шелка и сукно и погрузили на сто верблюдов. Причём с одного бока верблюды были

навьючены корзинами с товаром, с другого же — в корзинах прятались уаиги да гуымиры¹.

Отправил Ростом гонца к повелителю Апрасионов, дескать, едет к тебе знатный купец, освобождай самую большую лавку на базаре, потому как товару много, да и цены что надо. Переодел братьев в китайских торговцев, а сам побрился наголо под безбородого лысака, коротко постриг гриву своему коню, надел татарскую шапку и поехал впереди каравана.

Прибыли братья на апрасионовский базар, глядят, и впрямь лавка пустая, вылизана, как хлебница. Разложили товар — шелка, сукно, благовония, выгрузили уаигов да гуимиров, спрятали их на задах лавки и начали торговаться. Приходит один безбородый купец и делает вид, будто интересуется товаром, а сам высматривает всё вокруг да крутит шило в руках. Подкрался к гуимири и вонзил ему в бок остриё. Тот взвыл от боли да ка-ак треснет ладонью по лысине купца, что шлепок услышали торговцы аж на другом конце базара и задрали головы кверху, полагая, что с неба упала звезда.

— Ой, вот так чудеса! — закричал лысый, потирая затылок. — Разве ж кто мог подумать, что на базаре Апрасионов будет торговать сам Ростом Даредзанты!

Услышал это Ростом, глянул грозно на лысого и приложил указательный палец к губам. Потом отвёл его в сторону и шепчет:

— Прикуси языки! — Достал золотых монет, наполнил ей карманы и спрашивает: — Есть куда ещё отсыпать денег?

— Нет! — изумлённо отвечает лысый.

— Вот и ступай тогда, милок. А если встретишь другого такого же лысого и безбородого, как ты, то приводи его ко мне!

Ушёл купец, побродил по базару, а через некоторое время приводит одного такого же лысака.

— Пойдемте-ка со мной, родные мои! — говорит Ростом и сует им золота. — Что, полны уж карманы да гаманцы? Тогда разевайте пошире хлебала, я вам их тоже наполню монетами!

Лысые купцы послушно распахнули рты, а Ростом схватил их за языки да и вырвал с корнем, дабы замолчали навек.

Услышала вконец обнищавшая Манидзан о том, что некий купец раздаёт золото, и решила сходить на базар — авось ей тоже перепадет. Пришла к Ростому и обращается к нему:

— Муж мой узник, помоги, добрый человек, чем можешь!

— А кто твой муж? — спрашивает Ростом.

— Бедзан Даредзанты.

Рассвирепел Ростом и выгнал её.

— Уходи, женщина!

Потом смягчился:

— Погоди. Я дам тебе много золота, если выполнишь всё, что я скажу. Пойди к отцу, упади в ноги и моли, чтобы разрешил тебе скупить все дрова, что поступают на базар с нынешней пятницы до следующей.

Манидзан упросила отца разрешить ей скупить дрова, после чего вернулась к Ростому и говорит:

— Я получила разрешение.

А Ростом ей:

— Вот тебе золото, начинай скупать. — И дал монет сколько нужно, даже больше. — Когда купишь дрова, то вези их к тому месту, где сидит твой муж, и сложи в поленницу вокруг узницкой ямы.

¹ Гуымиры (*осет.*) — в осетинской мифологии пленные великаны, которых держали дома в качестве слуг, в случае военных конфликтов их первыми посыпали в бой.

Купила Манидзан дрова и сложила вокруг ямы в три ряда.

— Готово! — докладывает Ростому.

— Теперь отнеси узнику еды. — Ростом зарезал индошку, ошипал, сварил, засунул внутрь свой перстень. — Подай ему птицу в щель, не разрезая, и скажи, что Иним здесь.

Отнесла Манидзан мужу еду, просунула в щель и сообщила:

— Иним здесь!

Бедзан разломал варёную индошку, достал из неё перстень и засмеялся громогласным смехом — аж валун над ним приподнялся на пядь. И спрашивает его Манидзан:

— Чему ты смеёшься, супруг мой? Может, тому, что ради тебя гордая твоя жена побирается по базарам?

— Нет! — отвечает Бедзан. — Просто теперь есть кому позаботиться о нас!

— Кто же это?

— Тот, кто назывался Инимом! Вот и перстень его! — и показывает перстень. — Думаю, они явятся ночью, собери пожитки и будь готова!

Как только стемнело, пришли Ростом, Гиви и Годердз вместе с уаигами да гуымирами, запалили дрова, что были сложены вокруг узницкой ямы, и велел Ростом среднему брату:

— Гиви, хватай валун и поднимай его!

Взялся Гиви за край валуна, приподнял до пояса, но увидел в проёме сына, и у него от жалости защемило сердце, и он опустил камень на место.

Смеётся над ним Ростом:

— Да ты постарел, брат! Мы с тобой в детстве такие камешки дюжинами швыряли через Чёрное море! — Взял валун левой рукой, бросил его небрежно и, пока тот летел, взмолился: — Господи, сделай так, чтобы камень упал на крышу лысака, которому я вырвал язык!

И упал камень на крышу лысака, и разрушил его дом до основания.

Нагнулись братья над ямой, зовут:

— Вылезай, Бедзан!

А тот:

— Не вылезу, пока не разрешите запустить в вашего хитрюгу Гургена яблоком!

— Да твоё яблоко — что пушечное ядро, снесёт ему голову! Не разрешим!

— Тогда дайте хоть швырнуть в него комком ваты!

— Ну, вату можешь швырять сколько угодно!

— Ладно, тогда вылезаю!

Вылез Бедзан из ямы и обнял старших. Взяли они с собой Манидзан и ушли оттуда. А Апрасион снарядил огромное войско в погоню. Добрались Даредзанты до подножия горы, разбили лагерь и решили дать бой Апрасионам. Стали драться с ними — Даредзанты, уаиги да гуымиры, — три дня секлись, но Апрасионов было слишком много, и начали они теснить обороняющихся, и предложил тогда Ростом сходить кому-нибудь за подмогой в родное село.

— Я бы сходил, — говорит Гиви, — но боюсь припоздниться. От радости, что я разыскал Бедзана живым и невредимым, наши не отпустят меня так просто.

— Хорошо, — отозвался Ростом. — Сам схожу за подмогой. Но как бы вы тут не сплоховали без меня!

— Дождусь тебя, — пообещал Бедзан, — даже если меня начнут четвертовать!

И отправился Ростом в родное село за подмогой.

Выискался к тому времени среди Апрасионов здоровяк, приблизился к лагерю Даредзанты и кричит так, что деревья гнутся:

— Эй, Ростом, где ты, покажи-и-ись!

Вышел один из товарищей Ростома, дескать, вот он я, сел на коня и бесстрашно поехал рысью навстречу громиле. А тот метнул в него копьё, пронзил коня насеквоздь, подбежал и, подняв копьё вместе с болтающимися на нём, как тряпки, мёртвым конём да всадником, вернулся в стан. Бросил он пленного к ногам Апрасиона и с вызовом оглядел соратников.

— Кого ты притащил? — спрашивает Апрасион.

— Ростома! — отвечает тот.

А безухий Пиран хихикает:

— Не Ростома пока, не Ростома!

Оскорбился здоровяк, бросил на него убийственный взгляд и говорит через губу:

— Тебе-то Ростом уши отрезал, а я его на своих плечах принесу, вот увидишь!

Обернулся Ростом с вершины горы, — словно почувствовал враждебность, видит, а товарищ его валяется в ногах у Апрасиона. И стало ему обидно до глубины души, так обидно, что выстрелил из лука в проходящего мимо Апрасиона воина и припечатал его к стене крепости.

И говорит Пиран:

— Вот тебе и Ростом!

— Ах вот как! — голосит громила. И, приставив ладони ко рту рупором, заорал:

— Эй, Ростом, где ты там? Выходи, коли ты настоящий мужчина!

Ростом тут же повернулся коня и поскакал в бой. И сошлись они в схватке: сначала по девять раз выстрелили друг в друга из лука, но ни одного из них не пронзила стрела. Потом выхватили мечи и стали биться так, что от искр загорелась трава окрест, но и клинок не брал их.

И крикнул тогда Гиви Ростому:

— Род Даредзанты неплохо кидал аркан! Почему бы тебе тоже не воспользоваться арканом!

Бросил Ростом аркан, поймал громилу за горло и потянул на себя, тот повернулся коня, пришпорил его, однако верёвка держала крепко. Уперлись кони, каждый тянет в свою сторону — аж по колено ушли ноги в землю, и прикрикнул Ростом на своего:

— Не подводи меня, Реси, тащи, иначе разрублю тебя пополам!

Поднатужился Реси и порвал двенадцать подпруг вражеского коня, громила слетел с него и вместе с седлом оказался под ногами Ростома. Тот пнул его ногой и велел соратникам:

— Подержите его до утра. Утром буду бороться с ним.

Однако, когда стемнело, стерегущие пленного, высказали сомнение, дескать, сегодня Ростом был в ударе и поделом навалял громиле, но вдруг завтра тот одолеет Ростома, горе всем нам тогда. И убили пленного.

Утром Ростом спрашивает:

— Как там громила?

— Умер он от ран, — отвечают, — мы его выбросили в овраг.

К тому времени явился сын Апрасиона, брат Манидзан, и зовёт:

— Бедзан, где ты, отзовись!

Вышел к нему Бедзан, и сцепились они в схватке. Сначала обстреляли друг друга из лука, потом стали драться на мечах, но без толку. Побросали они тогда всё своё оружие, разделись по пояс и начали бороться. Долго боролись, да так, что камни под их ногами крошились. Притомились в конце концов и говорят:

— Давай передохнём, попьём воды, а затем продолжим.

Согласились. И протягивает сын Апрасиона Бедзану кувшин со студёной водой:

— На, попей, Бедзан.

А тот ему:

— Нет, только после тебя.

Припал сын Апрасиона к горлышку кувшина губами и выпил половину.

Забрал Бедзан кувшин и говорит:

— Надеюсь, сдержишь слово!

И стал тоже пить. Но стоило ему сделать пару глотков, как сын Апрасиона схватил его сзади, приставил кинжал к горлу и зашипел:

— Господи, троих Даредзанты я уже прикончил, а теперь зарежу и четвёртого!

А Бедзан извернулся, выбил из рук сына Апрасиона кинжал, подмял его под себя и воскликнул:

— Господи, он хвастался, что прикончил троих наших, но нынче пришёл его черёд!

И перерезал глотку сыну Апрасиона. Забрал его доспехи и ушёл с поля боя.

После этого Апрасион прислал Ростому гонца с предложением:

— Хватит истреблять людей. Выходи сам драться со мной!

Ростом согласился, сел на коня, а Манидзан предостерегает его:

— Не ходи понапрасну, ты не сможешь его одолеть!

— Даже с помощью аркана?

— Даже с помощью аркана! Над головой отца как будто крутится мельничный жернов, который защищает его!

— Да хоть Чёрная гора, всё равно я его заарканю!

И отправился Ростом навстречу Апрасиону. Сразились они — вначале стрелами, потом на мечах и копьях, и когда у Ростома ничего не получилось, метнул он аркан и опутал верёвкой руки и ноги Апрасиона. Приволок его в лагерь и показывает Манидзан:

— Вот тебе и непобедимый Апрасион!

Хотел было убить самолично на виду у соратников, по пожалел его дочь, оставил в живых и отпустил с миром.

Вернулись Даредзанты вместе с уаигами да гуымирами домой и сыграли свадьбу, на которой гулял весь род.

А Бедзан попросил привести ему хитрюгу Гургена. Привели. Взял Бедзан комок ваты и взмолился:

— О, Бог богов, Создатель наш! Пусть брошенный комок взлетит в воздух ватой, а обрушится раскалённой головёшкой на голову того, кто солгал, превратив его в камень!

Подбросил он комок, и пока тот летел вверх, то был ватой, а когда стал падать, превратился в раскаленную головёшку и упал на голову Гургена, превратив его в камень.

Жизнь в литературе

Магомед Ахмедов

Исповедь сына гор

С аварского. Перевод автора

Моё сердце в горах...

Роберт Бёрнс

I

Говорить о себе, о своей судьбе и своем пути непросто. Нужно найти слова сродни тем, которыми написаны твои стихи — плоды бессонных ночей, беспокойных, но иногда и счастливых дней.

Великий Есенин, поэт беспредельной честности и глубокой ясности, сказал: «Моя автобиография — в моих стихах». В этом — вся суть любого творчества, а поэтического особенно.

«Но есть еще океан, — говорил Александр Блок. — И этот океан — тайна небес, судьба». А еще раньше Блок писал: «Я думаю, мы более уже не вправе сомневаться в том, что великие произведения искусства выбираются историей лишь из числа произведений “исповеднического” характера. Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжег себя дотла... Только оно может стать великим».

Я не искал и не ищу себе места среди великих, но эти слова классика в какой-то степени относятся и ко мне: я всегда думал, как писал, и писал, как думал, хотя иногда ум мешал сердцу, а сердце мешало уму. Таково было мое время, а времена, как известно, не выбирают. Плохое для поэтов время всегда становится замечательным временем для поэзии, когда поэты пишут стихи без оглядки на власть, без надежды на славу, ведь им нужен не успех, а нужна победа — и прежде всего победа над самим собой. Эта победа, по выражению Николая Рубцова, еще одного великого страдальца, приходит тогда, когда поэт начинает слышать звуки, «которых не слышит никто». Поэт всегда стоит на перепутье: перед ним — вольность, жертвенность и исповедальность. Именно они превращают его земную дорогу в поэтический путь. Но, как бы то ни было, я согласен с Робертом Фростом: «Мне всегда неловко говорить: "Я — поэт". Это ведь все равно, что сказать о себе: "Я — хороший человек"».

Ахмедов Магомед Ахмедович — народный поэт Дагестана, переводчик, критик и публицист. Родился в 1955 году в селе Гонода Гунибского района Дагестанской АССР. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей СССР с 1984 года. Председатель правления Союза писателей Республики Дагестан, член правления и секретарь Союза писателей России. Лауреат Большой Литературной премии России, литературной премии Международного фонда Расула Гамзатова, Государственной премии Республики Дагестан, премии «Литературной газеты» им. А. Дельвига и других. Живёт в Махачкале.

Поэзия — Божий дар и больше ничего, все остальное — приложение к нему.

Поэт живет в своих стихах, открывая потайные двери в тот мир, где рождается новая жизнь, где лучше и выше, чем в земной жизни.

2

Родился я в ауле Гонода Гунибского района Дагестана, среди вершин, в сердце Страны гор. Год моего рождения 1955, 13 ноября. Но в паспорте написано, что я родился в 1956 году, 8 января.

«Почему так получилось?» — спросите вы, и будете правы. У нас в аулах секретари сельских советов были людьми не шибко грамотными. Когда отец пошел за свидетельством о моем рождении, ему его выдали 8 января 1956 года, этот же день и написали, как день моего рождения. Это я выяснил потом, заглянув в книгу регистрации тех лет. Как бы то ни было, я никогда 8 января день своего рождения не отмечал и по паспорту не жил.

Детство мое прошло в горном ауле. Здесь окончил среднюю школу, должен был получить золотую медаль, но из-за интриг в Министерстве просвещения (и тогда ждали взяток) медали я не получил, однако это не помешало мне сразу после школы поступить в Литературный институт им. А.М.Горького в Москве.

Школу свою всегда вспоминаю с большим уважением, учителей своих очень любил, да и они меня любили. С детства я много читал, и библиотека была для меня самым дорогим местом, а книга — лучшим другом, но читал я хаотично, бессистемно: классиков, современников, случайные, нужные и ненужные книги.

Родители мои — простые горцы. Дома не было библиотеки, но у отца всегда были книги аварских классиков Али-Гаджи из Инхо, Махмуда из Кахаб-Росо. Гамзата Цадасы. Многие стихи этих поэтов он знал наизусть. У него была такая привычка: встретив на улице односельчанина (или односельчанку), отец мог его (ее) остановить и во весь голос продекламировать что-нибудь из аварской классической поэзии.

Много времени отец проводил вне дома — пас овец в горах, перегоняя их с гор на равнину, с равнины в горы — зимой и летом.

Однажды, я был тогда учеником шестого класса, отец попросил меня присмотреть за отарой, пока он съездит на похороны в соседний аул. Я обрадовался такому доверию и, взяв с собой том «Войны и мира» Льва Толстого, отправился выполнять поручение отца. День был летний, погожий, солнечный. Я выгнал отару на пастище и, устроившись в тени высокой скалы, начал читать. Книга меня так захватила, что я забыл обо всем. Когда пришел в себя, огляделся: отцовской отары и след простыл. Кинулся искать, еле-еле собрал половину, а остальные овцы разбрелись по чужим пастищам, там их и «арестовали» до возвращения отца. Когда отец вернулся, он все понял и сказал: «Хорошо, что тебе можно хоть книгу доверять». С тех пор я доверяю книге, а книга доверяет мне.

Еще десятиклассником я послал в Литературный институт подстрочки своих стихов, не надеясь, что пройду творческий конкурс. Каково же было мое удивление, когда мне в горный аул из Москвы прислали ответ, что я прошел конкурс и допущен к экзаменам. Но здесь хочу уточнить одну деталь: в Литературный институт принимали только после двухгодичного стажа работы. Считалось, что пишущему человеку такая практика нужна — приобретается жизненный опыт, появляются темы, на которые он будет писать. У меня, десятиклассника, конечно, такого стажа не было, но я это скрыл от комиссии.

Итак, получив аттестат с одной четверкой по математике (по всем другим дисциплинам были пятерки), я поехал в Москву поступать в Литинститут. Я был горским мальчиком и до этого только несколько раз был в городе Махачкале — столице Дагестана. А тут Москва! До сих пор во мне живет великое удивление, которое

подарил мне этот город — город моей любви, моей молодости, моего счастья. Правда, в последние годы Москва стала более богатой и более злой, но в памяти живет моя Москва.

Помню Тверской бульвар, 25. Литинститут. Идет собеседование перед экзаменами. За большим столом сидят члены комиссии во главе с ректором Владимиром Фёдоровичем Пименовым. Робко захожу в аудиторию, останавливаюсь. Вдруг голос ректора:

— Молодой человек, вы зачем приехали? Оказывается, у вас нет стажа работы, а мы без стажа не принимаем. Вы что, не до конца читали правила приема?

Молчу, думаю: «Процай, Литинститут».

Вдруг слышу другой голос (он оказался голосом моего незабвенного учителя Александра Михайлова):

— Владимир Фёдорович, этого молодого человека для своего семинара выбрал я, под свою ответственность, он — горец, у них с детства привыкли работать, это можно считать стажем. Литинститут ему необходим, в этом я убежден.

Так мой учитель спас меня в первый раз, а потом он делал это еще не однажды. Ректор отрезал:

— Если не сдашь экзамены «на отлично», пойдешь вторым эшелоном.

Слава Богу, я сдал экзамены и поступил. Учеба в Литинституте — особая глава в жизни каждого его выпускника.

Думаю, что таких замечательных, творческих, свободных в несвободной стране, искренних и истинных преподавателей было немного в наших вузах. Каждый из них был личностью, мастером своего предмета, а значит, и своего дела.

Никогда не забуду моих учителей по русскому языку Лигию Григорьевну Шипош и Нину Васильевну Фёдорову (Царство им Небесное). У нас первой парой был русский язык, а было нас несколько человек из национальных республик: Валерия Гросу из Молдавии, Мурад Мухаммад Дост из Узбекистана, Гюзель с Алтая, Эгемберди Эрматов из Киргизии, Чапиньши из Прибалтики и я из Дагестана.

Лигия Григорьевна и Нина Васильева приходили на урок с термосами и бутербродами. И перед началом занятий говорили: «Деточки, вы, наверное, не успели позавтракать. Давайте сначала попьем чаю с бутербродами, а потом приступим к уроку».

Расскажешь кому сегодня — не поверят. Такое было отношение к нам, студентам, которые находились вдали от своей малой родины, но были сыновьями нашей большой страны. Разве можно такое забыть?

Литинститут... Абсолютно прав был Юрий Кузнецов, когда говорил: «В моей жизни Литературный институт оказался тем самым рычагом, которым, по Архимеду, можно перевернуть мир. Благодаря ему я перевернул свою судьбу. Надеюсь, в лучшую сторону».

То же самое могу сказать и я. Конечно, самым главным человеком для меня в Литинституте был мой учитель, руководитель нашего поэтического семинара, талантливый критик и замечательный человек Александр Алексеевич Михайлов, тот самый, который спас меня во время собеседования. Обсуждения на семинаре были бурные, бескомпромиссные. Мы не щадили друг друга.

Национальные поэты представляли для обсуждения на семинаре подстрочки, но к ним не было никакого снисхождения: прорываясь к смыслу через дебри подстрочных переводов, четко определяли: есть в этих стихах поэзия или нет. О нашем семинаре очень верно сказал один из лучших преподавателей Литинститута, блестящий знаток русской и мировой поэзии, неповторимый Владимир Павлович Смирнов, который стал мне старшим другом и остается им до сих пор: «Я помню семинар А.А. Михайлова. Чем этот семинар отличался? Тем, что Михайлов <...> умел поддержать

Самира Асадова, Татьяна Асадова

Весёлые праздники чаучу

Рассказы

Предисловие

Мой дедушка Тнэтегин родился в семье богатого оленевода, в яранге возле стада. Он рано лишился отца, старших братьев. В яранге оставались только мать и две старшие сестры.

Дедушка с самого раннего детства стал учиться пасти оленей, постигал жизнь тундровика-оленевода. Тяжела, безжалостна эта жизнь. Не проявишь упорства, не будет у тебя этой самой жилки, — будет бедствовать твоя семья, с голоду и сам помрёшь. Много долгих лет он был оленеводом.

Тнэтегин прошёл типичный путь сильного человека, нацеленного на владение крупным стадом. Своими ногами, руками, а главное — головой достиг он многоного.

Дедушка до самой смерти оставался верен своим оленям и редко выезжал в посёлок, потому и не знал русского языка.

Олень — полудикое пугливое животное, он никогда не станет пасть на одном месте, загрязнённую другим стадом воду пить не станет. От плохого ухода олени болеют, летом их изводят овод и гнус, зимой травят волки.

С давних пор человек и олень неразлучны, невозможно без оленя в тундре прожить. Поэтому его берегут пуще глаза. Оленевод свою жизнь сравнивает с жизнью оленя — юоравагыргын. Календарь составлен по межсезонному виду деятельности. Январь — ынпышювен, в это время обучаю ходить в упряжке трёхгодовалых самцов-кастраторов, которых в прошлом году не успели обучить. Для поддавшихся обучению устраивают гонки — Рыилет. Февраль — чьачанльоргын: в это время стоят сильные морозы, морда оленя аж покрывается инеем, потому и назвали так месяц — «иней на морде оленя». Льоргыҗай — март, в это время на мордочке внутриутробного телёнка появляется пушок. Гыройэльгын — апрель, он так и переводится: месяц отёла. Мимлырьылин — май, месяц появления воды. Кыткытъэлгын — июнь, весенний месяц. Анойэлгын — июль, месяц жары. Йэтйилгын — август, месяц, когда самцы начинают чистить рога. Эйнэйтилгын — сентябрь, месяц гона. Гытгайэлгын — октябрь, осенний месяц. Яравычын — ноябрь, месяц, когда в утробе важенки появляется зародыш. Атыыләке — декабрь, месяц без светового дня, а моя бабушка Тымнеквына называла этот месяц юоольятгыргын — узкий день.

Все национальные праздники оленевода так же связаны с оленями.

Самира Асадова — прозаик, родилась в 1993 году в Анадыре. Живёт и учится в Санкт-Петербурге. Татьяна Асадова — мама писательницы.

ТИРКЫНИВЛЕТ — ПРАЗДНИК СОЛНЦА

В январе, когда солнце начинает дольше задерживаться на небосводе, справляли Тиркынивлет — праздник Солнца. Как объясняла бабушка: «Солнце начинает удлинять свой аргишный путь» — «Моотылян нинэнивлевъин, гыроңҹачагты нылыџин».

Рано утром пригоняли стадо, забивали пэнвэля — двухгодовалого самца.

Кто не успел во время проведения Пэгытти заготовить грудинку воженки на Кильвэй, заготовляли её во время проведения Тиркынивлет.

В утробе воженок уже были небольшие телята. Их оставляли на каше, которую выливали из желудка оленя. На кашу желудка кладут рога забитого оленя, на них кладут кусочки печени, кончик оленьего языка и кусочек окорока. Это называется — айванцъяляквыргын. Там же, на месте забоя, нынинтыткуүчин кычемалгын — почку забитого оленя приносили в жертву. Когда олень падал, из раны брали кровь и лили на землю, в сторону юго-востока. Там, по поверью, находится яранга Солнца, оно там живёт со своей женой — Утренней Зарёй — и детьми — повелителем ветров и повелителем дождя, ещё у них есть двойняшки: мальчик и девочка — гроза и молния, которые слепы на левый глаз. Летом, когда они начинают озорничать, происходит такое природное явление, как гроза с молнией. Инэнинтытку делают в сторону юго-востока, чтобы лето не было холодным, но и не сильно жарким, чтобы было много зелени, чтобы было достаточно воды и олени за лето нагуляли вес. На улице, в нескольких шагах от входа в ярангу, разжигали костёр — нэнанкаавџэнат, чтобы сжечь кусочки еды.

В этот день гонок на оленевых упряжках не было, были соревнования в беге и прыжках, борьба. После бабушка вела вокруг костра взрослых и детей, заставляла отряхиваться над огнём. Мы знаем, что в других родах через костёр прыгают. Потом мы шли в сторону тундры, и бабушка нам всем за пазуху клала по травинке.

Обычно в феврале устраивали гонки — Ръилет, чтобы отёл прошёл хорошо и в пээчваке — не маточном стаде — не было отковов. Потому что в марте воженок отделяют от прошлогодних телят и бычков. Прошлогодние телята, впервые оставшись без мам, начинают бегать.

КИЛЬВЭЙ — ПРАЗДНИК РОЖДЕНИЯ ТЕЛЯТ

С каждым днём солнце всё сильнее пригревало. Большая часть тундры очистилась от снега. Под пригорком в небольших углублениях скопилась талая вода. Весело журчали ручейки. Мы уже не таскали лёд с озера — при колке он крошится. Да и поверх льда, под снегом, уже стояла вода.

Заканчивался отёл. Телята, родившиеся первыми и пережившие пургу и ночные морозы, окрепли. Отелившиеся воженки сбросили рога.

Когда маточное стадо пастухи толкнули в сторону яранг и оно приблизилось к стойбищу, нам — Зауру, Самиру и мне — разрешили сходить посмотреть телят.

Мы с Самиром были одеты в меховые комбинезоны — ىالگەر. А Зауру бабушка из выделанных пыжиков, окрашенных в красный цвет ольховой корой, сшила кухлянку и настоящие мужские штаны. Хоть он и был старше нас всего-то на два с половиной года, но в кухлянке сразу почувствовал себя взрослым, сложил аркан, как обычно складывают пастухи, и перекинул его через плечо.

Бабушка в небольшую котомку положила немного провизии, погрузила на лёгкую ездовую нарту и перевязала верёвкой, чтобы мы по пути не потеряли.

Стадо хорошо видно.

— Вон, видите, голубой дымок еле заметный к небу поднимается? Это Андрей и дядя Тнескин разожгли костёр. Подойдёте к стаду — не шумите, телят распугаете. Заур, ты старший, отвечаешь за Самира и Самиру, сказала бабушка, передавая ему ръары.

Заур взял ръары, перекинул через левое плечо и пошёл впереди, таща за собой нарту.

Сначала мы шли за старшим братом молча. Потом Самир заскучал, на пригорке свистнула евражка, и он побежал туда.

А я продолжала идти за нартой. Мы стали переходить на другую сопку и поэтому пошли по снегу. Он был рыхлый, идти тяжело, через каждые два-три шага я проваливалась. Нарта легко скользила, поэтому мне казалось, что Зауру идти намного легче. Я тихонечко села на нарту. А он даже не почувствовал тяжести, шёл себе как ни в чём не бывало. Прибежал Самир и заорал:

— Ничего себе евражка — столько ходов нарыла!

Заур обернулся и увидел, что я сижу на нарте.

— Ну, ты наглая! — возмутился он.

Я виновато улыбнулась и стала подниматься с нарты. Тут вмешался Самир.

— А я даже вас двоих могу до стада дотащить, — потянул руку к ръары.

— Я сам. Можешь тоже сесть, — обиженно буркнул Заур.

— Нет. Я помогу тебе. Буду подталкивать нарту сзади, — предложил свою помощь Самир.

— Я сказал — сам. Ты будешь только мешать. Самира, садись удобней, ноги на полозья положи, а то по снегу волочатся, тормозят, — приказал Заур.

Где-то среди кочек закудахтала куропатка. Самир тут же повернулся в ту сторону голову.

— Не беги туда, там могут находиться воженки с телятами. Распугаешь, — буркнул на ходу Заур.

Самир послушно пошёл рядом. Снежная полоса оборвалась, и братья уже вместе тащили нарту по кочкам. Немного ещё посидев, я соскочила на землю.

Воженки настороженно таращили на нас свои огромные глаза. Нагнувшись беззрение головы, расставив широко передние ноги, они в любую минуту готовы были броситься на защиту своих чад. А телята стояли на длинных тоненьких ножках и с любопытством смотрели на нас.

Мы старались не делать резких движений, осторожно, не спеша, шли на запах костра.

Наконец мы увидели, где расположились дежурные. Дядя, улыбаясь, шёл нам навстречу. Взял ръары у Заура и вместо приветствия сказал:

— Ого, сколько помощников! Даже юэвъэнкэй пришла.

Подошли к костру. Чайник, подвешенный за цепь к треноге, кипел. Дядя снял его с крюка и поставил к краю костра:

— Ну, присаживайтесь поближе, будем пить чай.

Самир подошёл к нарте, где спал Андрей, и стал его тормошить.

— Пусть спит. Устал. Всю ночь ходили вокруг стада. Лисы поблизости крутились. Так и норовят стащить новорожденного телёнка. Да и, похоже, воронье гнездо где-то рядом. Несколько раз ворона видели. Вот гад, всё-таки одного телёнка утащил, прямо перед нашим носом, — разливая чай по кружкам, рассказывал дядя.

Мы с Самиром заглянули в свои кружки. Чай был до того чёрный, что дна не было видно. Самир отхлебнул немного, сморщился и поставил кружку на землю. Увидев, я даже пробовать не стала. А Заур мужественно выпил свой чай.

Дядя опять улыбнулся:

— Мы с Андреем вчера гуся подстрелили. Сегодня утром сварили. Бульон попейте, гусятины отведайте, — и указал на кастрюлю у костра.

Мы подвинули поближе к себе кастрюлю и прямо из неё стали пить бульон.

Заур присоединился. Отхлебнув, поставил кастрюлю на землю и, вытирая губы тыльной стороной ладони, сказал, обращаясь к дяде:

— Мне бабушка сшила настоящую кухлянку. Поэтому я могу уже ходить в стадо как взрослый.

Хитрец. Впрочем, это мечта любого мальчишки — с взрослыми ходить на дежурство в стадо. Ведь в яранге остаются только женщины, немощные старики и малые дети. А настоящий чаучу должен находиться возле оленей. Ведь слово «чаучу» происходит от слова кчавычъатык, что в переводе на русский язык означает «бежать».

— Вот перекочуем на летнюю стоянку после Кильвэя. Соединим рэквыт и пээчвак. С озёр и рек уйдёт лёд, пойдёшь с нами на малую летовку, — пообещал дядя.

Видно было, что это не очень-то удовлетворило Заура, но он промолчал, потому что настоящий чаучу должен быть сдержаным. Так нам бабушка Тымнеквыңа говорила.

В стаде мы были целый день. Помогали Андрею и дяде. Ну, чуть-чуть, в основном бегали по сопочкам. Ходили по чьей-то старой стоянке, старались угадать, сколько в стойбище яранг, в какое время года они здесь были.

К вечеру дядя отправил нас в ярангу.

— Ну что ж, а теперь вам пора возвращаться. Повезёте рога и тушки телят, — перевязывая на нарте груз, сказал он.

— А от чего они умерли? — спросили мы, разглядывая телят.

— Да нерадивые мамаша бросили своих телят, вот и затоптали их взрослые олени, — вздохнул дядя.

Идти назад было намного легче, солнце вот-вот должно было скрыться за горизонтом, лужицы покрылись тонким льдом, нарты легко катились по подмёрзшему снегу.

В яранге спать ещё не ложились. Бабушка вышла на улицу поправить вход в жилище. Просунула длинную палку между остовом яранги и рэтэмом, потом подпёрла палкой покороче вход с подветренной стороны. Из яранги повалил дым.

Перед тем как войти, бабушка оглянулась по сторонам, заметила нас и встретила ласково:

— Кынэ кынкүэгти, нэнэнкүэйымкын. Тымнеквыңанэн пастоқымкын.

Мы с Самиром побежали к бабушке. Заур сначала шёл серьёзный, а потом не выдержал, заулыбался и прибавил шагу. Подойдя к яранге, подтянул нарту. На северо-восточной стороне яранги лежала кучка рогов, ранее привезенных дядей и Андреем. Там же мы сложили и наши рога.

— Заур, поставь нарту с восточной стороны. Передней частью поверни на юго-восточную сторону. На западной стороне и передней частью положи на север ставят нарты мёртвых, — сказала бабушка ему.

— Почему? — спросили мы.

— Потому что для умершего земной путь уже закончился и ему уже незачем спешить. А с юго-восточной стороны поднимается солнце, начинается новый день. Чаячу всегда должен идти только вперёд, навстречу новому дню, — ответила бабушка.

— А почему тогда вновь построенную ярангу мы закрываем сначала с запада, только потом с востока? — спросил Заур.

— Потому что, если мы закроем сначала восточную сторону, а потом западную, подует сильный восточный ветер и сдует ярангу, — объяснила бабушка.

— А почему вход в ярангу только с юго-восточной стороны? — не унимались мы.

— Ну, во-первых, с юго-восточной стороны редко дует ветер, а во-вторых, оттуда поднимается солнце. Откуда поднимается солнце, оттуда начинается жизнь, — терпеливо объяснила бабушка.

— А бывает, что с западной стороны делают вход в ярангу, например, когда сильный восточный ветер? — опять спросили мы бабушку.

— Нет. С западной стороны лишь тогда открывают вход, когда надо вынести покойного. Ведь запад — это закат солнца. На западе горизонта находится долина усопших, — предвидя наш следующий вопрос, сказала бабушка.

— А теперь давайте я вам отряхну торбаза, қалгэкертэ. Тебе Заур, воротник кухлянки. Поужинаем — и спать. Завтра рано вставать, будет праздник Кильвэй — рождение телят, — беря небольшой тивичын из рога оленя, сказала бабушка.

Она сначала отряхнула от инея одежду мальчиков, потом мою.

Мы вошли в ярангу. Прошли к пологу, сели на длинный продолговатый мешок из шкуры олена весеннего забоя, набитый выделанными камусами и служивший подушкой — чотчот. Весело горел огонь в очаге, на длинной цепи на крюке висел чайник. Очаг был тщательно вычищен от пепла и обложен камнями. Обычно на зимних стоянках очаг камнями не обкладывают, только перед праздником Кильвэй и на летней стоянке.

Мама закончила дробить кости в большом тазу из толстой моржовой кожи. Она вытащила из-под груды толчёных костей круглый камень — элгыквын, счистила с него налипший костный жир ножом.

Я так и не поняла, почему этот круглый тяжёлый чёрный камень, хоть и небольшой по форме, называли «элгыквын» — белый камень.

Большой кожаный таз понятно, почему называют тақаманъёлгын — посуда для приготовления пищи, потому что там не только кости дробили, но и тщательно измельчали, растирали почти в порошок мякоть мяса, сваренного вкрутую. Потом этот мясной порошок взбивали с костным жиром — таляпалгын. Из этой смеси лепили небольшие мясные котлеты — прэрэм, выкладывали на большой қэмэуы — длинное деревянное блюдо.

А когда мужчины — дядя Тнескин, дядя Тымнеквын и наш отец — уезжали на поиски отбившихся оленей, мама с сушёным мясом осеннего забоя клала в котомку и эти прэрэм. Мы их тоже пробовали, бабушка давала, и скажу вам, такой вкуснятины больше никогда не ела. Мы обычно молча сосредоточенно грызли прэрэм, а когда съедали, выжидающе смотрели на бабушку. Но она нам говорила:

— Много нельзя, сильно жирный. Вредно.

А еще в этом тақаманъёлгын дробили мороженое мясо с зелёными сушёными листьями ивы, собранными летом, кислой кровью, печенью. Потом всё это выкладывали на қэмэуы и сверху посыпали мелко нарезанными кусочками нерпичьего жира — мытгымыт.

Мама подняла на нарту для перевозки посуды тақаманъёлгын и положила на дроблённые кости веточку ивы, чтобы злой дух-кэлы не понюхал. У нас поверх любой пищи — кастрюли с бульоном, кашей, на разделанные куски мяса — кладут ветки ивы. Ива — сильное растение. Когда зимой снежные сугробы заваливают кусты, ветки её под тяжестью снега не ломаются. Наверное, поэтому она считается символом оленьей удачи.

Чайник вскипел, бабушка сняла его с крюка. Повесила над огнём другой, поменьше, подложила в очаг дров и разлила по термосам кипяток.

После чая мы залезли в полог. В пологе горел жирник, и поэтому было тепло. Жирник стоял на небольшом деревянном ящичке из-под инструментов. Бабушка

называла этот ящичек аакатваёлгын. Между аакатваёлгын и задней стенкой лежал большой қэмэңү. Его вытаскивали только перед праздниками. На қэмэңү лежала целая неразрезанная грудина, снятая с туши важенки зимой в праздник Солнца — Тиркынивлет. Там же лежал и мешочек с кашицей из зелени, и тушка куропатки.

Всё это должно было оттаять до утра, чтобы можно было приготовить жертвенную пищу на Кильвэй.

Мальчишки быстро заснули — устали за целый день разворачивать важенок с окрепшими телятами, которые так и норовили разбежаться по освободившейся от снега тундре за пущицей.

А я постелила пытвойкол — шкуру прошлогоднего телёнка на место, где мы спали с бабушкой. Села у жирника и стала ждать, когда бабушка и мама залезут в полог. И не заметила, как уснула.

Проснулась, в пологе мамы и бабушки уже не было, слышала, как они тихо переговариваются в чоттагине. Слышины были шаги и треск огня в очаге.

Я выглянула. Мама снимала с крюка бак, из которого поднимался пар. Она поставила бак на землю и черунәүэтэ перевернула грудинку. Бабушка травой чистила энанэнтыйкоолгыт — небольшие деревянные мисочки для жертвоприношений. К камням вокруг очага были прислонены милгыт — священные доски для добывания жертвенного огня.

Бабушка обернулась и увидела меня:

— Ок! Тн'атваль, дочка проснулась, — сказала она маме.

Мама повесила бак над огнём. Подошла к пологу, подняла меня, сунула в свой керкер, плечи прикрыла широким рукавом и вынесла на улицу. Солнце уже поднялось над горизонтом. Мама повернула меня к нему. После сумрачного полога солнце, казалось, светит ярко. Я сощурилась от яркого света. Постояв немного, мама зашла в ярангу и передала меня бабушке. Она сидела на чотчоте и держала мой қалгәк.

Заур в кухлянке и чижах вышел на улицу. А Самир по пояс вылез из полога и протянул маме руки:

— Мама, мама! Я тоже уже проснулся.

Мама подошла к нему и распахнула ворот своего керкера, улыбнулась и сказала:

— Ну, прыгай.

Самир залез в ее керкер, прикрыл голову и плечи широким рукавом. Мама вышла с ним на улицу, повернула лицом к солнцу. Самир радостно засмеялся. Он сегда смеялся, когда мама выносила его на улицу. Мама смеялась с ним.

Мы оделись. Мама открыла занавес полога и затушила жирник — ээк. Бабушка поднесла к пологу чаёлгын — столик для чаепития.

На улице послышались шаги, мы выбежали посмотреть, кто пришёл.

А это Андрей и дядя принесли охапки ивовых веток, перевязанные арканом. За ярангой они аккуратно в ряд укладывали ветки. Один ряд сложили, поверх — рога важенок, потом опять — ивовые ветки. И так, чередуя то ивовые ветки, то рога, собрали небольшую кучу.

Зашли в ярангу, дядя спросил у бабушки:

— Где посуда для чистой воды?

Бабушка из мешка, где хранились всевозможные обрядовые вещи, вытащила небольшую кастрюлю и рог барана, сделанный как сосуд. Мама возле очага разминала руками пюре из листьев ивы и щавеля.

Дядя взял посуду и рог. Возле входа в ярангу из-под нарты взял топор и вышел на улицу. Он отдал топор Андрею, и они направились к пригорку, где блестели лужицы. Мы побежали вслед за ними.

— А мы что, грязную воду пьём? Почему ты сказал бабушке: «Дай посуду для чистой воды?» — спросил Самир у дяди.

— Эта вода особенная, она пойдёт на приготовление жертвенной пищи. Нужна талая вода, к которой не прикасались ни человек, ни животное, — ответил дядя.

Недалеко от пригорка дядя набрал из лужи воды, сорвал травинку и бросил в кастрюлю. Потом передал сосуд и посуду с водой Андрею, взял топор и пошёл туда, где были видны кочки. Выбрал самую большую и лохматую, срубил её.

— А это зачем? — удивились мы.

— Говорят, дикие животные называют нас, людей, кочкоголовыми. Вот и мы приглашаем на свой Кильвэй тундрового кочкоголового, — объяснил дядя.

— А! Это как бы понарошку, — сделали мы вывод.

Дядя засмеялся. Мы вернулись к яранге. И тут Заур сказал:

— Смотрите, кто-то приехал.

— Гости из пээчвака, к нам на Кильвэй приехали, — сказал дядя.

Андрей занёс посуду с «чистой» водой, а дядя отнёс за ярангу кочку и положил её возле кучки рогов. Мы вошли в ярангу, дядя поздоровался с гостями. Бабушка в миску с пюре из зелени налила из сосуда «чистой» воды и стала взбивать кашицу. На большом қэмэңы дымилась грудинка важенки. Её сварили целиком, не разделанную, с паховой мякотью тыргылпынит. На грудинке лежали тушка варёной куропатки и миска с взбитым костным жиром — таляпалтын. Куропатка — неразлучный и верный друг оленя. Даже в сильный мороз она летает вслед за стадом, бегает среди животных там, где они копытят снег в поисках ягеля. Во время Кильвэя из куропатки и оленьего мяса готовят жертвенную пищу, таким образом не разлучая их. Мама в тақаманъёлтын сложила милгыт, тайңыквыт — семейные обереги. Одела кэмлилюн — камлейку из ровдуги со всем возможными висюльками. Бабушка уже взбила кашицу, положила на қэмэңы поверх грудинки, вытерла травой руки. Встала, взяла старый кэмлилюн, подозвала меня и накинула мне его через голову. Я запротестовала:

— Не хочу я одевать этот старый кэмлилюн. Видишь, он уже дырявый и висюльки уже страшные, бусинки оторвались.

— Ты что! Это же кэмлилюн твоей прабабушки Туттыңэ. Даже если ты уедешь в танытганские земли, он будет рассказывать тебе о наших обычаях, о нашей оленной жизни. А ты, может быть, обо всём этом своим детям, внукам расскажешь, чтобы знали свои корни. Аққа-мэй, не хочет! И это потомок чаучу, — ворчала бабушка, поправляя на мне старый прабабушкин кэмлилюн.

— А куда я поеду? — спросила я.

— Поедешь учиться, как твоя тётя Ира когда-то. Теперь она учительница. И ты на кого-нибудь выучишься. Хорошо бы, на врача, — вздохнула бабушка.

Мама уже вышла с тақаманъёлтын из яранги. Дядя взял қэмэңы с грудинкой и тоже вышел.

Бабушка надела ситцевую камлейку, взяла энанэнтыткоёчтын — мешочек с посудой для жертвоприношений, а мне дала мешочек с корешками. Мы вышли из яранги и прошли на место, где всё было подготовлено к празднику. Мама с помощью милгыт уже разожгла жертвенный костёр между кучкой рогов и задней стенкой яранги. На кучку положили тайңыквыт — наши семейные охранители — и пыжики телят, туда же были прислонены милгыт — доски для разжигания священного огня.

Бабушка из мешочка вытащила энанэнтыткоолгыт, жестом показала, чтобы я тоже вытащила корешки и положила на қэмэңы с грудинкой.

Мама ножом срезала мясо с грудинки и паховой мякоти — тыргылпынит, и с тушки куропатки, мелко нарезала, размешала с таляпалтын.

Бабушка взяла энанэнтыткоолгыт, в каждую из них положила сначала кашицу зелени, потом мелко нарезанное мясо с таляпалгын. Она каждому по отдельности: дядьям, Андрею, Зауру и Самиру дала по энанэнтыткоолгыт.

Они пошли тытлыгтычагты — делать жертвоприношения.

Мама брала из үэмэңи мяса с таляпалгын и, не спеша, по кругу солнца, подкидывала в костёр, оставшиеся в руке кусочки подбрасила кверху. Потом взяла деревянной ложкой кашицу, немного положила в середину костра, остатки разбрзгала на кучку рогов.

Подошли дядья, Андрей, Заур и Самир. Бабушка дала им слепленных из таляпалгын и зелени оленей и корешки.

— А почему из таляпалгын и зелени лепят оленей, а рога им делают из ивовых веточек? — спросила я.

— Из таляпалгын — чтобы олени были жирными. Из зелени — чтобы богатые пастбища были. Рога из веточки ивы — потому что это растение оленя. Её используют во всех жертвоприношениях, чтобы была оленя удача, — разъяснила бабушка.

— А что это за корешки?

— Это иникит и лемкүт. Их собирают, когда они ещё не зацвели. Эти корешки сушат, хранят и возят с собой всю зиму, на оленную удачу. А весной, когда земля просыпается, во время праздника Кильвэй возвращают природе, — ответила бабушка.

Бабушка набрала в энанэнтыткоолгыт кашицу, кусочки мяса, таляпалгын и сказала мне:

— Ну, нам теперь тоже можно поблагодарить духов.

Капюшон старого кэмлилюн всё время лез на глаза, и я его откинула. Бабушка опять его натянула мне на голову:

— Во время жертвоприношений нельзя обнажать голову.

— Почему? — спросила я.

— Қоо. Так издавна ведётся, — ответила она.

Мы пошли на восточную сторону яранги. Опустились на колени. Бабушка прикрыла глаза и что-то начала шептать, потом открыла их и дала знать, что надо делать жертвоприношение. Руками вырыла небольшую ямку в земле и положила туда кусочки пищи. Когда уходили, бабушка сорвала несколько травинок, одну положила мне за пазуху. Когда пришли к остальным, по травинке положила за пазуху маме, дядьям, Андрею, Зауру, Самиру и всё время приговаривала:

— Гэ, нымэлэв. Гэ, эчвэрэагыргын.

Потом мама, бабушка и я помазали костным жиром-таляпалгын милгыт и тайыквыйт.

Бабушка положила в котомку нарезанное пластами мясо, помазанное таляпалгыном, вымя важенки и подала дяде Тымнеквыну со словами:

— Отнеси угощение пастухам, которые дежурят в маточном стаде.

Дядя Тымнеквын — это мамин младший брат. Он взял котомку и молча, широко шагая, направился в сторону маточного стада — рэквыйт. За ним увязались Заур и Самир.

Дядя Тнескин взял үэмэңи с варёной грудинкой и поднёс гостям. Гости идели полукругом недалеко от кучки рогов.

Бабушка подошла к үэмэңи и стала тонкими пластами нарезать мясо. Потом намазывала их костным жиром, и такие своеобразные бутерброды подавала гостям, при этом приговаривая:

— Угощайтесь, гости дорогие.

Мама поднесла две миски — в одной была просто каша из зелени, а в другой — каша из зелени, взбитой с варёными телячьими мозгами. Началась оживлённая беседа. Гости подсели к юэмэңү и уже сами себе стали нарезать мясо. Я взяла тушку куропатки, отделила от грудки мясо и подала бабушке. Но она отказалась:

— Мы лучше с Эттык поедим кашу из зелени, взбитую с телячьими мозгами — мясо жевать нам нечем.

Когда трапеза закончилась, бабушка сказала:

— Рэквигтүэлвыл мынагтатъан (погоним маточное стадо).

Мужчины взялись за самые нижние ветки ивы и потянули кучку рогов ближе к яранге. Женщины шли следом и размахивали широкими рукавами своих керкеров при этом покрикивая:

— Ок! Ок!

Потом вереница гостей потянулась в ярангу. Мама и бабушка сложили в таўманъёлгын милгыт и тайыквыт. Дядя Түэссын взял его и пошёл вслед за гостями. Мама сложила в мешок из камуса энанэнткоолгыт, положила его на юэмэңү и пошла вслед за дядей. Бабушка положила на костёр плоский камень, взяла кочку, и мы пошли за мамой. Когда вошли в ярангу, бабушка мне сказала:

— Ну, теперь можешь снимать кэмлилюн,— и помогла мне его снять. И я такую лёгкость почувствовала, как будто скинула с плеч тяжёлую ношу.

Гости сидели возле полога. Мама поднесла им чёолгын. Пока они ели кровяную похлёбку, чайник вскипел. Мама убрала тарелки и поставила на чёолгын чашки, заварник. Бабушка поднесла стопку лепёшек.

После чаепития гости разъехались. Нужно было спешить. На днях должны были объединить рэквят и пээчвак. Начиналась длинная кочёвка к летней стоянке. Снег уже таял, и поэтому каждый день был дорог.

Бабушка и мама сложили тайыквыт и милгыт в юыркир — большой мешок из бычьей шкуры, в котором обычно перевозят священные вещи. Этот юыркир лежал на нартах, которые и зимой, и летом стояли с восточной стороны от полога в яранге. Даже весной после отёла, когда мы спешно кочевали к летней стоянке и ярангу не ставили, а ставили один полог для ночёвки, эти нарты стояли с восточной стороны.

Потом бабушка стала чистить энанэнткоолгыт, а мама подняла бак с дроблёнными костями и отнесла его на то место, где проводился праздник. Она вывалила содержимое возле потухшего жертвенного костра. Но не всё, на дне остались бульон и немного дроблённых костей.

В десяти шагах от яранги лежали на привязи три собаки. Мама направилась к ним. Отвязала старого пса — оленегона Вытэл — и повела его к дроблённым костям у кострища. Привязала собаку к кочке. Вытэл, поджав хвост, будто боясь, что всё это у него отберут, стал жадно торопливо есть. Остальные собаки сели и терпеливо ждали, когда о них вспомнят. Мама обратилась ко мне:

— Доча, принеси миски Умки и Айки.

Я побежала к собакам. Они встали навстречу мне, радостно завиляли хвостами. Умка — белая лохматая собака, а Айка — чёрный пёс со свалившейся на боках шерстью. Я взяла миски, подбежав к маме, отдала их ей. Мама поварёшкой зачерпнула со дна бака бульон с дроблеными костями. Остаток вылила на кучу и унесла бак в ярангу. А я миски с едой отнесла привязанным собакам.

Так прошёл праздник Кильвэй.

Через два дня стадо соединили, отбили моюкор — ездовых. А вечером следующего дня, после отбивки ездовых, мы разобрали ярангу и целую неделю, останавливаясь днём на отдыхе, кочевали на летнюю стоянку. Кочевали ночами, потому что днём на солнце снег подтаивал, становился рыхлым и ездовым оленям тяжело было по нему тащить грузовые нарты. Мы спешили дойти до подножия

Критика

Виктор Куллэ:

«Стиль дискуссии важнее предмета дискуссии»

Разговор ведёт Юрий Татаренко

Виктор Куллэ — личность в литературном мире, можно сказать, легендарная. Прекрасный поэт и переводчик, известный литературовед, доцент Литинститута, автор первой в России диссертации, посвященной творчеству Иосифа Бродского «Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России (1957—1972)», редактор-составитель сборника Иосифа Бродского «Бог сохраняет всё» (1992), комментатор «Сочинений Иосифа Бродского» в восьми томах (1996—2002). Куллэ перевел на русский язык полный корпус стихов Бродского, написанных на английском, а также сонеты и поэмы Шекспира, стихи Микеланджело, Томаса Венцловы, Чеслава Милоша, Янки Купалы, Бойко Ламбовски, Шеймаса Хини.

Мы познакомились пять лет назад на литфестивале в Красноярске «Книга. Ум. Будущее» («КУБ»). Куллэ очаровал всех участников форума своей демократичностью, незаурядностью суждений, чтением наизусть множества не своих стихов. После мне удалось побывать на семинаре Куллэ в Литинституте — и вновь это был праздник общения под флагами энциклопедичности и искрометности. В этом году Виктор Альфредович отпраздновал свое 60-летие. Двухчасовое интервью состоялось у него дома, в Отрадном, в квартире, заполненной книгами...

Юрий Татаренко: Стихи пишутся — а жизнь меняется. Это простое совпадение?

Виктор Куллэ: Жизнь меняется всегда. Я люблю историю, и очень интересно воспринимать события в некоем контексте. Как говорил Бродский: «А ты попробуй посмотреть на это дело взглядом как бы с Луны». Взгляд из глубин истории — тот же взгляд с Луны. Бывало, слова звучали те же самые — а смысл в них вкладывали другой.

Много занимался переводами. И если и сделал какие-то открытия в Шекспире, Микеланджело, то большей частью потому, что не читал, что о них пишут современные комментаторы. Пытался делать подстрочки сам и пользоваться словарями того времени, где у привычных лексем другие семантические гнезда.

Виктор Куллэ родился в 1962 году в Кировской области. Окончил Литературный институт им. А.М.Горького. Канд. филологич. наук (1996). Автор книг стихов «Палимпсест» (2001), «Всё всерьёз» (2011), «Стойкость и Свет. Избранные стихотворения и переводы 1977—2017» (2017), «Благодарность» (2021). Автор сценариев документальных фильмов о Ломоносове, Грибоедове, Цветаевой, Газданове и сериала о женщинах на Великой Отечественной войне «Прекрасный полК». Лауреат премии журнала «Новый мир» (2006), итальянской премии Lerici Rea Mosca (2009), премии им. А.М.Зверева журнала «Иностранная литература» (2013), Новой Пушкинской премии (2016), премии журнала «Дети Ра» (2016), премии «Венец» (2017).

Есть ли связь между написанием стихов и поэзией как таковой? Очевидно, что у больших поэтов регулярно случались озарения, пророчества. У меня был вот какой опыт: я написал лирическое стихотворение и не понимал: что это за текст, с чего бы он вдруг ко мне приблудился? А лет через десять-двенадцать я попал именно в ту ситуацию, которую сам себе напророчил. Получается: заранее постелил себе соломки! (Улыбается.)

Бывает, что человек пишет на психозе. Из этого может что-то получиться. Но с большой степенью вероятности — не получится. Написание стихов — опыт коммуницирования. А какая может быть коммуникация, если один из участников диалога истерит? (Улыбается.)

Сейчас только-только начала появляться литература, осмысливающая опыт 90-х. Поэтов, способных год-два спустя отозваться на что-то важное в историческом плане, у нас много. А вот написание прозы требует «мозолистой задницы». Ну и перед тем, как сесть за стол, писатель долго вынашивает свой замысел...

Я больше тридцати лет пишу свою здоровенную поэму, с 1991 года. Это, условно говоря, попытка современной «La Commedia» — «Путешествие по преисподней отечественной истории и культуры». В процессе работы несколько раз надолго останавливался, кардинально переделывал фрагменты — вплоть до смены размера. Крайне желательно успеть закончить этот труд. Видишь ли, есть вещи, которые на голой технике не делаются. На технике можно написать небольшой «стиш» или поздравительный экспромт — но вряд ли такое, что можно будет отнести в «Новый мир» или в «Дружбу народов». А бывает принципиально другая ситуация — когда тебя просто накрывает, и ты выпадаешь из реальности. Именно так, кусочками, ко мне приходит поэма. Еще раньше, в 1990-м, я начал толмачить «Книгу Псалмов». И тоже пока не закончил.

Ю.Т.: Пoэты и дедлайн — стихии несовместные?

В.К.: Ты просто работаешь — какой тут может быть дедлайн... С другой стороны, не так давно я перевел огромное количество стихов, тысяч тридцать строк, для цикла антологий большого издательского проекта «ОГИ». И что такое «сроки поджимают» мне хорошо известно. Это по молодости я писал, точно не зная, будут ли когда-нибудь стихи напечатаны. Первая книжка вышла, когда мне было сорок... Вообще-то я безмерно счастлив, что некоторые так и не были опубликованы. К слову, у меня хранится вот такая пачка машинописи Бродского (*показывает рукой расстояние полметра от пола*) — это тексты эпохи «Киндергартина» (по его собственному определению). Рано или поздно, увы, это тоже опубликуют. Хорошо бы, лишь незначительным тиражом, исключительно для исследователей.

Ю.Т.: Что влияет сильнее — поэзия на жизнь или, наоборот, жизнь на поэзию?

В.К.: В своей Пушкинской речи я бросил такую фразу: «Время, потраченное на написание стихов, украдено из жизни». Это правда. Поэтому поэзии имеет смысл заниматься только серьёзно, с полной отдачей. И своим студентам я пытаюсь внушить простую мысль: либо не занимайтесь литературой — либо отдавайтесь этому делу целиком, всерьёз, относитесь к нему как к самому главному в жизни.

Ю.Т.: Что отвечает вам молодёжь?

В.К.: Ничего. Смотрят так, словно у старика от пафоса крыша поехала... Говорю им: «Милые мои, пафос не есть какое-то ругательство — для древних греков слово *пафос* означало «подлинность, страсть, страдание». Как же вы без всего этого стишки писать будете?» (Смеется.)

Вот все ищут свое определение поэзии. Мне нравится дефиниция Кольриджа: наилучшие слова в наилучшем порядке (the best words in their best order). К этому нужно стремиться. Но порой следует не бояться от жёсткого правила отступать — если этого требует то, что ты хочешь высказать. К примеру, такой поэтический брак, как слипание слов — я пытаюсь раскалеными траками выжечь в строке, когда веду

мастер-классы, на семинарах в Лите. Порой слышу возражения: мол, у Пушкина тоже есть слипшиеся слова. Отвечаю: «Всё дело в том, что до этого Пушкин сумел навязать читающему свою интонацию, при которой слова уже не воспринимаются, как слипшиеся...»

Человечество не так давно научилось читать глазами. До восемнадцатого века все шептали, проговаривали, озвучивали написанный текст. Любой — от Библии до книги кулинарных рецептов. Поэтому проверять написанное изустно необходимо. Маяковский вот лесенку изобрел. Потому что, если его стихи записать обычным образом, у него неблагозвучий будет немоверное количество. Но Владимир Владимирович предлагает свои правила игры. И всё нормально: ты либо играешь по ним, либо нет. Отбивка клавишей enter эффективна и сегодня — но, увы, некоторые молодые авторы этого не чувствуют. Не понимают, что можно просто изменить графику текста, либо пунктуацию. Всем советую несколько раз свеженаписанный текст, что называется, покатать за щекой. И сразу придет другой эпитет — возможно, более точный.

Другой важный момент: время, затраченное на чтение стихов, автор крадет у читателя. Разочарование, раздражение, ощущение того, что тебя обкрадывают — не та эмоция, которую хочется вызвать, да? Авторский подход «и так сойдет, пипл схавает» — мне претит. Не сойдет! Нельзя так с людьми.

Как часто бывает? Человек, прия в книжный магазин, берет в руки томик стихов неизвестного ему автора, раскрывает наугад, читает пару строф — и ставит книгу обратно на полку. Бороться с этим можно единственным образом. Кто-то из больших прозаиков, измученный журналистами, на дурацкий вопрос: «Над чем вы сейчас работаете?» — ощерился: «Над чем, над чем... Да я всю жизнь работаю над собой!» Строго говоря, если стихотворение, по Бродскому, «колossalный ускоритель сознания», а поэзия — дело антропологическое (с чем были согласны и оба Милоша, и Элиот, и другие великие), то в идеале после написания текста или картины, съемок фильма и так далее — ты должен чуточку меняться сам. Только тогда есть надежда, что люди это почуют, что написанное сможет их зацепить. Другими словами, в ранце каждого новобранца должен лежать маршальский жезл.

Ю.Т.: Одно из определений поэзии в нашем разговоре уже прозвучало. А следующий вопрос — о её составляющих. Интонация безусловно, метафоры, экспрессия, афористичность, глубина — а что ещё?

В.К.: В интервью Валентине Полухиной начала 90-х и впоследствии во многих иных интервью я не раз говорил: «Если лирика, с точки зрения античности, — песнь души, значит, во-первых, надо уметь петь, во-вторых, обладать душой». В-третьих, что самое сложное, нужно, чтобы содержание выпеваемой тобой души было кому-нибудь интересно, кроме родных и близких». И если, как я уже сказал, в процессе создания произведения искусства ты меняешься сам, то это передается и публике — читателю, слушателю, зрителю. Вспомним камлание шамана — когда человек выкладывается на полную катушку, это что-то меняет в воздухе и затрагивает всех. Тот же Смоктуновский, великий актер, был даже в крохотной роли незабываем. Так что все перечисленные тобой составляющие поэзии — про умение петь.

Когда-то, году в 2005-м, в финале стихотворения «Гамлет» я написал:

Что есть искусство? — лишь борьба со смертью.
Как и любовь. Прочнее, чем любовь.

Нет ничего дурного в том, чтобы кому-то подражать. С этого все начинают. Но мечта каждого пишущего сводится к тому, чтобы кто-то прочел его неведомое творение — и сразу опознал автора! Беда в том, что до хрена случаев, когда пишут, подражая Цветаевой, Ахматовой или Бродскому — и пишут по сей день... Это всё — «осетрина второй свежести». Грубо говоря, эпигоны работают не на свою бессмертие, а на бессмертие великих, выработавших уникальную дикцию, которая изменила всю

поэзию. Таких, к слову, совсем немного: ну, Ломоносов, ну, Хлебников, ну, Бродский...

Хорошо помню, как мне одновременно попались две книжки Бродского, вышедшие в «Ардисе» в 1977 году: «Конец прекрасной эпохи», где были стихи, написанные до эмиграции, и «Часть речи» с текстами после неё — там появился абсолютно новый звук! Опыт стерильного одиночества в Мичигане изменил поэтику Бродского. Иосиф рассказывал об этом в одной из бесед с Вайлем — квантовые скачки его письма происходили дважды: в Норинской ссылке, куда он попал подающим надежды талантливым юношей — и откуда года через полтора вернулся вполне состоявшимся поэтом. Второй раз качественный скачок произошёл после отъезда в Америку. Прочитав обе книги встык, я был ошеломлен: разница колоссальная! Ну, это как будто человек, выросший в степях или горах, неважно, вдруг впервые оказался на берегу океана...

Ахматова — великий поэт — новой поэтики не открыла: с точки зрения мелоса. Но ввела в поэтический обиход психологизм, точность нюансировок. То есть нашла свою суверенную фишку. Марина Ивановна (Цветаева. — Ю.Т.), наоборот, стремилась создать свою поэтическую Вселенную. До сих пор тётенки пишут стихи «под Цветаеву» — и порой хорошие стихи! Но — зачем?

Ю.Т.: Человек — живет, а поэзия — существует. Почему так?

В.К.: Поэзия существует по формуле Маяковского: это «та же добыча радия». Не слишком изящно сказано — но по сути верно. Поэзия — некий единый поток мироздания. Кому-то удается сориентироваться в этом потоке. Тогда и начинается ахматовская «на воздушных путях... голосов перекличка». А ещё Анна Андреевна говорила, что поэзия — «одна великолепная цитата». Но тут уже скрыто некоторое лукавство. Потому что цитировать можно неосознанно. К тому же игры в интертекст непереводимы. Ну, как передать по-английски, к примеру, вот это, из Ерёменко: «И рация во сне, и греки в Фермопилах? (Улыбается.) Перекличка Ерёмы с Мандельштамом при переводе ускользает — можно только постараться сохранить метрический каркас текста.

Я переводил на русский стихи Микеланджело. Он всерьёз не относился к своим почеркушкам, не собирая их специально. Всё, что сохранилось, было на оборотах чертежей, в письмах. Хотя два мадrigала, положенные на музыку Тромбончино, ушли в народ. И считаются народными — как моя строка «Чем дальше в лес, тем толще партизаны». (Улыбается.) Никому не важно, кто её сочинил первым, но я по этому поводу и не парюсь. Что же ценилось в поэзии во времена Микеланджело? Петраркизм. То есть сочинители канzon или сонетов играли обрывками цитат Петрарки, тексты которого знал наизусть всякий уважающий себя итальянец. Но это работало только на итальянцев, только для итальянцев. Петрарка у нас переведён хорошо, и в большом количестве, но передать реминисценции и аллюзии из него в стихах петrarкистов — невозможно. Был такой великий и ужасный, Иван Барков Ренессанса — Франческо Берни, он в своём «Диалоге против поэтов» выдал: вы все пишете слова, Микеланджело пишет вещи. Каково, а? До манифеста акмеизма было ещё ну очень долго.

А кардинал Пьетро Бембо мечтал перевести «Божественную комедию» на латынь, чтобы не пропала — потому что замысел ему безумно нравился, а вот написано было, по его мнению, каким-то чудовищным языком! Между тем тосканское наречие стало основой нынешнего литературного итальянского языка...

Скажу так: поэт — стремление к суверенной, точно выверенной интонации, а также стремление к внятному высказыванию. Но если ты чего-то недопонимаешь — это не проблема автора. Дело в том, что многие годы спустя после написания великого текста лексемы зачастую приобретают иное семантическое наполнение. Микеланджело считается предвестником не только маньеризма, но и барокко не случайно: великий

скульптор делал изваяния, которые можно рассматривать со всех сторон. И поэзия его — стереоскопична.

Ю.Т.: Интересно узнать о вашем опыте перевода. Когда «пустились на дебют»? Не было страха неудачи? Под чьим руководством продвигались?

В.К.: Ещё в отрочестве пытался приделывать русские тексты к нравящимся песням: рок, киномузыка. Поименовать их «переводами» было бы самонадеянно — то были некие «переложения», «адаптации». Но содержание (насколько я его при дурном знании языка понимал, разумеется) пытался передавать без отсебятины. Страха неудачи не было — речь ведь шла о безобидном хобби, которое вдобавок приносило признание у одноклассников, дарило внимание прекрасного пола.

Первый опыт перевода, претендующий на серьёзное отношение, получил уже в Литинституте: подружился с болгарским поэтом Бойко Ламбовским, перетолмачил целиком его дипломную работу (благо, автор был под рукой, в общаге Лита). С тех пор болгарскую поэзию (в первую очередь того же Ламбовского) перевожу по сей день: мальчишеская дружба неразменна.

Тогда же (где-то восемьдесят седьмой—восемьдесят восьмой годы) по заданию мастера творческого семинара, Александра Алексеевича Михайлова, мы пытались переводить своих односеминарников. Я перевёл Шхамбия Куева (Адыгея), Татула Сафаряна (Армения), Анжелу Плопий (Молдавия), Умуда Мирзаева (Азербайджан). Переводы тогда же были тиснуты, кажется, в «Сельской молодёжи».

В начале 90-х, в Англии, переводил посвящённые Бродскому стихи Дерека Уолкотта, Томаса Венцловы, Роя Фишера — для русской версии книги Валентины Полухиной Brodsky through the Eyes of his Contemporaries. Этот опыт подарил дружбу Дерека и Томаса. Венцлову толмачу по сей день. Переводы изданы в книге «Негатив белизны». Помимо них, в качестве дружеского приношения переводил Чеслава Милоша, Шеймаса Хини, Тумаса Транстрёмера.

Насчёт «руководства»: помогала и дисциплинировала дружба с мастерами: Андреем Сергеевым, Евгением Соловьевичем, Павлом Грушко. В качестве переводов «для души» — даже не задумываясь о публикации — перевёл полный корпус англоязычных стихов Бродского, полный корпус Микеланджело, полный корпус поэм и сонетов Шекспира. Сейчас перевожу Хайяма.

Ю.Т.: С каких языков народов России и бывшего СССР вы переводите?

В.К.: В рамках цикла антологий «Литература народов России» (2017—2020) переводил с абазинского, аварского, агульского, алтайского, балкарского, бурятского, дербентского азербайджанского, ингушского, кабардинского, калмынского, карачаевского, кумынского, лакского, лезгинского, мансийского, осетинского, рутульского, табасаранского, татарского, тувинского, финского ингерманландского, хакасского, хантыйского, цахурского, цыганского, чеченского, чувашского, чукотского, эрзя, якутского (в целом — изрядно: под сотню имён, многие тысячи строк). Если нужны конкретные фамилии: Галина Раднаева [Санджэ-Сурун] (Бурятия), Николай Туулар (Тува), Разиль Валеев (Татарстан), Николай Санджиев (Калмыкия), Леча Абдулаев (Чечня)... Особых предпочтений нет, но так уж сложилось, что по ходу проекта мне выпали переводы «народов Гэсэра» (бурятов, тувинцев, калмыков), переводы чеченских и цыганских поэтов. По сей день продолжаю толмачить чувашские стихи ушедшего друга Геннадия Айги.

Из поэтов бывшего СССР переводил с белорусского (Янка Купала), украинского (Василь Симоненко), узбекского (Рауф Парфи).

Ю.Т.: Что в этом деле самое трудное?

В.К.: Трудности бывают двух сортов:

а) адекватность понимания того, что хотел сказать автор. Особенно, если речь о поэтах, отдалённых от нас веками. Приходится заниматься «переводческой археологией» — обращаться к словарям соответствующей поры: тосканскому

(в случае Микеланджело), елизаветинской эпохи (Шекспир, Джон Донн и пр. «метафизики») — и делать подстрочки самому. Приведу в качестве примера 122-й сонет Шекспира. Он начинается “Thy gift, thy tables, are within my brain”. Традиционно переводчики, следя комментаторам, понимали “tables” как «дневник», либо некую книгу для ведения записей, заметок. Иногда — как миниатюру, на которой запечатлён портрет «друга». Но подобное значение для “tables” в английском той поры отсутствует. Напрашивающаяся аллюзия с “table-talk” в языке не была ещё зафиксирована — связывалась лишь с «Застольными беседами» Плутарха. Между тем, “tables” на переломе XVI—XVII веков для английского уха могло означать единственную книгу: первое собрание эссе Фрэнсиса Бэкона (1597). Согласно отечественной традиции, название книги “The Essays; Or, Counsels Civil and Moral with a Table of the Colours of Good and Evil” переводится как «Опыты, или Наставления нравственные и политические». Именно там каждая главка именовалась “The Table” — по аналогии с Библейскими Скрижалами. И тогда смысл сонета меняется кардинально: это уже не любовное послание, а куртуазный отказ принять присланную в подарок книгу:

Твои скрижали — твой бесценный дар —
столь прочно в памяти запечатлён,
что ни к чему бумажный экземпляр:
им не забыться до конца времён.
Пока мой мозг и сердце, что дала
природа — сокрушительный нажим
забвения не истребит дотла —
в них будет место опытам твоим.
Бумага — лишь убежище словам;
но у любви совсем иной закон:
другим скрижалим верю — ибо там
ты с большей полнотой запечатлён.
Мне ни к чему заглядывать в тетрадь —
страшусь права беспамятства признать.

б) адекватность подстрочки (когда речь о языках, которыми не владею). Порой приходится вооружаться словарями и перепроверять.

Ю.Т.: Кого переводили больше — мужчин или женщин? Насколько трудно мужчине-переводчику передать внутренний мир и поэтику женщины-поэта?

В.К.: Не воспринимаю это как проблему. С удовольствием переводил женщин: Мелиссу Грин (США), Галину Раднаеву (Бурятия), Полину Артонову (Хакасия). Мужчине всегда любопытно что-то постичь в психологии прекрасного пола. Ведь в стихах поневоле раскрываешься больше, чем в жизни.

Ю.Т.: Много ли сегодня квалифицированных переводчиков? Где и как готовят переводчиков — есть ли система семинаров, мастерских, резиденций?

В.К.: Живы ещё некоторые корифеи старшего поколения: Евгений Соловьевич, Виктор Голышев, Павел Грушко. Это, как минимум, держит планку: перед ними просто стыдно облажаться. Высоко ценю коллег по переводу Антологий народов России: Максима Амелина, Ирину Ермакову, Алексея Пурина, Артёма Скворцова, Алёну Каримову, Ивана Волкова, Алексея Саломатина. Насчёт подготовки: полагаю, по-прежнему готовят в Инязе. В Литинституте имеются переводческие семинары, которые ведут замечательные мастера. В последнее время там возрождается традиция семинаров перевода не только с европейских языков — но и народов России. Создан «Дом национальных литератур». Я посильно в его работеучаствую.

Ю.Т.: Правда ли, что переводить прозу легче, чем поэзию?

В.К.: Не так уж много переводил прозу. На мой вкус, зависит от конкретного текста. Иную прозу приходится переводить по законам поэзии: формальная стилистическая задача посложнее версификационных изысков будет. Так у меня было с переводом рассказов Шахвеледа Шахмарданова с табасаранского.

Ю.Т.: Очевидно, что степень свободы переводчика — краеугольный вопрос для «толмачей». Как уживаются в переводе точность и приблизительность?

В.К.: Любой перевод — неизбежная жертва. Полнотью втиснуть одну культуру в другую невозможно. Приведу любимый пример: японец перевел Хлебникова, прочёл мне — и я понимал, какое стихотворение председателя земшара взято. Но я совершенно уверен, что, если перевести его обратно на русский, получится что угодно, только не Хлебников. То есть переводчик понял, что главное здесь — игра корне словиями. И попытался найти эквиваленты в своём языке.

Я стараюсь переводить эквилиметично, в идеале — эквилинеарно. Англичан очень долго переводили, чередуя мужские и женские рифмы. Мне это кажется неоправданным, поскольку в английской поэзии рифма исключительно мужская. И Бродский перевёл Джона Донна именно так. Оказалось, это возможно — хотя и весьма непросто. А у итальянцев, наоборот, только женская рифма. Есть опыт перевода Мандельштамом сонетов Петрарки сугубо женской рифмой. Но если представить целый том переводов, написанных без единой мужской рифмы — у тебя будет оскомина, как от излишне сладкого блюда. Слепое следование поэту пойдёт ему в минус. Парадокс: сплошная мужская рифма не приедается — в отличие от сплошной женской.

Я переводил хантов. У них единственный размер — двустопный хорей. Чижик-пыхик — чижик-пыхик, чижик-пыхик — чижик-пыхик. При этом стихи совсем небольшие, зачастую всего из одного-двух катренов. Как это перевести, чтобы не утрачивалось содержание и не походило на считалочку? Раньше практиковалось совершенно спокойно переводить хоть пятистопным амфибрахием (*улыбается*), да ещё добавлять третью, лишнюю строфу. Ну и получалось сочинение «по мотивам»: олешки бежали, снег искрился, «увезу тебя я в тундру», — всё в таком роде. Я честно попытался влезть в этот двустопный хорей — но понял, что очень многое по смыслу придётся отсекать. Пытался найти конгруэнтный размер — к примеру, взял трёхстопный хорей. Вроде бы получилось — и вполне конгруэнтно:

Чум — с окошком в небо...
Звёзд — поди сочти.
Эх, не сбиться мне бы
с Млечного пути.

А как переводить бурятскую или тувинскую поэзию, которые полностью базируются на анафоре? Я пробовал сохранять анафору и добавлять рифму в хвосте строки. Задача не из лёгких. Я так перевёл знаменитого тувинского поэта Александра Даржая, аксакала. Но не очень доволен. Подобная жёсткая формальная заданность часто приводит к эдакому профессиональному гомункулусу.

Отца Амарсаны Улзытуева, бурятского классика Дондока Улзытуева, переводили Куняев и Евтушенко — они все вместе учились в Литинституте. Это прекрасные переводы — но они не передают своеобразие бурятской поэзии, увы. Нужно постараться найти нечто среднее конвенциональное. Когда я гостил в поместье Улзытуевых, предложил ему самому перевести стихи отца, хотя бы начать. Амарсана ведь только что выпустил книгу «Анафоры». Тётушка Амарсаны воодушевилась: «Гость твой едва приехал — а уже дело говорит!» (*Улыбается*).

Мне повезло. В Лите наш семинар был последним, кто застал занятия по античной литературе у Азы Алибековны Тохо-Годи. Потом младшекурсникам античку пришёл читать Гаспаров — и я удирал со своих занятий, чтобы прослушать курс по второму разу (*улыбается*). Так вот, Аза Алибековна нам сказала, что никаких лекций и конспектов не будет — они с Алексеем Фёдоровичем Лосевым написали учебник, и нет смысла тратить время на его пересказ своими словами. Для сдачи экзамена достаточно просто прочитать. Потом добавила: «Вы ведь поэты, вы должны знать, что такое античный мелос». И она нам на языке оригинала пропела всего Гомера, всего

Гесиода, Сапфо, Алкея и прочих лириков... С необходимыми комментариями, разумеется.

Ю.Т.: Недавно у меня вышел фельетон «Поэт как конфета без фантика», где я предлагал стихотворцам завоёывать публику, выходя на театральные подмостки. А тебе какой хороший способ монетизации литспособностей известен?

В.К.: Я имел честь лично знать нескольких лауреатов Нобелевской премии по литературе. Казалось бы, эта премия — прямой путь к успеху: тебя перевели на множество языков, но жить за счёт этого всё равно не получается — и Бродский, и Милош преподавали до упора...

Число читателей поэзии во всём мире по-прежнему очень невелико. Это у нас ненадолго был бурный всплеск интереса к стихам — когда поэзия подменяла собой религию. Сейчас просто приходим в нормальное состояние. Сегодня поэты для взаимодействия с публикой осваивают синтетические жанры: перформансы, слэмы и так далее.

Один из самых радикальных авангардистов, Геннадий Айги, с которым я имел честь дружить, великолепно читал свои стихи. Это был сеанс чистого шаманского камлания. Три часа люди, охренев, впадали в транс. Как на рок-концерте. А при чтении глазами поэзия Айги многим представляется заумью — сколько раз мы спорили на эту тему с Рейном, с Денисом Новиковым, царство ему небесное... Айги пытался прорваться к первородству языка. И в результате получилась партитура, ключ к которой утрачен. Она не считывается никем, кроме него самого.

И Пригов без своей уникальной голосовой подачи воспринимается совершенно по-другому, и Всеволод Некрасов. Но видеозаписи к книжкам не прилагаются. Да и что запись, разве может она передать живую эмоцию, уникальный мелос поэта? С другой стороны, увлечённостью звуком, не говоря уж о перформансах, можно и заиграться — и это тоже не сблизит поэзию с публикой.

Ю.Т.: Следующий вопрос — как раз на тему «заиграться». Поэт, написавший гимн банка, перестаёт быть поэтом?

В.К.: Это вопрос вкуса, по-моему. Одно из лучших определений вкуса — у Пушкина. Он полагал, что «истинный вкус состоит не в безотчётом отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

Мой любимый Михаил Васильевич Ломоносов кем был для меняющихся матушек-императриц? Лучшим мастером по устройству фейерверков. А всё остальное считалось для двора не столь уж важным. Ломоносов писал и сценарии праздников, и поздравительные оды. Проводя в них свою линию на необходимость развития отечественной науки и просвещения.

Ю.Т.: Речь о современном добровольном разменивании поэтического таланта...

В.К.: На самом, деле в стихах на случай и сегодня много пользы. Я даже призываю своих студентов писать пародии друг на друга, поздравительные тексты по разным поводам, дружеские посвящения. Поэту нужна постоянная практика. Я из поколения буриме. Мы по ходу обучения регулярно практиковались в написании каких-то архаических твёрдых форм: сонетов, рондо, триолетов и так далее. Не с целью осчастливить излияниями своей души человечество, разумеется. Мы приучались к версификационной дисциплине, когда свобода уходит в кончики пальцев. Известно, что Рахманинов при жизни был востребован в первую очередь не как композитор, а прежде всего как пианист-виртуоз. У него был специальный вагон, где стоял рояль, — так он разъезжал с гастролями. И играл по восемь часов ежедневно. Говорил: «Если не буду играть один день, это замечу только я, два дня — заметят коллеги, три дня — заметит уже публика».

Не вижу ничего дурного в определении «графомания» — это просто одержимость процессом письма. Она была свойственна молодому Бродскому, юной Цветаевой, много кому ещё... Вопрос не в числе сочиненных тобой текстов, важно другое: умеешь

ли ты относиться к себе критически, с самоиронией. У меня было несколько интересных случаев: когда был влюблён по самое не балуй и мы вдругссорились с девушкой. Пришёл домой весь в обидах и разочарованиях — и за ночь написал десять стишков. Просматривая их спустя какое-то время, обнаружил, что вроде как седьмой или восьмой чуть получше остальных. Что это означало? Что мне надо было подразогнаться к нему, раскочегариться. Но самое позорное, что я и в нем не выложился по полной — после ещё пар выпускал (*улыбается*). Так набрёл на мысль: может, не стоит спешить записывать всё, что приходит в голову? Когда стихи созревают, они начнут твою черепушку изнутри кловиком долбить: «Запиши, иначе жизни не дам!» Тогда садишься, берёшь ручку, бумагу...

Ю.Т.: А можно чуть подробнее про кловик и такую субстанцию как предстихи?

В.К.: Подавляющее количество стихов, разбираемых мной на мастер-классах, — это декларация о намерениях. Это похоже на загрунтованный холст с набросками карандашом. А живописи, индивидуального мазка — нет. Вообще, свой излюбленный метафорический ряд у каждого складывается в детстве. Но не хватает возможностей выразить желаемое.

Ни форсировать события, ни заигрываться не надо. По свидетельствам людей из ближнего круга Николая Рубцова, с поэтом ушли в мир иной два тома незаписанных стихов. Он постоянно возвращался к работе над ними — но не публиковал. Ничего не записывал Грибоедов — по делу декабристов к нему должны были прийти с обыском, и он уничтожил абсолютно все бумаги в доме. Таким образом, не сохранилась написанная после «Горя от ума» трагедия «Грузинская ночь» — она совершенно точно была завершена, Грибоедов читал её друзьям на обедах в Петербурге...

Ю.Т.: Вопрос о сохранении важного в памяти, увековечивания. Несколько лет назад в Новосибирске поставили памятник Сталину, в Ульяновске — букве «Ё». А какого памятника не хватает Москве?

В.К.: Подозреваю, что в столице до сих пор нет памятника Заболоцкому. А есть ли монумент, или хотя бы бюст, Арсения Александровича Тарковского? Не на кладбище в Переделкино — а в самой Москве? Это я называю навскидку близких сердцу моему. В Москве нет памятников Сельвинскому, Нарбуту, Луговскому — я даже знаю места, где они должны стоять (*улыбается*). А сколько художников не увековечено в бронзе? У нас, что, есть памятник Фальку? Если у властей нет на это денег, можно объявить краундфандинг. В конце концов, на мраморную плиту Бродскому на Сан-Микеле скидывались всем миром — начиная с Барышникова и Уолкотта, внесших значительные суммы.

Вот ты спросил, на что жить поэту. Бродский, как известно, преподавал в университете. Дерек Уолкотт, самый совершенный в техническом плане англоязычный поэт, начинал как драматург. И после вручения ему Нобелевской премии, его пьесы начали ставить по всему миру — выплачивая авторские, разумеется. Я зарабатываю себе на жизнь первом много лет — с тех пор, как окончил Литинститут. При этом не лезу в политику: редактирую, перевожу, преподаю.

Мама одной моей подруги в своё время была директором музыкальных программ радио «Маяк». И она предлагала нам с Денисом Новиковым и многим другим поэтам попробовать писать тексты песен для попсовиков-затейников: «Хотите под псевдонимами — пожалуйста! Хоть денюжку заработаете...» Только у нас не получилось ни черта. Освоить степень простодушия, чтобы сочинить что-то типа «Ксюша-Ксюша-Ксюша, юбочка из плюша» — язык не повернулся. Разве что Вадюша Степанцов, уже имевший опыт сотрудничества с группой «Браво» и Гариком Сукачёвым, стал писать песни — и то для собственной команды «Бахыт-компот». Ну и Виктор Пеленягрэ освоил песенный жанр. Не без заимствований, будем откровенны. К примеру, строки: «Позови меня тихо по имени, / ключевою водой напои меня», — принадлежат Игорю Меламеду.

Ю.Т.: Что скажешь про памятник Бродскому на Садовом кольце?

В.К.: Выпендрёж. Мне он совсем не нравится. Когда ушёл Окуджава, мы с его вдовой, Ольгой Владимировной, ездили по мастерским, смотрели разные версии памятника, на создание которого был объявлен конкурс. И Ольга Владимировна изрекла эпическую фразу: «Они все молодого Горького из Булата делают, а он скорее на Чарли Чаплина походил...» А в случае с памятником Бродскому, похоже, никакого выбора не было. Скульптор просто нашёл повод прокреативиться. Наверное, и эта работа имеет место быть — но лишь в качестве довеска к чему-то иному, большему... Мне кажется, «Чемодан», поставленный в университетском дворике в Питере, имеет к нобелиату больше отношения, чем композиция в центре Москвы.

В центре Питера постоянно рисуют портреты Бродского на стенах домов. История этих граффити началась ещё до падения Советского Союза (*улыбается*). Но разрисовывать Дом Мурузи, считаю, не дело. Хотя бы потому, что к этому зданию имели отношение, помимо Бродского, другие великие. В своё время я изучал эту тему и выяснил: раньше на этом месте стоял дом, принадлежавший графу Резанову, тому самому, из «Юноны и Авось». Уезжая в экспедицию, он поручил воспитание своих двоих детей друзьям-поэтам — Дмитриеву и Державину. Потом там был дом, описанный Достоевским как дом генерала Иволгина в романе «Идиот». А собственно Дом Мурузи появился во второй половине девятнадцатого века, когда пошла мода на пышный мавританский стиль. Его тогда прозвали «каменным кремовым тортом». До революции там был салон Гиппиус и Мережковского, позже там собирался «Второй цех поэтов». Я уж не говорю о том, что именно здесь разворачивалось действие «Гранатового браслета» Куприна. В конце концов, это памятник архитектуры — стало быть, расписывать его надписями ли, портретами — как минимум, нехорошо. Если начнут покрывать граффити колоннаду Казанского собора — это же вандализм? (*Улыбается*.)

Ю.Т.: Два года назад широко отмечалось 80-летие со дня рождения Бродского. В чём его значение для русской словесности? Понимаю, что на эту тему ты способен говорить как минимум до утра. В пять минут уложишься?

В.К.: Я уже упомянул о том, что мало кому удаётся изменить воздух поэзии. А Бродский изменил его. Это первое. Второе: Пушкин писал Вяземскому, что «поэзия, прости господи, должна быть глуповата» — а Бродский был нечеловечески умён. Когда он описывал, к примеру, свою «Путешествие в Стамбул» — видно, что им перелопачен весь Данилевский и прочие по теме. Но собственный текст он начинает с нуля, заново, не стоя ни на чьих плечах. Ab ovo.

С Бродским было очень тяжело общаться. Это как фехтовальный поединок или теннис. Маховик его мысли раскручивался постоянно. Таких людей я знал немного, почти все они были философами — Александр Пятигорский, Георгий Гачев. Из писателей подобную мощь интеллекта я встречал только у Битова.

А ещё благодаря Бродскому у нас возник серьёзный интерес к английской поэзии. В самом деле, в девятнадцатом веке Байрона читали в переводах с немецкого, Шекспира — с французского.

Ю.Т.: Вопрос в двух частях. Два с лишним года весь мир получает новый опыт — жизнь при пандемии. А в чём заключался твой новый опыт в это время?

В.К.: В очень простых вещах: я пару раз чуть не сдох (*улыбается*). Меня спасло преподавание. Даже придумал афоризм: «Птица-говорун умирает последней!» (*Улыбается*.) Занятия шли на удалёнке, я садился у компа и честно разбирал стихи или читал лекции по истории литературы народов России. После ковида я восстанавливался работой.

В этой ситуации с дистанционным обучением очень жаль студентов: у них реально украдена лучшая пора жизни, полноценное студенчество со всеми его атрибутами. Говорю ребятам: моему поколению пришлось многое пережить: противостояние всему советскому, крушение страны, лихие 90-е — и мы решили уже, что с нас хватит. Ни фига подобного! Получение нового опыта продолжается. Так вот, подумайте о тех, кто родился в самом начале XX века и хлебнул по полной: революцию,

гражданскую войну, коллективизацию, индустриализацию, 30-е годы, Великую Отечественную, борьбу с космополитами... Так что нам, нынешним, ныть о трудностях как-то неуместно.

Меня порой сочувственно вопрошают: мол, как же так — первую книгу вам издали в сорок лет. А у Рейна она вышла в пятьдесят. И что дальше? Стыдно ныть. Да, первой книги долго не было — и я был избавлен от множества ранних соблазнов. Как говаривал покойный Венедикт Ерофеев: «Всё на свете должно происходить медленно и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек, чтобы человек был грустен и растерян» (*улыбается*). Сейчас, ребята, настали ваши исторические времена: и пандемия, и спецоперация.

Ю.Т.: Я как раз продолжу вопрос про новый опыт. Пандемия прервалаась у нас очень необычно — началась спецоперация на Украине. Согласен?

В.К.: Да-да, итальянская *La Stampa* сразу написала, что Путину нужно дать Нобелевскую премию по медицине — за то, что одним росчерком пера отменил пандемию (*смеется*). А если говорить серьёзно — не хочу верить ни в какую конспирологию. Вся история человечества — теория беспрерывно сменяющихся заговоров. По-другому большая политика просто не происходит.

Расскажу случай, которому был свидетель. Конец 80-х, ветер перемен свистит в ушах. Типа: Булгакова уже разрешили, а Платонова ещё нет. Сидят студиозусы Литинститута, гадают, что будет дальше. Все свято верят, что надо лишь чуток перетерпеть, а лет через десять настанет светлое будущее капитализма. И тут никому ещё не известный прозаик Витюша Пелевин мрачно изрекает: «Раздербанят страну. Перед этим попробуют на Югославии. Потом используют Украину в качестве тарана против России». Немая сцена. Мы, конечно, все уже прочли книгу Михаила Восленского «Номенклатура», вышедшую в тамиздате на русском языке, — кстати, не уверен, что её переиздавали с наступлением эпохи свободы слова: слишком уж страшный текст. Там, к примеру, рассказывается про лестничное право. Вот сидишь ты, допустим, князем в Переяславле. Когда умирает кто-то из членов княжеского рода, все передвигаются на ступеньку вверх. Соответственно, зачем заниматься стенами и соборами города, если через два-три года тебя отправят в Ярославль, а коли повезёт, то и в Тверь? (*Улыбается*.) Получается, город просто отдавался князю на кормление: в случае войны выставляешь свою дружину, а благоустраивать не надо. Примерно такое ещё совсем недавно было и у нас: проворовался директор овощебазы — понизят до директора консерватории...

Другой пример прямого пророчества — стихотворение друга моего драгоценного, Володи Уфлянда, написанное в 1958 году:

Меняется страна Америка,
придут в ней скоро Негры к власти.
Свободу, что стоит у берега,
под негритянку перекрасят.

Начнут посмеиваться Бедные
Над всячими Миллионерами.

А некоторые
будут
Белые
пытаться притвориться Неграми.

И уважаться будут Негры.

А Самый Чёрный будет славиться.

И каждый Белый
будет первым
при встрече с Негром
Негру кланяться.

Мы всегда знали, что нельзя верить советской прессе. Сегодня стало понятно, что надо верифицировать любую инфу со всех сторон. Для нашего поколения это не очень трудно.

Ю.Т.: Какое событие в своей жизни считаешь особо значимым? Или таких было несколько?

В.К.: Встреча с женщиной, которую полюбил со 2 сентября 1979 года, когда стал студентом первой альма-матер. И которая помогла мне стать лучше — сильнее и умнее, во всяком случае. Мы до сих пор дружим.

Смерть отца. Потому что в тот момент, когда уходит отец, мальчик становится мужчиной. То есть начинает ощущать ответственность. А пока батя жив, ты всё равно ребенок.

Очень рад тому, что меня позвали преподавать в Литинститут. Культура всегда передается из рук в руки. Я в свое время не понимал, какие подарки мне подбрасывает судьба. Вот, выпивая, слоняемся по Москве с Сапгиром. Тот вдруг говорит: «Сейчас в хороший дом тебя заведу». И мы оказываемся у Венедикта Васильевича Ерофеева (улыбается). А в Лите у нас о ту пору вели факультативные занятия С.С.Аверинцев, отец Александр Мень, В.Н.Топоров... Довелось зацепиться языками с паном Чеславом Милошем — после ухода Бродского он, уроженец Российской Империи, 1911 года рождения, тосковал по полноценному общению на русском языке. А еще была дружба с Лёвой Лосевым, с Володей Уфляндом, другими поэтами «филологической школы»... Целый набор великолепных подарков судьбы — а я смолоду принимал всё это как должное. Но впитывал как губка. И вдруг понимаешь: старшие уходят один за другим, теперь ты на передовой. Для меня таким переломным моментом стала смерть Битова. Мы очень дружили.

Пытаюсь передать своим студентам свой взгляд на культуру. Дихотомию между культурой и цивилизацией, восходящую к Шпенглеру, люди стыдливо пытаются замести под половицкой. Прогресс уверен, что всё новое однозначно лучше того, что было. Сегодня всё ведет к упрощению картины мира. Потому что целью прогресса является стремление человека к комфорту. А цель культуры в уточнении картины мира — т.е. в неизбежном усложнении. Достаточно дискомфортном. Тут я согласен с принципом *objective correlative* Т.С.Элиота: «существующие памятники искусства находятся по отношению друг к другу в некоем идеальном порядке, который видоизменяется с появлением нового <...> произведения». Простой пример. После Франциска Ассизского появляется францисканец Сервантес и пишет своего «Дон-Кихота», а потом Достоевский, создающий «Идиота»...

Мысль не моя — Лёши Пурина: многие ли из настольных книг Пушкина прочитаны нами? Того же Ричардсона даже пушкиноведы не читают — за ненадобностью. Данте — на мой взгляд, идеальный главный поэт человечества. Но кто сегодня понимает, что *La Commedia* была для его современников как для нас «Архипелаг ГУЛАГ»? В тексте присутствовали конкретные политические разборки между предшествующими поколениями. Время сняло все культурные коды, аллюзии, политическая злоба дня выветрилась — а великий текст остался.

Ю.Т.: Про твоё преподавание в Литинституте такой вопрос. Чем конкретно может быть полезен и интересен человек 60-и лет двадцатилетним людям?

В.К.: Честностью. Разговором на равных. Нельзя говорить с молодыми, как с детками. Я своим студентам пытаюсь объяснить, что картина мира гораздо сложнее тезиса: «Кто не с нами, тот против нас...» При этом никого под себя не подстраиваю.

Один из главных уроков моей жизни — опыт общения с Григорием Соломоновичем Померанцем. Он писал: «Зло начинается с пеня на губах ангела, вступившего в бой за святое праведное дело <...> С тех пор, как я это понял, считаю, что стиль полемики важнее предмета полемики». Пытаюсь учить студентов этому. Плюс ещё двум вещам: верифицировать любую информацию и думать своими мозгами.

У меня есть любимое творческое задание. Часто предлагаю студентам попробовать себя в жанре пародии. Но не в смысле Александра Иванова, цепляющегося к отдельным ляпам — а в духе Юрия Давидовича Левитанского, создавшего великую книгу «Сюжет с вариациями», точно уловив стиль его друзей-стихотворцев. Перевести Шекспира для поэта — всё одно что для актёра сыграть Гамлета. И студенты с удовольствием пародировали как великих, так и коллег по семинару. Не всё получалось — но по-любому благой опыт.

Это сродни актёрскому погружению в образ. Некогда Мандельштам утверждал, что нет более полярных профессий, чем поэт и актёр. Но пародист (как и переводчик) в своей работе преображается по-актёрски.

Я в 90-е вел вечера поэзии в Политехническом. Пришло в голову устроить вечер мастеров Гильдии перевода. Выступали Анатолий Гелескул, Андрей Сергеев, Евгений Витковский, Владимир Микушевич, Евгений Солонович, Павел Грушко, прочие великие. Вели мы с Виктором Голышевым... И я сделал для себя фантастическое открытие. Учитывая весь срач тогдашний в поэтическом пространстве, разбившемся на множество мелких лягушатников, это были люди, которые, перефразируя Станиславского, любили поэзию в себе больше, чем себя в поэзии. У них сохранилось то, что я очень высоко ценю, — цеховое сознание. Слава богу, живы еще Грушко, Голышев, Солонович, Микушевич.

Мой мастер Александр Алексеевич Михайлов мог, к примеру, сказать: так, ребята, через полчаса все сдаём сонет про рояль. У некоторых получалось. Нынешние студенты на подобный экстрим уже не способны, к глубокому прискорбию. Даю им домашние задания: к примеру, написать эссе «Самый дурной поступок в моей жизни», «Мой опыт одиночества». Обсуждали фильмы — «Вальсирующие», «Хвост виляет собакой», «Доктор Стрейнджаунд»... Даже проанализировал по их просьбе поэтику альбома «Горгород» Оксимирона — ткнув деток носом в каждый украденный у Маяковского приёмчик (*смеётся*).

На Аксёнов-фесте в Казани я вёл мастер-классы. Пожаловались, что за полчаса написать что-то путное невозможно. Говорю: «Давайте тему, засекайте время!» Породил вирш за 15 минут, у ребят на глазах — этот текст, «Казанский экспромт», вошёл в книжку «Стойкость и Свет». Не настаиваю, что так надо писать всегда, — исключительно для тренировки версификационных мускулов. Как ежедневная игра для Рахманинова.

У современной молодёжи нет в голове хронологической шкалы. На собеседовании в Литинституте одна девочка, помнится, ошарашила приёмную комиссию, сообщив, что Ленин умер «где-то в 1980-х», а Сталин — «где-то в 70-х». У студентов иная информационная прошивка, им уже не надо держать в голове исторический контекст — любую дату можно узнать, нажав пару клавиш компьютера. У них дискретность мышления. Но это общая болезнь для всего человечества. Как вылечиться? Для начала нужны нормальные учебники истории — об этом давно кричат на разных углах многие преподаватели, и я в том числе.

Ю.Т.: Получается, Литинститут — в том числе и для того, чтобы не прерывалась связь времён, так?

В.К.: Ровно как и любой другой вуз — будь то Физтех или МГУ. Культура в 90-е выжила благодаря незаметным подвигам педагогов, библиотекарей, музейщиков... Подвижники, на которых всё держится, есть в каждом регионе — я их видел своими глазами, объездив всю страну с переводческой программой Антологий литературы народов России.

Ю.Т.: Прозвучало слово «подарки». Припоминаешь из множества презентов ко дню рождения самый неожиданный — или, наоборот, долгожданный?

В.К.: Очень неожиданным оказалось присуждение мне Пушкинской премии (спасибо Андрею Битову). Правда, это было не на день рождения... Дивный подарок — выход книги «Стойкость и Свет» (спасибо Максу Амелину и Михаилу Сеславинскому).

Ю.Т.: Книга великолепная. Очень жаль, что её прокатили на Волошинском конкурсе. В связи с этим. В чём большая несправедливость — когда заслуживаешь, но не получаешь, или когда не заслуживаешь, а получаешь?

В.К.: Второй случай неприятнее — он действует на тебя разворачивающе. Многие талантливые люди на этом обожглись — имён, прости, называть не буду. А то, что заслуживаешь и не получаешь, — давно стало правилом игры. И воспринимается уже в порядке вещей. Сколько достойнейших людей не получили Нобелевки: Ахматова, Набоков, Айги, Борхес, Умберто Эко... Премии — это вообще не про справедливость — про благосклонность Фортуны.

Ю.Т.: Шутливый вопрос. Представим, что в одном самолёте летят сплошь литераторы — поэт, прозаик, драматург, переводчик, критик, эссеист. Кому бы отдал единственный парашют?

В.К.: (Вдохнув.) Тому, кто моложе. Чтобы ещё пожил... Ну, или женщине — если она есть среди них.

Ю.Т.: Тогда вопрос на тему молодости. Вообрази: выходишь ты из дома — и вдруг встречаешь себя молодого, лет двадцати от роду. Что сказал бы юноше? Может быть, от чего-то отговорил, о чём-то предупредил?

В.К.: Если честно, в жизни было много страшного и очень болезненного... Что-то где-то хотелось бы и сгладить. Но ведь история не знает сослагательного наклонения... Поэтому последнюю на данный момент книгу свою я поименовал «Благодарность». Отсылка к Бродскому очевидна: «Но, пока мне рот не забили глиной, / из него раздаваться будет лишь благодарность». Я действительно благодарен всем, без кого я был бы — не я. Это не только друзья, не только возлюбленные — но и враги.

А сказал бы себе молодому то же самое, что талдычу своим студентам: «Учись верифицировать инфу, учись думать своей головой».

Ю.Т.: Раз уж прозвучали строчки из очень известного стихотворения Бродского, задам такой вопрос. Одно из заблуждений молодости — жизнь кажется длинной. А какое главное заблуждение зрелости?

В.К.: Начнем с того, что Бродский написал это стихотворение к своему сорокалетию. И он тогда уже ходил под дамокловым мечом, будучи сердечником. Хотя мы в ранней юности считали, что жизни после тридцати как бы и нет, вовсю рулили «секс, наркотики, рок-н-ролл». А потом оказалось, что жизнь продолжается — и замечательная, надо сказать, жизнь.

В зрелости у тебя меньше иллюзий. И больше недоверчивости. Перепроверяешь любые сведения — просто вырабатывается такой навык.

Меня периодически спрашивают ребята на мастер-классах, какую литературную стратегию выбрать, чтобы достичь успеха Бродского, или хотя бы Евтушенко (улыбается). Но ведь судьбу никто специально заранее не просчитывает...

У нас огромное количество первоклассных поэтов, которых мало кто знает: Казарин, Решетов, Анищенко. Рассказываю студентам о них, о забытом ныне Сельвинском, о прочих недостаточно известных блистательных стихотворцах. Вот Бродский некогда открыл нашему поколению Кавафиса, Милоша, много кого ещё... Это нормальная просветительская миссия. В конечном счёте, поэт — не только писатель стихов, но и своеобразная «капсула культуры». Стараюсь выполнять эту работу неустанно и честно.

Ю.Т.: Пожалуй, всем известна фамилия Кублановского. Вы родились в один день, 30 апреля. Только Юрий Михайлович на пятнадцать лет тебя старше. А много ли у вас общего?

В.К.: Мы дружны. Было время, меня в 90-х перестали печатать. Совсем. И вдруг Кублановский, возглавлявший тогда отдел поэзии в «Новом мире», предложил принести подборку в журнал. Она вышла — и с какой-то невероятной скоростью. Безмерно благодарен за это Юрию Михайловичу. Уже после книги «Палимпсест» появилась...

Юра мне кажется человеком огромного дарования, искренним, цельным. Стараюсь стать таким же. Получается ли — не мне судить. Я его нежно люблю.

Что касается ещё какой-то нумерологической схожести... Это Битов страшно любил все эти астрологические игрища. У него в 90-х даже была самодельная книжка — «Астрология русской литературы». Мы с Юрием Михайловичем оба традиционалисты — но, полагаю, и адептов авангарда среди Тельцов найти можно.

Ю.Т.: Больше читаешь — лучше пишешь. Почему это не всегда работает?

В.К.: Дело не в количестве прочитанного. А в том, насколько ты это через себя пропускаешь, в процессе прочтения. Сейчас я довольно трудно знакомлюсь с новинками литературы — читаю в основном опубликованное друзьями. Ну или если кто-то из людей, чьё мнение для меня значимо, с пеной на губах прочесть советует. Раньше было иначе: без всякого интернета люди как-то узнавали о существовании друг друга. Помню, как в конце 80-х Пригов и Друк, съездив в Новосибирск, открыли для всего нашего круга стихи Юли Пивоваровой... Очень много приходится читать по работе, на худлит остается не так много времени и сил. А ведь присылают огромное количество подборок: «Я, такая-то, знакомая такого-то, пишу стихи уже целых полтора года... Мне очень важно знать Ваше мнение...» (*Улыбается*.)

Из любопытства периодически раскрываю что-то, о чём все говорят. Уже через пару страниц становится ясно: твоё это или нет. Зачем же тратить время впустую? Коли, впав в уныние, приспичит прочесть нечто духоподъёмное — снимаю с полки античных авторов.

Ю.Т.: Получается, чтобы быть внимательно прочитанным Виктором Куллэ, проще всего поступить в Литинститут, к нему на семинар?

В.К.: Или пройти отбор в студию издательства «СТИХИ» (*смеётся*). Среди наставников — Ирина Евса, Юрий Казарин, Алексей Алёхин, Дмитрий Тонконогов, Алексей Пурин... Ребята на этих семинарах подобрались постарше студентов Лита — с ними гораздо интереснее.

На ВЛК тоже народ повзрослеет и посамостоятельнее. Сейчас в моём семинаре защищает диплом замечательная студентка из Костромы, совершенно сложившийся поэт — Лена Орлова.

Ю.Т.: Смотрю на твою любимую разноцветную праздничную толстовку, в которой ты снялся для фотопроекта «Поэту по портрету» — и задам такой вопрос: какой ты цвет в радуге?

В.К.: Густой, тёмно-лиловый. Может, тёмно-зеленый. А что касаемо моей амуниции... Это мемориальная вещь. В 90-х в ней ходила моя жена Ольга, после её смерти эту толстовку стал носить я.

Ю.Т.: Знакомо ли такое ощущение, когда «тебя не надо — а ты есть»?

В.К.: Так это нормальное состояние для любого, кто пишет стихи. «Голый человек на голой земле» никому на фиг не нужен (*улыбается*). Внезапно ощутить себя лишним можно и в любви. Были чувства — и вдруг как отрезало.

Заниматься литературой без определенных навыков стоицизма — невозможно. Ты просто знаешь, что без писательства не в состоянии обойтись, — и живёшь с этим. Сейчас ощущаю себя счастливым человеком — потому что получаю зарплату за то, что занимаюсь любимым делом. Но до этого черт знает сколько всего трудного и опасного происходило.

Ю.Т.: В какие моменты чувствуешь себя мизантропом?

В.К.: А я себя таковым не ощущаю. Знаю, есть на свете дурные люди: жадные, подлые, ничтожные. Но когда общался с 90-летним паном Чеславом Мишлем — ощущал, что разговариваю со сгущённым светом. Как можно, имея за плечами подобный опыт, стать мизантропом? Мишль, кстати, изрёк как-то по ходу общения: «Главное, чем могу гордиться, — я избежал всех поветрий литературной моды...» Для меня это стало одним из основополагающих правил в жизни.

Да, какие-то вещи раздражают — ложь, к примеру, глупость. Самое невыносимое — дурак с апломбом (улыбается).

Ю.Т.: До чего хочется дожить?

В.К.: (*После паузы.*) До появления студентов, говорящих с тобой приблизительно на одном языке — пусть и не ведающих многое из того, что тебе известно. А то ведь общаешься со вчерашними школьниками практически как с инопланетянами...

Ю.Т.: Торчащий гвоздь бьют по шляпке — как тебе кажется, эта японская пословица про поэтов?

В.К.: Она про любого, кто вызывает дискомфорт. Им может быть и трамвайный хам, и телеведущий, пытающийся изменить твою картину мира. Ставить поэта рядом с ними — не совсем правильно. Да, поэт — носитель уникального жизненного опыта, до кучи — умеющий его обобщить. Но трикстер не всегда означает талант. Он может быть талантливым человеком. А может и не быть.

Ю.Т.: Рискну выразить человеческую суть в двух словах: глаголах «удивлять» и «удивляться». Вспомни, чему ты изумлялся в повседневной жизни?

В.К.: (*После паузы.*) Изумляюсь всякий раз трём вещам: доброте, уму и красоте. Иногда всё это встречается в одном флаконе (улыбается). Но если человек, к примеру, очень добр или очень умен — всё остальное неважно.

Ю.Т.: Кажется, я знаю, кого ты в первую очередь имеешь в виду... Но не знаю, для чего тебе понадобился бы восьмой день недели. Спрашиваю.

В.К.: Постой, нужно называть ещё одну изумительную вещь — верность самому себе. А дополнительное время мне без надобности. Любой календарь — просто сетка, наложенная на неотвратимый ход времени. Как меридианы, наложенные на пространство. Зачем мне лишние меридианы? (Улыбается.)

Ю.Т.: В завершение разговора ещё один шутливый вопрос. Если алкоголь и поэт близнецы-братья, то кто отец?

В.К.: Поэт и алкоголь не всегда родственники! Знаю замечательных поэтов, которые могут писать стихи в нетрезвом виде. Я так не умею. И потом, что за постановка вопроса? Поверь мне, бездарных среди пьющих гораздо больше, чем одарённых. А отец у всех один — Отец Небесный.

Ю.Т.: Главный поэт XXI века — Кабанов или Пушкин?

В.К.: Я с нежностью отношусь к Саше Кабанову — это замечательный поэт, едва ли не единственный достойный продолжатель Льва Лоссева, но поименовать его главным поэтом современности не рискну... Не вполне уверен и в том, что главный поэт на все времена Пушкин — при всей моей любви к Александру Сергеевичу. Поэтому назову имя: Данте.

У того же Бродского есть замечательная фраза: «Мышление литератора иерархично — но самое интересное наступает там, где иерархия уже не имеет значения». Строго говоря, разбираться, кто круче: Мандельштам или Пастернак, Ахматова или Заболоцкий — глупо, ну согласись?

Ю.Т.: Дорогой Виктор Альфредович, не стану спорить. Лучше скажи — все ли мечты сбылись?

В.К.: На разных этапах жизни был разный набор мечт... Сегодня у меня есть друзья, которых я люблю, коллеги, которых ценю и уважаю. К сожалению, потеря родителей невосполнима. Сожалею о том, что не сложилась жизнь с женщиной, которую люблю уже свыше сорока лет. Бродский писал стихи М.Б. четверть века. Мой отсчёт стихов к любимой начался в 1979-м. Сильно подольше будет, да? (Улыбается.) Не могу назвать себя абсолютно счастливым человеком. Скажу так: стремлюсь пребывать в гармонии с мирозданием. Счастье трудноуловимо, его всегда замечаешь постфактум. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно» — тут, конечно же, Гёте слукавил... Вот ты живешь, что-то вокруг происходит, и вдруг счастье нахлынуло на тебя — но ты не понимаешь, что это счастье...

Александр Чанцев

Дети собрались у Божьего престола

Этот выпуск рубрики продолжает своеобразный цикл, начатый в предыдущих выпусках с материала о русском космизме и философии («Иные маршруты звездолета Земля», № 6, 2022) и продолженный материалом про новые языки современного богословия («Божественная эволюция», № 9, 2022)¹. И там, и там темой в пределе было обсуждение возможности возвышения человека, преодоления им в духовном плане — да даже и физическом, если брать биокосмистов — имеющихся сейчас установок, своей природы. Эта статья касается не только практических механизмов обсуждавшихся потенций, но и тех терминологических принципов, которые используются для обсуждения этих отнюдь, конечно, не самых простых и транспарентных феноменов. Даже если это языки тишины или музыки. Древние буддисты, индуисты и суфии знали в этом толк.

Непревзойдённая защита от подневольности

САНЬЮТТА-НИКАЯ. Связанные наставления Будды. Часть II: Книга причинности/ Пер. с англ. SV. — М.: Ганга, 2022. 416 с.

Распространено мнение, что в среде восточных религий нет той богословской философии, к которой мы привыкли на Западе, с многотомными экзегезами, вселенскими соборами, спорами, расколами и так далее. Любопытно, что даже Гейдар Джемаль, репрезентирующий собственной фигурой и деятельностью возрождение ислама на постсоветском пространстве и новое богословие, утверждает: «В нашем мире, где существует филиация традиционного мышления (начиная с древности и в более поздние времена), мы не видим нигде феномена философии, кроме как на Западе. А именно — в Греции, откуда потом это явление перешло на все западное пространство. Конечно, есть такие понятия, как “индийская философия”, “китайская философия”. Но по большому счету это очень серьезная натяжка, поскольку на самом деле там мы имеем либо артикуляции того, что является метафизикой, либо очень беспомощное и спорное подражание в Новое и Новейшее времена западному дискурсу. Как оригинального явления философии за пределами Запада на самом деле не существует»². Это представление, конечно, не соответствует действительности. Взять хотя бы буддийские школы Японии, надстроенные на пришедших из Китая учениях (заодно стоит вспомнить и о том, как интересно менялся буддизм на своем пути Индия — Китай — Корея — Япония). Причин тут, грубо говоря, две. Во-первых, и сами религии существуют на Востоке в несколько ином, непривычном нам качестве — тот же даосизм, скажем, гораздо ближе к моральной практике, а синтоизм к анимизму

и язычеству, чем традиционные авраамические религии Запада со всей их атрибутикой вроде монотеистического Бога, трансцендентных и жестко определенных механизмов взаимоотношения с ним. Во-вторых, очень условно говоря, если исламская доктрина в силу geopolитических-географических и прочих причин³ все же стала актуальна для Запада, то та же буддийская — банально слишком далека, сложна, не переведена... Издательство «Ганга», кстати, активно взялось за последнее упощение — оно еще будет фигурировать в этой рубрике, но поклон мы адресуем ему сразу.

Представленная книга — часть Трипитаки, так называемого палийского канона, вероучительной основы раннего буддизма (а также разнообразнейших сведений об Индии начала нашей эры). Это и есть то буддийское богословие, которое не всегда видят и готовы признать Запад, — Трипитака и вокруг, над ней (и это лишь одна из частей буддийского космоса). Книги этого канона отличаются, разумеется, крайне разнообразными регистрами — от жесткой догматики до поэтической по стилю своему литературы. «Связанные наставления Будды» содержат намеки на оба этих полюса. Разговор же о всей Трипитаке потребовал бы сходного с ней объема.

Если уж мы заговорили о стиле, то с него и начнем. В трактате⁴ есть весьма ощущимый элемент догматизма, когда одна и та же мысль повторяется на протяжении нескольких страниц, с минимальным различием (и это даже может смотреться забавно, когда ученики подходят один за одним к учителю, обращаются к «уважаемому» и получают, как хлеб и вино во время евхаристии, тот же ответ — долгих диалогов-диспутов, как у греков, тут нет, то есть они другие, как и вообще — это самое интересное и нужно держать в голове, а читать, как раз чтобы познакомиться, — здесь иная совсем логика, мышление даже). Или же мы сталкиваемся с такой образностью, о которой и Лотреамону бы только мечтать: «Чего больше — потока слез, что вы пролили, пока блуждали и скитались в течение этого длительного течения [круговорота перерождений], стеная и рыдая от соединения с тем, что неприятно, от разлуки с тем, что приятно, — этого или же воды в четырех великих океанах?» / «своей рукой я касаюсь и ударяю даже солнце и луну...» / «я увидел обезглавленный торс, движущийся в воздухе. Его глаза и рот были на его груди. Грифы, вороны, ястребы преследовали его, пронзали его и разрывали его на части⁵, в то время как он кричал от боли...» / «монахи, святая жизнь — это напиток со сливками».

Что же касается главного посыла, то да, все больше похоже на практическое руководство, нежели на богословский трактат. Он — как сказано в анонимном (как и перевод, скрытый за инициалами) предисловии — «показывает, что принцип обусловленности, лежащий в основе движения сансары, также является фундаментом пути к освобождению», а «чтобы его обрести, нужно распутать причинный шаблон, лежащий в основе нашей подневольности. Этот процесс начинается с понимания самого причинного шаблона, который и описывается зависимым возникновением». Это, по сути, довольно просто — и логично: «С прекращением контакта [происходит] прекращение чувства. С прекращением чувства [происходит] прекращение жажды. С прекращением жажды [происходит] прекращение цепляния. С прекращением цепляния [происходит] прекращение существования. С прекращением существования [происходит] прекращение рождения. С прекращением рождения — старение-и-смерть, печаль, стенание, боль, грусть и отчаяние прекращаются. Такое прекращение всей этой груды страданий».

Главный чуждый нам посыл — что отказаться нужно и от плохого, и от хорошего, отвергнуть принцип прижизненного и посмертного вознаграждения, ибо и жизнь, и после нее должны исчезнуть. Интересны западному сознанию на этом пути могут быть нюансы (красноречиво намекающие на то, что буддийское учение весьма нюансировано и фундировано). Вот пример. «Когда есть речь, из-за словесного намерения внутренне возникают удовольствие и боль» — тут интересно бы сравнить не только с общим представлением об искусстве речей и исихастскими практиками молчания, но и привлечь

современную философию с ее обсуждением доречевой, дословесной природы языка. И, конечно, это является целью — в том или ином терминологическом обличии — практически всех религиозных практик⁶. Или же к западному вопросу о дихотомии души и тела. Тут: 1) приоритет, возможно, отдается даже телу как более стабильному, «потому что видно, как это тело, состоящее из четырех великих элементов, держится год, два, три, четыре, пять, десять, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, сто лет или даже больше. Но то, что называется “умом”, “рассудком”, “сознанием” (отметим тут и кавычки. — А.Ч.), — днем и ночью возникает как одно, а прекращается как иное»⁷; 2) отринуты должны быть не только и душа, и тело, но и тени самых размышлений об их антагонизме — «“Формирователи — это одно, а тот, для кого есть эти формирователи, — иное”, или “Душа и тело — это одно и то же”, или “Душа есть одно, а тело есть иное”⁸, — все это отбрасывается, обрубается под корень, делается подобным обрубку пальмы, уничтожается так, что более не может возникнуть в будущем»⁹.

Что же делать? Как и было сказано, избавляться, отвергать все, все в топку. «Монахи, ужасны обретения, почет и похвала — горькие, мерзкие, препятствующие достижению непревзойденной защиты от подневольности». Рецепт предельно прост, лишь требует полной перепрошивки, стирания до « заводских настроек», если не глубже, и дальнейшего переформатирования сознания.

Точное место рождения царских победителей

Ананда Кентиши КУМАРАСВАМИ. Время и вечность / Пер. с англ. и предисл. А.Артамонова. — СПб.: Русский мир, 2017. 318 с.

Когда в «Связанных наставлениях Будды» учителя спросили, можно ли хотя бы примерно исчислить цикл существования мира, последний привел пример: «Представь, монах, огромную скалу йоджану длиной, йоджану шириной и йоджану высотой, без полостей и трещин, единый, цельный кусок скалы. И в конце каждого столетия человек один раз проводил бы по ней куском касийской ткани. Эта великая скала за счет этих усилий стерлась бы и исчезла, но цикл [существования мира] так бы и не окончился. Вот настолько цикл [существования мира] длинный, монах». Ананда Кумараасвами так же размышляет над проблемой времени — хотя и в более абстрактном и сложном ключе — самое простое, пожалуй, из приводимых определений времени есть уподобление оного бесконечному количеству песчинок-«ныне»: «...ни одно из этих “ныне” не обладает какой-либо длительностью, и потому как величины все они равны нулям, “сумма” которых немыслима. Здесь дело в относительности: это как раз мы движаемся, а вот “Ныне” остается неподвижным и лишь кажется движущимся — как и Солнце лишь кажется восходящим и садящимся из-за вращения Земли».

Я специально взял эту не новую книгу (разумеется, не избалованную и критическим/академическим вниманием, надо ли говорить), чтобы показать наличие и современных религиозных истолкований на Востоке — и еще каких. Вся эта книга — одна сплошная экзегеза. К тому же в дважды интересном ракурсе. Во-первых, Кумараасвами (1877—1947) совершенно не чувствует пут какой-либо определенной религии, обращается в этой, последней в своей жизни¹⁰, книге, как, впрочем, и в других, ко всем доминантным мировым религиям. И к направлениям философской мысли — он много апеллирует к древним грекам, посвящает их мысли целый раздел. Да и легко обращается он как к джайнам, так и к практикам сибирских шаманов¹¹. Во-вторых, Кумараасвами — не просто религиовед и даже не «эзотерик, метафизик, специалист по индийской философии и искусству» (впрочем, последнее верно, этим, в конце концов, он и зарабатывал себе на жизнь в Америке), а традиционалист, наряду

с Рене Геноном, Юлиусом Эволой и Фритьофом Шуоном значится в отцах-основателях этой мысли. И тут, кстати, любопытно, ибо традиционализм традиционно (прошу прощения за тавтологию) ассоциируется с Геноном, а если упоминаются другие имена, то чаще все перечисленные, кроме Ананды Кумарасвами. Дело ли в сложности его письма (те писали ненамного проще), закрытости глубоко восточного материала или же некоторого западного игнорирования восточных мыслителей, против которого, кстати, весьма сильно возражал генонизм?

С Геноном у Кумарасвами отдельная история. Тот узнавал из работ Кумарасвами «инсайд» про индийскую философию, цитировал его — цитация, как увидим в этой книге, взаимная. Вообще же тихий кабинетный учёный Кумарасвами — выходец из богатой семьи вестернизированных индийцев, впрочем, он в молодости много путешествовал и пробовал себя в разных науках и искусствах, пока не осел в Бостоне хранителем отделения индийских искусств в Музее изобразительных искусств — так или иначе соотносился с самыми яркими и взрывоопасными умами прошлого столетия¹². Дружил, делил жену, а потом поссорился с Кроули. Мог, как утверждает в своем прочувствованном предисловии переводчик А.Артамонов, в Новой Англии пересекаться с Лавкрафтом и стать прототипом для героев его книг. А еще имел много схожих мысленных интенций с Хайдеггером — речь не только о формальной синонимичности названия «Бытие и время» и «Время и вечность» (индийцы мыслят вечностями) и уже упомянутого «ныне» с Dasien, но и в некоторых частностях и общностях, за которыми опять же к предисловию.

Из уже сказанного ясно, что Кумарасвами объединял мысль Востока и Запада до того, как мода Восток, индийскую философию, японское искусство и прочую йогу New Age'a могла привидеться тому же Лавкрафту в самых фантастических снах (раньше него действовала только мадам Блаватская). Это видно уже даже в выборе эпиграфов к этой работе — из Аристотеля, Боззии, Экхарта, Бёме, Августина и Упанишад. Или в том, как он трактует ту же тему тишины, молчания, возникшую в связи с предыдущей книгой: он, как скатерть-самобранку, раскатывает целую линию цитат, пронизывающих эпохи и культуры: от молчание — «это срединный путь» Будды и «оный Браhma есть молчание» Шанкары до «лишь молчанием можно его изъявить» Трисмегиста и «О Боге нельзя сказать ничего истинного» (цитата Мейстера Экхарта из св. Августина).

И сейчас следует сказать о самой манере письма Кумарасвами. Он — как Дмитрий Галковский, строящий махину своего «Бесконечного тупика» на огромной системе сносок к микроскопическому на их фоне тексту. Так выглядит и работа Кумарасвами — несколько строчек самого текста и огромные, полными страницами, комментарии. И опять же возвращаясь к тому, что для Запада канон и его толкования подчас находятся в тени самих восточных религий и их самых общих посылов. У Ананды Кумарасвами мы встречаем экзегезу экзегезы, тройные системы истолкований даже: «Макдональд <...> цитирует Ибн Хазма (ум. в 1064 — за полтора века до Маймонида), отвергавшего учение ашаритов, в том числе и учение об “отдельных атомах” (al-jauhar al-fard); он замечает, что jauhar Ибн Хазма — это “субстанция” Аристотеля, что, впрочем, и действительно кажется верным. У Ибн Хазма “Аллах бесконечно наделяет существованием каждую сущность в той мере, в которой таковая является сущностью, в каждый момент (waqt) времени”. Макдональд далее подчеркивает, что аль-Газали¹³, чье влияние “достигло триумфа”, “вероятно, полностью отверг атомистскую модель и присоединился к аристотелевско-платоновскому крылу”». При этом, замечает он, греческое влияние на становление исламской религиозной мысли, возможно, преувеличено, тогда как «индийский след» недооценен и недоисследован.

Частые и в других местах обращения к исламу — особенно мистическому, суфийскому — не должны удивлять, ведь данная работа представляет воззрения

на время и вечность в индуизме, буддизме, греческой мысли, исламе и в «Христианстве и современности». Кумарасвами не только везде очень интересно, но и, проговаривается он походя, (как) о само собой разумеющемся, «истина и в брахманизме, и в буддизме, и в исламе, и в христианстве — это, как и Вечность, одно из имен Бога, и лишь в силу нашей забывчивости мы вынуждены молиться: “о, Неизменный, пребудь со мной”, как суфий может стремиться обрести свой *waqt*, *hal*. Если вечная основа существования — *dhamma* — является здесь и сейчас (*ditthe dhamme*), так и вне времени (*akaliko*), то, возможно, лучше попробовать, каково это — быть здесь и сейчас, чем так бояться этого состояния. Если мы не причастны вечности ныне, вероятно, мы не будем причастны ей никогда».

На этом этапе мы, возможно, могли и подзабыть, что Кумарасвами традиционалист, и это отнюдь не случайно. Никакой проповеди возвращения к древней примордиальной традиции, как у Генона, у него попросту нет, а критики современного мира и оправдания индийско-сакральной иерархии, как у Эволы, нет и подавно. Он говорит — через другие культуры так же, как он утверждает собственную мысль через цитаты. Очень подспудно, тактично, тихо. И некий традиционалистский мотив возвышения мы найдем, например, лишь в цитате из йогической Калачакратантры: «Место рождения Царских Победителей¹⁴ — это один постоянный момент, когда “сердце” утверждено в Великом Дыхании, а обычное дыхание отброшено, когда физические чувства освобождены, а божественные — восстановлены, когда естественные планы оставлены, а планы божественные проявлены — когда я вижу Всё, Великий Царь, нет ничего такого, что бы я не видел всегда».

И это в корне своем верно. Ведь и традиционализм в пределе — это не новое учение, наоборот, он принципиально не претендует на новизну и эксклюзивность. А зовет обернуться на те идеиные массивы, что, иногда кажется, безвозвратно остались в прошлом, выброшенные с корабля современности.

Живая интерпретация

Али Сулейман АЛИ. Краткое введение в кораническую экзегезу / Пер. с англ. С.Казакова. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2022. 176 с.

О том, что совокупность богословских доктрин Востока не уступает западному канону и даже превосходит его, свидетельствует исламская традиция.

Так, для того чтобы трактовать Коран, нужно обязательно обладать изрядными знаниями в целом спектре наук: «...Все исламские науки, начиная с хадисов (заявлений и действий пророка Мухаммада, а также случаев молчаливого одобрения им чего-либо) и основ исламского права (*усул ал-фикх*) и заканчивая арабской грамматикой (*нахв*) и риторикой (*балага*), несут на себе отпечаток Корана. Сам тафсир — экзегеза — оказывается также явлением сложным и многосоставным. Как основа, то, что признано, регламентировано и считается сакрализованным, в него как минимум входит «тафсир сподвижников Пророка (сахабов; сахаба) и тафсир табиунов (таби'ун), включая статус, характеристики и методологию их тафсира». Сама же традиция толкования аятов Корана¹⁵ началась буквально с самого начала: «Пророк Мухаммад был первым толкователем Корана (муфассиром). Однако он не объяснял его весь слово за словом, поскольку многие аযаты были ясны его современникам в силу того, что они были арабами, которые понимали свой собственный язык. Как правило, объяснения Мухаммадом Корана относились к одному из трех случаев: когда конкретный отрывок не мог быть понят через обычное понимание арабского языка; когда, по мнению мусульманских ученых, аят не был предназначен Богом для буквального понимания; когда сподвижник просил разъяснить некоторые аяты».

И трактовки оказываются подчас действительно неожиданными даже для отнюдь не сторонних реципиентов: Убада ибн¹⁶ ас-Самит спросил о значении слова «радостная весть» (бушра), предполагая, что она отсылает к грядущей жизни, тогда как оказалось, что имелся в виду «приятный сон». А «какого сына Господь повелел принести в жертву пророку Аврааму¹⁷? Исаила или Исхака? И наконец, пример чудесного ночного путешествия и вознесения пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует!) — путешествовали ли тело и душа Пророка или то была только его душа?»

Когда не осталось в живых ни свидетелей откровения, ни свидетелей свидетелей, все, разумеется, стало лишь сложнее. Экзегетическая традиция стала живым, сложным, бурлящим даже механизмом. «Это привело к тому, что экзегеты восхваляли друг друга, критиковали друг друга и даже противостояли друг другу». Ибо даже понимание самого термина различается — есть тафсир («объяснение») и есть та'вил («интерпретация»), используются оба как синонимичные, но есть и версия, что «слово "тафсир" используется чаще из-за его интенсивной сигнификации», то есть некоторые коннатационные нюансы, можно предположить, все же наличествуют.

При этом нужно обязательно иметь в виду важный аспект — особенность даже не историографии, но рецепции времени, самой темпоральной экологии в исламе. «Еще более трудный для стороннего восприятия момент: в исламе нет прошлого. То, что происходило в первые годы исламской истории, — это перманентно актуальный архетип, сакральная модель, которая вновь и вновь осмысляется как суть реальности, — причем именно текущей ежедневности. Нет временного зазора, нет перевода пластов истории в разряд легенд, святочных историй, в неактуальную архаику. С 622 года по Р. Х. (первого года Хиджры) мировая исламская община живет в вечном настоящем, в современности, построенной раз — и до конца истории»¹⁸.

Книга Али Сулеймана Али, родившегося в Гане, закончившего Исламский университет Медины¹⁹ и ныне преподающего исламоведение, страноведение мусульманских стран, арабский язык и коранические науки в университетах Мичигана и Детройта, старается максимально доходчиво структурировать все эти непростые вещи. Потому что со временем экзегеза — как и все экзегезы, впрочем, — все равно имела тенденцию только усложняться, новые трактовки, как минимум, только наславались на старые. Так, после кончины пророка появились различные интерпретативные школы: макканская, иракская, мединская и школа аш-Шама. Во все это были вовлечены необычные люди — такие, как Убай ибн Каб ибн Кайс ал-Хазраджи ал-Ансари, еврейского происхождения, принявший ислам одним из первых жителей Медины, знал наизусть весь Коран, участвовал во всех завоеваниях пророка, который считал его лучшим чтецом Корана и советовал сподвижникам учить Коран у него. Основной наставник мединской школы, он же широко использовал не только лингвистику и грамматику, но и поэзию, встраивая ее в свои объяснения. И стоит ли говорить, что методы трактовок суфииев носят сугубо оригинальный характер — так, аят «Господи! Прости меня и моих родителей и тех, кто вошел в мой дом верующим, а также [всех] верующих мужчин и женщин. А беззаконникам не приумножай ничего, кроме погибели!» у Абу Bakra Muhibbi ad-dina Muhhamada ibn Aribi ibn Muhhamada, которого многие считают эталоном суфия и наиболее выдающимся исламским мистиком, получившего титулы Величайший шейх, Величайший учитель и Познавший Бога, имеет следующую трактовку: родители — это природа, дом — сердце, верующие мужчины — это разум, а верующие женщины — это душа. А суфийский богослов Ал-Газали считал, что Коран содержит скрытые значения, которые могут быть мисинтерпретированы, если полагаться исключительно на буквальные значения арабских слов.

И тут мы сталкиваемся с двумя классами истолкований коранического текста. Это ат-тафсир би ал-ма'суб (комментарии, основанные на предании) и ат-тафсир

би app'ай (комментарии, основанные на мнении). Конечно, со вторым типом ситуация складывалась сложнее, носившие индивидуалистический, вольный характер трактовки не приветствовались и легко могли получить осуждение.

Сложность трактовок, их уровни, трактовки в свою очередь интерпретаций могут напомнить яростные споры каббалистов. И это будет верно — тем более что и «еврейский след» в коранических экзегезах тоже имеется. «Использование источников людей Писания (подразумеваются и иудеи, и христиане. — А.Ч.) для объяснения некоторых исламских концепций в целом и тафсира в частности разрешено в исламе. Действительно, ссылка на еврейские и христианские источники может быть сделана на основе следующего хадиса: “Передавайте другим то, что вы знаете или слышите от меня, даже если это всего лишь одно слово, и нет ничего плохого в том, чтобы процитировать людей Писания”. Со стороны подобное легкое допущение кажется несколько неожиданным, правда?

«Иbn Таймий включил в первую категорию хариджитов, рафидитов, джахмитов, мутазилитов, кадаритов и мурджиитов. Во второй категории Иbn Таймий упомянул о толкованиях многих суфииев, проповедников и правоведов». Углубляясь во все это можно, очевидно, очень долго — хотя это уже скорее и за горизонтом книги, та носит хрестоматийный, ознакомительный характер, этакая инструкция в начале долгого лабиринтообразного пути.

Важно же отметить, что интерпретационный процесс не только не остановился, но и обращен он совсем не исключительно в прошлое. «...В исламе нет ничего, что противоречило бы модернизации, за исключением некоторых вопросов, связанных с ростовщичеством. Рашид Рида цитирует Абдо: “Я готов установить гармонию между истинным исламом и тем, что может понадобиться Османской империи, чтобы достичь уровня цивилизации, достигнутого Западом, через модернизационный процесс, за которым следует Запад. Я сделаю это непосредственно через преподавание Корана и следование за подлинной традицией Пророка, а не через определенную школу мысли в исламе”. Это действительно живой процесс. Как и сама религия. И это то, чему следовало бы поучиться на Западе: воспринимать собственную веру не как что-то старомодное, противоречащее прогрессивным установкам, но как то, с помощью чего можно если не достигнуть этого самого прогресса, но сделать его менее травматичным для его субъектов.

Дети, собравшиеся вокруг Бога

Джавад НУРБАХШ. Кашкуль света. Пояснения суфийских терминов / Пер. с англ. В.Дрозд, И.Дорошенко, Р.Сабирова и др. — М.: Ганга, 2022. 364 с.

Даже при не самом глубоком погружении в суфизм, начинает складываться впечатление, что этот мистический анклав в исламе — чуть не отдельная страна, живущая по собственным законам. Шейхи могли призвать пить вино, в экстатическом состоянии (маджзуб) суфий мог позволить себе богохульства, женщины могли быть членами общины или даже дервишами, суфии вообще вели себя как законченные кинники, не сказать хиппи или панки... Кстати, само слово «кашкуль» означает особый сосуд из большого кокосового ореха, в котором суфии брали с собой в дорогу воду, еду, помещали туда подаяние. Слово образовано путем соединения корней «перевозить» и «плечо», обозначает наплечную сумку. То есть практически сэдл, как носили хиппи, а потом (и сейчас) отдельные стилизующиеся под 60-е модники и модницы. Добавить к этому этимологию самого слова «суфий», не имеющего иных аналогов в арабском, кроме слова «шерсть», что отсылает к старой и весьма потрепанной накидке, рубищу из множества кусков ткани (почти пэчворк), в которых странствовали суфии. А еще то,

что в своих практиках они использовали медитацию, музыку, мелодекламацию, а кое-кто был склонен считать их тунеядцами... И имидж хиппи с их модой на пончо и прочий экзотический винтаж и соответствующий образ жизни так и встает перед глазами.

Составитель этого сборника Джавад Нурбахш, суфийский поэт, мыслитель, автор 30 книг, в том числе 16-томной «Энциклопедии суфийских символов», более чем знает толк в том, о чём пишет, — он шейх, глава суфийского братства-тариката Ниматуллахи. Иранец, он окончил медицинский факультет Тегеранского университета, учился в Сорbonne, но уже в двадцать лет стал шейхом. Живя в Англии, сделал многое для распространения суфизма в странах несвойственного ему климата. Методики же возглавлявшегося им братства Ниматуллахи основываются на вызвании и вспоминании Господа (зикр), размышлении (фекр), самоанализе (мохасеба), медитации (моракеба)²⁰ и литании (вирд). Члены его максимально толерантны к представителям других религий, а вот ношение тех самых шерстяных накидок осуждают. Впрочем, шейхи их ругают давно, от них практически и отказались — как развивать смиренение и следование пути, если своим видом ты как бы хочешь сигнализировать о собственной избранности и духовных потугах? (Редко, но суфии могут вещать и сурово: «Сегодня суфизм — это имя без реальности, тогда как раньше это была реальность без имени».)

Комментаторская манера Нурбахша несет отличительные черты таких суфийских качеств, как предельная скромность и самоумаление. Самого его в тексте почти и не видно — пара страничек предисловия и по маленьку абзацу предуведомления, небольшой трактовки перед каждой главой, презентирующих отдельное понятие, слово или явление в суфизме. Эти комментарии — оттеняют, тень — углубляет мысль или какой-то ее поворот. Дальше — набор цитат, притч, сцен из жизни великих шейхов. Они говорят о многом.

И, кстати, подобная манера встроена в саму традицию — практику! — суфийской эзекезы. Она больше поступок, чем текст, один жест, а не долгие толкования. «Я видел людей, которые занимают себя толкованием Корана. Благородные²¹ заняты толкованием себя» (Харакан). Или как отмечено в основополагающей работе по истории суфийских орденов и суфизма в целом Дж.С.Тримингэма: «Основоположников суфизма гораздо больше интересовала практическая деятельность, чем теософское теоретизирование. Они стремились в первую очередь к тому, чтобы наставлять, а не учить, направлять своего подопечного на путь размышлений, который должен был помочь ему самостоятельно постигать»²².

Собственно полнейшее самоумаление, самоотрицание, вообще отвержение в жизни всего, кроме Бога (и это не есть эскапизм, но тут случай, когда любовь к Богу позволяет раскрыться и благодати мира, и собственной душевной щедрости), и становится главной темой этой книги. Как подчеркивал сын Джавада Нурбахша Алиреза, «его комментарии объединяют одна тема: отказ от себя как способ достичь Бога». И это действительно так, без преувеличений. И даже не обязательно вспоминать мини-легенды и притчи из этой книги, манифестирующие тезис из главки «Этикет»: «этикет суфьев подразумевает проявление собственного небытия перед Абсолютным бытием», вроде того, что один человек приглашал и материально прогонял одного шейха тридцать раз (а что такого, сказал тот, даже собака уходит, когда ее гонят, и возвращается, когда ее зовут) или некий жених, когда его невеста вдруг ослепла от внезапной болезни, сам закрыл глаза и притворился, стал слепым на все годы их союза, пока та не умерла. Нет, это настоящий философский, религиозный, не только нравственный императив: «Приверженность — это освобождение от оков самости в результате пленения Божиим арканом» (Нурбахш), а «приверженность проявляет себя в крайнем уничижении, беспомощности, приниженнosti и смиренности» (Джунаайд). Не только все земное, но и небесное (и подземное) оказывается напрочь ненужным. Так, однажды шейх Шибли шел по улице с палкой, оба конца которой горели. Будучи спрошенным, он ответствовал о своих планах: «Одним концом я

подожгу рай, а другим ад, чтобы люди сосредоточивали свое внимание только на Боге». Можно сказать, что это общее не столько для всех религий, сколько — именно для их мистических направлений-ответвлений, тех учений, где традиционные мотивы усиливаются, максимализируются, электрифицируются даже. В предыдущем выпуске рубрики мы говорили о тех крайностях, куда дошла в своей проповеди тотального самоотрицания Симона Вейль. Впрочем, это не новость еще со времен Кьеркегора, обнаружившего, что «быть чужим, быть изгоем — это знак христианского смирения». У него же, пожалуй, сильнее всего из предшественников явлен мотив тотального самоотречения личности: «Бесконечное самоотречение — это последняя стадия, непосредственно предшествующая вере, так что ни один из тех, кто не осуществил этого движения, не имеет веры: ибо лишь в бесконечном самоотречении я становлюсь ясным для самого себя в моей вечной значимости, и лишь тогда может идти речь о том, чтобы постичь наличное существование силой веры»²³. Можно вспомнить и первоначальное название книги Л.Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» — «Быть никем».

Самоотрицание для суфииев носит абсолютный характер и — напоминает отчасти дзэнские практики. «Тот, кто чувствует себя обиженным или причиняет обиду, все еще является кем-то, тогда как суфий является никем — в том смысле, что его свойства и качества исчезли в Боге». Адепт долженстереть собственное «я» и раствориться в ином. «Страх охватывает это. Чем меньше это суфия, тем меньше он подвержен страху» / «Найти, не ища, и увидеть, не глядя, ибо при осознании наблюдения наблюдателя нет»²⁴ / «Наивысший уровень понимания — это отсутствие понимающего в памятовании поминания» — под этими и подобными сентенциями не только подписался бы любой дзэнец, но и сами методы обучения отстранения²⁵ тут действительно оказываются им очень близки. В частности, удаление наблюдающего элемента в собственном «я». Впрочем, это довольно непростой момент, и о полной тождественности говорить нельзя, так как для суфииев «слово “муракаба” (букв., “самонаблюдение”, но также и “созерцание”, “медитация”) постепенно приобретает новые значения, и в конце концов оно стало означать соучастие в существе того, что созерцается — бог, Мухаммад, наставник (живой или мертвый)»²⁶.

Есть тут и элементы, которые пришли будто прямиком из вероучения джайнов. Те ходили по индийским дорогам, подметая перед собой специальным веером, дабы не наступить на какое-нибудь насекомое, носили маски не из-за ковида, а дабы не вдохнуть, не проглотить ненароком какую-нибудь мошку. Так вот и один суфий в особо жаркий день в городе купил у водоноса воды — и долго, пока та почти вся не пролилась, держал ее перед своим ртом в ладонях. Свое поведение, вызвавшее удивление спутников, он прокомментировал: «Воду пьет муха, и я жду, пока она вволю напьется, поскольку друзья Бога не потребляют ничего, если для этого нужно побеспокоить других».

Книга вообще весьма разнообразна, рисует разные вещи. Устремления суфииев, их этикет и этика, принципы вероучения и еще многое другое: и медитация, и та самая заплатанная накидка муракка, и момент, и нищета, и самость, и литания вслух, и друг Бога, и гноэзис, и проступок, и стремление навлекать порицания. Кавычки вокруг названия глав специально не ставлю, они бы излишне дистанцировали от того, что представляют нам задушевно и откровенно, не таясь и не боясь. Откровенно — и очень поэтично, так как и составитель поэт, и в книге иногда страницами идет поэзия Руми. Впрочем, у суфийских вероучителей поэзии традиционно отведена особая роль. Ведь им нужно передать ученикам опыт очень трансцендентного, превосходящего и человеческую природу, и описываемое в ее патернах чувства. И тут на помощь приходили различные виды суггестивного символизма, усиленного методами внесловесной коммуникации. «Когда речь заходит о границах этого явления, трагедия теософа высшего ранга состоит в том, что он вынужден сводить концентрированный

личный опыт до уровня абстрактного мышления, т.е. до уровня, на котором общение с непосвященным становится невозможным. Поэзия — средство коммуникации, доступное мусульманину, для которого запретны невербальные формы религиозной символики (за исключением каллиграфии и абстрактного изобразительного искусства). В арабском и персидском мире поэзия не была самостоятельным видом искусства, она обретала выразительность в ансамбле. Существовали особые каноны исполнения поэзии: мелодекламация под музыкальный аккомпанемент. Именно последний впоследствии стал вызывать горячие возражения». Посему «неоспорим вклад тасаввуфа в культуру мусульманских стран. Невозможно представить себе, сколько потеряли бы философия и поэзия ислама, не будь суфизма. Суфизм вдохновлял многообразную и богатую традицию поэзии и музыки не только в образованных и интеллигентных кругах персидского общества и среди покровителей мавлавий в Анатолии, но также и народную литературу на арабском и персидском языках, на турецком и урду в более простых слоях. Ордены служили мостом между глубоким интеллектуализмом высших мистических достижений и поэзией народных верований. Суфийские поэты создали огромный фонд религиозных песен, заполняющих значительную часть их наставлений, трактатов, а в неарабоязычных районах, в особенности для людей, говорящих на турецком, персидском и урду, эти песни были важным фактором развития литературы на народном уровне, выразителем которого был Йунус Эмре²⁷ и бекташи, а также на уровне более классическом, представленном поэзией Несими. В мавлавийских текке в Турции обучали сложным музыкальным формам, в то время как в текке бекташий культтивировали наряду с турецкой поэзией народную музыку. Все богатство арабского и персидского стихотворного наследия было открыто для посвященных. Даже в таких районах, как Нилотский Судан, развились особые приемы пения суфийских стихов в ритме зикра»²⁸.

И ту же Японию, к слову, мы легко вспомним не только при чтении о суфийских аналогах (тот случай, когда дженерики не уступают в качестве) дзэнских практик или о медитации, но и о таком понятии, как рыцарственность. Это очень интересное, необычное и емкое явление. Это, действительно, отчасти кодекс такого высокого, благородного, куртуазного поведения — но и с обязательной нравственной, религиозной основой. Слуга, например, сильно замешкался с переменой блюд для своих высокочтимых господ — те уже обеспокоились, достоин ли он прислуживать им, не грязнит ли Путь (еще один термин суфиев, что привычнее встречать у тех же даосов). Но когда узнали, что новую скатерть тот не нес, ибо на ней обнаружилась пара муравьев, он их не стряхивал, ждал, пока те сами сочтут возможным уйти, — собрание господ прослезилось даже, признав, что это и есть истинная рыцарственность.

У суфиев вообще очень многое так неожиданно, что вгоняет вуважительную оторопь. И если аналогии можно найти всегда и у всего, то нужно признать, что их учение все же сугубо оригинально. Потому что здесь даже не сама религия, но иное отношение к религиозному. «Меня не интересует Бог, который довольствуется моей религиозной практикой и гневается из-за моих прегрешений. Такой Бог зависит от меня, ибо ожидает, как я поступлю. На самом деле, истинные друзья — это друзья в предвечности, и то же верно для истинных врагов», — говорил Абу-Бакр Васити.

А как все это воспринимать и называть, каждый решит сам для себя. Как и выберет подходящее определение суфизма из многих предложенных. «Суфизм означает отсечение привязанностей, отречение от сотворенных существ и слияние с реальностью? То есть суфизм, это «почесть в униженности, благополучие в нищете, наставничество в служении, сытость в голоде, одеяние в наготе, свобода в рабстве, жизнь в смерти, сладость в горечи? Или все даже проще, ведь «суфии — это дети, собравшиеся вокруг Бога? Похоже на то.

Братья чистоты

Владимир ШУЛЯКОВСКИЙ. Музыка сфер. — СПб.: Свет, 2022. 172 с.

В рецензиях на музыкальные книги последних лет мне не раз приходилось брюзжать²⁹ — исследователи пишут историю музыки, претендующую на универсальность и всемирность, при этом полностью игнорируя восточный материал. Тогда как там мы можем соприкоснуться с опытом полностью иного (и пресловутого Другого) — не только иной системой звукоизвлечения, нотации и прочего, но и самого отношения к музыке, взаимоотношения человека и божественного посредством музыки. Можем познакомиться — с опытом изначального восприятия музыки человеком, память и даже традиции которого еще можно встретить в этом регионе, в отличие от европейского... Джемаль, который уже участвовал в нашем разговоре с весомыми репликами, считал музыку «внеартикуляционной формой сообщения музыки», приводя в пример прочтение текста и прослушивание музыки: первый можно пересказать, изложение второй гораздо сложнее, но при этом индивида не покидает ощущение, что музыкальный месседж был ощущим и важен, многое дал ему. Развивая эту мысль, он возводит язык музыки к тому примордиальному общению времен до отпадения от сакральной гармонии, которое теряется, размывается в ходе дальнейшей человеческой истории. Слово — негативно маркированное у Джемаля, ответственное за падение человека, утрату им внутренней речи и сообщения с Богом — вообще имеет тенденцию вторгаться в музыку³⁰: отсюда гимны в древности, опера в новое время и, экстраполируем от себя, замечу, более легкая музыка «с текстами» в противовес музыке бессловесной.

Фантазии и домыслы? Но это именно то, чем была музыка для Китая и Индии, Египта и Персии, Греции и Японии. Музыка там — такой же первоисток и первопричина, как слово, Логос на Западе. Пифагор еще в VI веке до нашей эры уподобил звук числу³¹, а Вселенную — грандиозному инструменту, издающему прекрасную музыку³², где галактики и звезды отвечают за звучание так же, как музыканты с их инструментами на сцене Рахманиновского зала МГК³³. «Истоки музыкального звука далеки-глубоки. Он рождается [с той] высотой-интенсивностью, которая уходит в [неявленное] великое единое [дао]» («Люйши чуньцю», III в.), «звук есть высшее лено — причина всего» («Брихаддеши» Матанги, VII век).

И именно так воспринимали музыку на Востоке, даже дальше, то есть — ближе. Звук, будучи ключевым элементом мироздания, важнейшим космогоническим фактором, отвечал за все — от здоровья человека и благополучия государства до миролюбивого настроя природы. «С одной стороны, у древних индийцев существовало убеждение, что вся вселенная наполнена звуком, с другой — сама музыка рассматривалась как некий архетип, по которому строится и развивается вселенная. На этой антиномии, собственно, и строились все основные концепции древнеиндийской музыкальной теории» — это утверждение, кажется, можно обобщить и на более широкие регионы архаичного мира. В Древнем Китае элементы музыки имели самую прямую связь с определенными стихиями, планетами, первоэлементами, природными явлениями, сменой времен года, а также с органами человеческого тела (особенно отметились даосы со своей фундированной алхимией-медициной³⁴). По Конфуцию, государство не могло функционировать без музыки — так, «когда правители и подданные, старшие и младшие вместе слушают музыку, между ними устанавливаются и развиваются отношения единства, согласия, почтительности, послушания и любви». В Древней Индии музыкальное исполнение могло настолько гармонизировать — или же, наоборот, погрузить в хаос — исполнителя, слушателей и природу, что древние тексты свидетельствуют о загорающемуся музыканте, исполняющем особо знойную рагу,

вызванном его подругой для тушения возлюбленного дожде и тому подобном. Подвластно музыке было даже самое время: «Форма раги довольно своеобразна. Первая ее часть — алап — рапсодическое, импровизационное вступление, исполняемое без соблюдения строгого ритма и мелодического рисунка, всегда считалась важнейшей частью произведения. Именно эта часть раги позволяет исполнителю раскрыть свой дар импровизатора и мыслителя, который управляет самим временем». И даже в исламе, где музыка осуждается пророком, не включена в богослужения, за исключением тех же суфийский бдений³⁵, основанное в X веке тайное мусульманское научное сообщество «Братья чистоты» утверждало, что правильно подобранные мелодии могут врачевать физические и душевые недуги человека.

И ошибкой было бы считать, что все это — воззрения примитивных архаических времен. Владимир Шуляковский наглядно демонстрирует, что музыка восточной древности ничуть не уступала современности, во всяком случае, была зачастую сложнее и нюансированнее. Чего, скажем, стоит описание у Афинея оркестра в Александрии, состоящего из хора в 600 человек и 300 арфистов, или же сложная и самобытная композиторская техника египтян на основе хейрономии, особой системы мануальных знаков. Или же наличие в Китае уже в первом тысячелетии до нашей эры порядка сотни инструментов (появление же первых музыкальных инструментов отнесет нас еще на несколько тысячелетий назад). Или, в конце концов, такая древнекитайская техника создания флейт, которую с трудом можно воспроизвести с помощью всех современных технологий, а также то отношение, когда на качество прикосновения к струне и разнообразия штриховых приемов игры на цитре влияла даже степень пульсации крови в кончиках пальцев...

Обо всем этом и пишет Владимир Шуляковский, современный композитор, дирижер, музыкант-мультиинструменталист. Разделы, посвященные Китаю, Индии, Египту, Греции, Израилю, Японии и странам мусульманского Востока (книга, кстати, издана при содействии Петербургского музея исламской культуры) компактны, но стройны. Философия музыки данного региона и общая теоретическая часть предваряет очерк «практический» — системы нотации, видов музыкальных инструментов и их особенности и т.д. Но, кроме этих очень важных и познавательных вещей, волнует автора, кажется, больше даже другое. То, что можно было бы назвать экологией человека. Недаром он пишет, например, о Японии: «Особенности японского архипелага также сыграли свою роль в отношениях человека с природой — в стремлении к гармоничному существованию, в познании через нее внутреннего мира и любовь к самым малым проявлениям красоты. Взаимодействие природного и антропоморфного начал также нашло отражение в японской культуре, став одной из ее наиболее характерных особенностей». И часто призывает послушать эту музыку — если не в живом исполнении, то с помощью всеведущего интернета. Не дать ей умереть. Понять ее.

Не только ради знакомства со столь экзотическим предметом, конечно. Ведь музыка, звук оказываются частью того во многом утерянного под последующими напластованиями невербального, доязыкового общения³⁶ и откровения, которое допускает более короткий и прямой выход на механизмы гармонической, незамутненной коммуникации с высшим, они позволяют прикоснуться и, возможно, даже восстановить ту экологию мира, что была ведома древним.

Механизмы же описания этого мира, как показывает наш разговор, могут быть кардинально разными, но в пределе это всегда свидетельство об одном, едином.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Впрочем, своеобразным предисловием к ним можно считать и предыдущие выпуски рубрики — о Е.Головине, Г.Джемале и Е.Торчинове («Внутренняя алхимия», № 12, 2021) и о У.Блейке и Е.Блаватской («Энтузиаст, эманципатор и низвергатель», № 3, 2022).

² Джемаль Г. Философия как вызов героическому сознанию // Логика монотеизма: избранные лекции. — М.: Эксмо, 2021. С. 388.

³ Различия суннитов и шиитов неспециалист сформулирует все же легче, чем различия между махаяной и хинайной.

⁴ Любопытно, что шастра в Индии — жанр, почти полностью аналогичный европейскому трактату, с той лишь разницей, что возник раньше, в раннее Средневековье, и включал в себя работы как прикладного толка (математика, астрономия), так и религиозного.

⁵ Немного напоминает традицию небесных погребений в Тибете, когда тела умерших оставляли на съедение птицам.

⁶ У того же Джемаля, говорящего, разумеется, об исламе, читаем: «Что такое Смысл? Это завершение “дурной” бесконечности. Это конец абсурда. Это разрыв бесконечной паутины лжи, из которой соткана реальность, являющаяся не чем иным, как системой “описаний”». Джемаль Г. Там же. С. 19.

⁷ Недаром йога уподобляет ум слишком шустрым обезьянам.

⁸ Индийская мысль вообще избегает утверждений «есть» и «нет». Все одновременно и есть, и нет. На профанном уровне стремится быть, на сакральном — не быть. Я — относительно времени. Да и пространства — «характеристикой традиционного решения проблемы пространства и времени является включение реальности как в пространство, так и за его пределы аналогично, как во время, так и за его рамки» («Интеллигibleный мир» Вилбура Урбана). Если же про совсем бытовой уровень, то можно вспомнить особенности восточного речевого этикета — так те же японцы никогда не скажут «нет» и прямо не откажут, прибегая к совершенно фантастическим, с точки зрения европейской логики и риторики, конструкциям.

⁹ Свойственный Западу страх того, что все отрицаются ради ничего, Ананда Кумарасвами в книге, о которой мы поговорим чуть дальше, комментирует так: «...Людей ужасает нирвана (буквально “бездличие”), хотя достигший нирваны обретает все, а сама она является “высшей красотой”».

¹⁰ В книгу также входит семантически примыкающая ко «Времени и вечности» статья «Svayamatrīna: janua coeli», исполненная такой захватывающей образности из мировых поверий — в основном, вокруг символа Солнечных врат, — что им позавидовали бы мастера нынешней фантастики, от киберпанка до постапокалиптики.

¹¹ Свое описание того, как вошедший в транс шаман забирается все выше по березе — «он преодолевает небо за небом, восседая на своем гусе» — и описывает оставшимся внизу все новые и новые небеса в своем лестничном вознесении — Кумарасвами завершает ремаркой «большего соответствия индийским образом практически невозможно себе вообразить».

¹² Хотя, конечно, свои черты за плотными ширмами его тихости и скромности (когда обнаружил на Цейлоне новый радиоактивный минерал, назвал его, вопреки обыкновениям, не в свою честь) водились, а некоторые факты его биографии почти столь же ярки, как и достижения его интеллектуальной биографии. Сын индийского философа, первого индийца, пожалованного званием рыцаря королевы Викторией, и англичанки. Сам предпочитал тоже иностранок в качестве жен — то англичанку, то американку, то аргентинку — желательно, на двадцать и более лет моложе себя. Художница и фотограф, две последние жены вращались в самых светских и богемных сферах. Сам же он пытался сочетать метафизическим браком философию Востока и Запада. Знал, по слухам, 36 языков, занимался иконографией, музыкой, поэзией, изучал санскритскую и палийскую религиозную литературу. И да, отличался при всем этом большой скромностью и истинно восточным тактом, что видно даже в этой работе — глубоко благодарит знакомую японку за помощь в переводе одного китайского выражения (и сожалеет — «в настоящем труде я не обращался к китайским источникам лишь по причине недостатка знаний в этой области»), признается, что «не читал» одну работу, а про цитируемого оппонента, когда тот сморозил явную чушь, пишет, что «не понял» этого утверждения.

¹³ Далее в цитатах нам встретится написание Аль. В отечественной арабистике принято написание со строчной буквы (и без мягкого знака), так как само имя начинается уже после этого артикля — ал-Газали.

¹⁴ Именно их подразумевает имеющий в своем бэкграунде очевидное знакомство с творчеством традиционалистов, югинцев и круга журнала «Волшебная гора» Сергей Калугин в песне-призыве «Время будить королей».

¹⁵ В данном издании приводится транслитерация «айат» и Мухаммад, то есть более точная с филологической (и религиозной) точки зрения. Во избежание возможной путаницы в своем тексте я буду пользоваться более устоявшимся на данный момент в русском написанием — аят.

¹⁶ Здесь и еще в нескольких местах дальше часть имени «ибн» стала — видимо, из-за происков автокорректора — «ибо». Позволю себе исправить эту диверсию искусственного интеллекта в дальнейшем без отдельных оговорок.

¹⁷ В данном контексте был бы уместнее исламизированный вариант имени — Ибрагим.

¹⁸ Джемаль Г. Там же. С. 8.

¹⁹ В тексте книги везде встречаем «Мадина», «мадинский» и т.д., что неверно, так как топоним Медина давно иочно вошел в русский язык. Я буду придерживаться этого написания.

²⁰ Подобное написание этих терминов, кажется, уже устоялось в суфийских источниках на русском языке, но справедливо ради заметим, что по-арабски это звучит как фикр, мухасаба и муракаба хотя бы из-за неполного соответствия звукового фонда арабского и русского. Хочу поблагодарить М.С.Налич, старшего преподавателя кафедры арабской филологии ИСАА МГУ, за консультации в этой чужой мне языковой среде.

²¹ Так и ждешь, как в Древнем Китае, окончания после «благородные» — мужи.

²² Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ. А.А.Ставиской, под редакцией и с предисл.О.Ф.Акимушкина. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 17.

²³ Кьеркегор С. Страх и трепет / Пер. с дат. Н.Исаевой, С.Исаева. М.: Республика, 1993. С. 46.

²⁴ Джемаль — конечно, столь же отдаляющийся здесь от традиционного ислама, как в свое время те же суфии — говорит о роли смерти, смерти как негации этой постоянной саморефлексии и моменте соприкосновения с потусторонней истиной и ее реальностью: «Шахада как смерть по свидетельствованию и свидетельствование как гносеологический акт “рефлексии о рефлексии”, сознания того, что ты сознаешь, — это две стороны одной монеты. Пока мы живем, точка несовпадения ни с чем в нас есть центр постижения, свидетельствования и отражения. Но в тот момент, когда наш механический аппарат останавливается, эта точка совпадает с тем непостижимым и невозможным, бликом чего она является при жизни». Джемаль Г. Там же. С. 51.

²⁵ Любопытно, как со схожими темами — беря их, по некоторым свидетельствам, скорее у Паскаля — работает сейчас современный автор:

но мы вот научились жать,
чтоб не знать слово жать,
мы научились всех понимать,
не понимая, как понимать
мы просто рецепторы, и число
наше знать не дано
ни тем, кто сеет свое в полях,
ни тем, кто идет на дно
примерно знаем, как не нужно быть,
но мы не умеем не быть
мы самая суть, мы самая сыть
мы плоть, нам это дано.

(Давыдов Д. «Примерно понять, как устроен язык...» // Ненадёжный рассказчик: седьмая книга стихов. — М.: НЛО, 2022. С. 20.)

²⁶ Тримингэм Дж. С. Там же. С. 123.

²⁷ Более распространенное у нас написание имени этого турецкого поэта-суфия — Юнус.

²⁸ Тримингэм Дж. С. Там же. С. 118, 193.

²⁹ И даже на этих страницах — см. рецензию на книгу Р.Насонова «Музыка: Диалог с Богом: От архаики до электроники»: Чанцев А. Манифестация сложности // Дружба народов. 2021, № 3 (<https://magazines.gorky.media/druzhba/2021/3/manifestacija-slozhnosti.html?ysclid=l8jwdrij3j666447571>).

³⁰ Речь как раз о той «первоначальной немоте» и «всего живого ненарушимой связи» доапостасийных времен, что провидел Мандельштам в стихотворении «Silentium». При условии причастности, погруженности в эту гармонию можно было призывать — «и слово в музыку вернись».

³¹ Если продолжать диалог с акмеистами, то Гумилёв в «Слове», противопоставляя числа «для низкой жизни» высокому Слову, демонстрирует, насколько далеко ушла христианская мысль от античных концептов.

³² Но подобные интуиции, надо заметить, уже были неактуальны для европейского Средневековья — в романе «Арминий» (1689—1690) Даниэля Каспера фон Лоэнштейна «вложенный в уста отшельника рассказ представляет мир как хорошо настроенную арфу. Эта концепция, однако, воспринимается слушательницей с иронией. Когда же отшельник заводит речь о том, что нет на земле более совершенно настроенной арфы, чем человек, то к этому, напротив, относятся со всей серьезностью. В другом эпизоде романа греческий философ и немецкий бард спорят и о том, способна ли музыка целительно воздействовать на тело, и бард отстаивает точку зрения, что она действует только на душу, имея в виду при этом лишь слышимую музыку. Таким образом, пишет Моосмюллер, заметно скептическое отношение автора романа к теории космической гармонии/настроенности». (*Савицкий Е.* Литература и музыка, настроение и атмосфера от Пифагора до Г.Бёме // Новое литературное обозрение. 2022. № 4. С. 313.) Во многом, конечно, за вытеснение музыки «ответственны» авраамические религии, ставящие слово значительно выше звука.

³³ Образ этот, надо заметить, все же не затерялся в веках, присутствует и в книгах наших дней. «Акустический ключ способен отворить дверцу тайны и исправить один существенный просчет в записи Книги: Бог, будучи одновременно Симфонией и ее Создателем, разумеется, не видел, а слышал каждый день творения, когда оценивал, что это хорошо. <...> Да и вообще — нелепо будет не признать, что Царствие Небесное с его многоголосым хором поющих ангелов все-таки больше напоминает не вернисаж, а филармонию». (*Крусанов П.* Яснослышащий // Флаги осени. М.: Городец, 2022. С. 352.)

³⁴ См. обзор книги нашего синолога Алексея Маслова «Битвы на атласных простынях. Святость, эрос и плоть в китайской культуре»: Чанцев А. Важнейшее в нефритовых покоях // Перемены. 2020. 28 июля (<https://www.regetmeny.ru/blog/25232>).

³⁵ «Экстаз — это тайна в сердце, а слушание музыки — это вдохновение, которым Бог воспламеняет сердце, делая его ревностным в поисках Себя. Если музыку слушают посредством Бога, то находят путь к Нему...» — приводит «Кашкуль света» высказывание Зу-н-Нуна.

³⁶ Этот феномен внесловесного становится объектом рефлексии современных мыслителей и, заметим, одновременно практиков-музыкантов — от многочисленных обращений к этому вопросу в книгах Владимира Мартынова (в книге Шуляковского он фигурирует буквально на второй странице, правда, только как пример композитора, работающего в сложной технике) до «Едва слышный гул. Введение в философию звука» А.Рясова (М.: НЛО, 2021).

Литературный барометр

Евгений Абдуллаев

«Русский уклон»

Очень хочется говорить о книгах. Именно сейчас, когда все обсуждают новости — даже те, кто раньше ими не интересовался. Кто прежде обсуждал книги и фильмы. Цвет времени поменялся. Теперь обсуждают не книги и фильмы, а короткие, как автоматная очередь, строки военных аналитиков и видеорепортажи. Тоже, естественно, военные.

В книжных, однако, многолюдно. Сужу по нижегородскому «Дирижаблю» и московскому «Библиоглобусу», в которых побывал в начале октября. Люди разных возрастов ходят среди книг, листают, тихо разговаривают. Удивительно.

Людям еще для чего-то нужны книги.

«Русский иероглиф» Александра Архангельского¹ и «Ак Буре» Рената Беккина², о которых пойдет речь, выбраны для этого разговора не случайно.

Книги эти очень разные.

«Ак Буре», как и следует из подзаголовка («Крымскотатарская сага») — про крымских татар (и еще — про казанских), а «Русский иероглиф» — про китайцев. Первая книга — роман, вторая — нон-фикшн. И жизнь китайской русистки Инны Ли, дочери крупного партийного деятеля КНР, в «Китайском иероглифе» совершенно не похожа на приключения и злоключения сына крымскотатарского диссидента из «Ак Буре».

Но то, что эти книги объединяет, кажется важным. И для современной русской литературы, и для современного российского (и не только) общества.

Любой конфликт рождается из непонимания и обостряет непонимание. Прежде всего, как нежелание понять. Ни самих себя, ни другого. Особенно, конечно, другого. Религиозного, идеологического, социального, этнического...

Литература — это служба понимания. Не только, разумеется. И не всегда. Автор может транслировать через текст и свое непонимание. Свои этнические (религиозные, социальные, бог-весь-какие) стереотипы и фобии. Примеров, в том числе и в классике, предостаточно.

Бывает и другая крайность — когда попытка понимания *другого* подменяется простым формальным «введением» его в текст, ради каких-то вне-литературных целей. Мультикультуральных, например. Нужен для разнообразия один «не наш»? Пожалуйста.

Хотя — уж лучше так, чем вообще никак.

Шесть лет назад я сетовал на этническую пресность современной русской прозы («Дружба народов», 2016, № 4). На то, что крайне редко в ней встретишь в главных героях представителей других этносов.

¹ Архангельский А. Русский иероглиф: История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022.

² Беккин Р. Ак Буре: Крымскотатарская сага. — СПб.: «Блиц», 2021.

За прошедшие годы разнообразней она в этом смысле не стала.

«Русский иероглиф» и «Ак Буре», при всем их различии, эту лакуну немного заполняют. И крымские татары, и китайцы — вообще редкие гости в русской литературе. Даже в качестве «массовки». Не говоря уже о главных ролях.

Лучший способ понять другой народ — почувствовать его точку боли.

Депортация крымских татар из Крыма в 1944 году.

«Культурная революция» в Китае в 1967—1977 годах.

Искандер Исмаилов в «Ак Буре», преподаватель арабского (тоже не слишком частая в русской прозе профессия) пытается узнать правду о своем отце — активисте крымско-татарского движения по возвращению в Крым. Кем был его отец — героем или предателем и пособником госбезопасности?¹ Ответ так и не будет найден.

Если отец Искандера, Айдер Исмаилов — фигура вымыщенная, хотя и имевшая реальные прототипы, то отец Инны Ли, Ли Лисань — вполне реальная. Крупный партийный деятель, соратник Мао, затем его оппонент, погибший в годы «культурной революции». Это определяет и участь его семьи. И сама Инна, и ее мать, и младшая сестра оказываются в тюрьме, после которой Инну отправят в глухую китайскую деревню на «перевоспитание»...

Так, через погружение в историю семьи, по которой прошелся катком тоталитарный проект, происходит соприкосновение с *другим*. Другой историей, другой культурой, другой психологией.

Особенно в «Русском иероглифе». Китайский быт времен «культурной революции» — при всех аналогиях с советским — все еще малоизвестен и порой экзотичен.

Вот сосланным на идеологическую перековку студентам разрешают, наконец, вернуться в Пекин. «...Ехали со своим скарбом — и каждый вез коромысло. Потому что на юге коромысла сильно отличаются от северных. Те почти прямые, как палка, и очень тяжелые, натирают плечи, а на юге бамбуковые, эластичные, и еще у них есть изгиб, они пружинят в такт твоей ходьбе. С таким коромыслом расставаться глупо, все равно еще придется ездить в деревню, пригодится».

Или другой эпизод — Инна Ли идет перед свадьбой к знакомому парикмахеру. Но тот наотрез отказывается делать ей укладку. «— Нам разрешается ее делать, только если есть рекомендательное письмо, что это нужно или для выезда за границу, в командировку, или для выступления в театральных постановках. — Но у меня свадьба! — Я феном пройдусь, волосы немножечко подниму. На большее просто не имею права».

Судить по этим сюжетам о Китае и китайцах, конечно, не стоит. Но что-то совершенно *иное*, даже по сравнению с кафкианством советского быта, в этом есть.

В «Ак Буре» тема *другого* — не только этническая, но и религиозная. Связано это с тем, что Искандер Исмаилов — напомню, главный герой «Ак Буре» — верующий мусульманин.

«Он с детства знал, как совершать намаз, еще до того, как научился угадывать смысл произносимых им арабских слов. Люди вокруг Искандера склонялись к ласковой шерсти ковра, чтобы вслед за тем возвыситься над окружающим пространством и с минарета человеческого тела восхвалить Единого Бога».

Исламская тема у Беккина-писателя напрямую связана с исследовательскими интересами Беккина-востоковеда, специалиста по мусульманскому праву. Возникла она еще в его первом романе «Ислам от монаха Багиры».

Тоже — не очень частая в современной русской прозе тема.

¹ На память сразу приходит известное «Исправленное издание “Harmonia caelstis”» Петера Эстерхази.

Впрочем, отношение к исламу — точнее, к его «истеблишменту» — в «Ак Буре» далеко от апологии. Так, муфтий Динар хизрет оказывается в прошлом осведомителем госбезопасности (и одним из виновников злоключений отца Искандера). А сам Ак Буре — Белый волк — могущественный оборотень, бывший правой рукой Андропова, — теперь стал чем-то «заместо шейха суфийского»... Хотя и православный «истеблишмент» тоже представлен в «Ак Буре» без большого сочувствия.

Роман вообще получился политически заостренным. Что, возможно, и объясняет, почему он был дружно отвергнут крупными издательствами и вышел в небольшом питерском «Блице».

Но сейчас разговор не о политике (хотя любой разговор сегодня — так или иначе о ней). Хочется договорить о теме *другого*.

Если бы обе книги были только о *другом*, о *других*, о чужом и незнакомом опыте, это было бы, наверное, не так интересно. Но герои этих книг — как и их авторы — это не простодругие. Они находятся в позиции двоемирия, пытаются (если использовать образ из «Русского иероглифа») усидеть на двух этнокультурных стульях. Одна из рецензий на «Русский иерогlyph» так и называлась, «На границе двух культур». Мать Инны Ли происходила из дворянского рода Кишкиных, а родным языком Инны с детства был русский. Кто же она — китаянка или русская?

«...Лет в восемь-девять у нас образовалась компания детей от смешанных [русско-китайских] браков. И мы стали задумываться: а кто же мы такие? Попробовали называть себя *русакиты*, но выражение не прижилось, а позже придумали более подходящее слово — *китарусы*. И все встало на свои места».

Встало — но не полностью. В конце книги снова возникает тот же вопрос. «Что касается того, кто я в итоге этнически и культурно — русская или китаянка... Был у меня китарусский период, был китайский, сейчас я нахожу такой ответ: я китаянка с русским уклоном».

В этом же смысле и Искандер Исмаилов — крымский татарин с «русским уклоном». Он тоже двоемилен. Родной язык для него, выросшего в Ташкенте, русский. Оказавшись в казанской мечети, он не понимает проповеди, произносимой на казанско-татарском, и ему начинают переводить ее — понятно, на какой.

Проблема «русский — не русский», «Россия — не-Россия» остро стоит и для тех, с кем сталкивает Искандера извилистый сюжет романа. Например, для чернокожего батюшки Гурия, который оказывается на четверть русским (потомок эмигранта) и приезжает в Россию, исполненный миссионерского пыла... Разговоры о судьбах России на страницах романа не утихают. Волнуют они и писателя Ильдуса Галимзянова, и бывшего «воина-интернационалиста», воевавшего в Анголе, а ныне — заведующего кафедрой исламского мистицизма Линора Завируллина, и даже самого Ак Буре...

И последнее замечание — скорее, рецензионное.

«Ак Буре» предваряет предисловие, в котором автор делится историей написания романа, указывает на прототипы героев либо — как в случае с писателем Галимзяновым — на отсутствие оных... Это, на мой взгляд, излишне. Роман написан динамично, не пере усложнен ни информативно, ни стилистически, и вряд ли требует какого-то пояснения.

А вот «Русскому иероглифу» именно такое предисловие как раз бы не помешало¹. Нет, не по причине сложности текста — он как раз предельно прозрачен и легко читаем. А вот о самой книге и истории ее появления как раз стоило бы рассказать.

---

¹ Короткое вступление «О чём эта книга. О ком эта книга. Зачем эта книга» рассказывает больше о серии Архангельского «Счастливая жизнь», в которой вышел «Русский иерогlyph», чем о самой книге.

Дело в том, что книга воспоминаний Инны Ли уже выходила в 2019 году в Китае на китайском под названием «Цветёт калина». Упоминается в Сети и название ее русской версии «Москва — Пекин», подготовленной Инной Ли. Судить, как оба этих текста — изданный китайский и, похоже, неизданный русский соотносятся с «Русским иероглифом», не могу¹. Судя по откликам, как-то они от него отличались: состояли из рассказов, поясняющих семейные фотографии... В любом случае, почему потребовался еще один вариант воспоминаний Инны Ли и какова была в этом роль ее русского соавтора Александра Архангельского, стоило бы в предисловии как-то прояснить².

Но заканчивать на этой критической ноте не хотелось бы — как и на дежурной фразе, что, «несмотря на отдельные недостатки...» Нет, скорее тянет отвести «съемочную камеру» куда-то в сторону, от двух этих книг, и показать... Что — пока еще не ясно. Жизнь становится все кучерявее и непредсказуемее, и литература снова ищет свое место в ней. Новые темы, новый язык. Людские массы подняты со своих насиженных и надышанных мест и приведены в движение. Куда качнется маятник русской прозы — в сторону большего интереса к другим культурным мирам и пространствам, или же к полюсу большей замкнутости и самодостаточности? Знак вопроса. Многоточие.

---

¹ «Цветёт калина» я не видел — а даже если бы и видел, вряд ли много бы чего понял: китайским фактически не владею.

² А также упомянуть воспоминания матери Инны Ли, Елизаветы Кишкиной, «Из России в Китай: путь длинною в сто лет», вышедшие в издательстве «Шанс» в 2018 году. Очень любопытные.

Книжный развал

Валерий Шубинский

Время быстрое и время неподвижное

Леонид Шевченко (1972—2002) — во многом уникальная для поколения 1990-х фигура.

Его сверстники, столкнувшись с общим вызовом — некоторой избыточностью ходов и возможностей и трудностью обретения внутри этих ходов собственного голоса, а главное — с несоответствием этой ситуации духу динамичного, витального, некомфортного времени, — искали и находили разные выходы из положения.

Например, Мария Степанова возвела поколенческий «эклектизм» в принцип, создав «протеистическую», я бы сказал, поэтику. Игорь Булатовский, напротив, пришёл к жёсткому минимализму, к «речи о самой себе», и довёл это до предельной остроты, резкости и экзистенциальной глубины. Был и путь, скажем, Бориса Рыжего — на мой взгляд, тупиковый: тоска по советскому культурологическому континууму, ресентимент (который, к слову, вообще очень печально отзывался на постсоветской истории России) — а в области поэтики сознательный отказ от сложного инструментария ради позднесоветской печальной скучности. У кого-то был уход в иронию, остранение, в закавычивание своей речи. Это тоже был важный и интересный путь.

Леонид Шевченко ничего не делал со своим эклектизмом, он принял его как должное. Он ничего не закавычивал, пытаясь пройти

через избыточный материал только силой голоса. Причем речь о материале самом разном — тут и чисто стихотворческий инструментарий (ведь в нашем искусстве границы между материалом и инструментом, в сущности, нет), и смешивающиеся друг с другом культурные пласти, и просто житейские впечатления, которые, кажется, никак не просеиваются. Мир странен, сюрреалистичен, но не отчужден — ничто в нем не выглядит чужим. Шевченко невероятно жаден до внешних примет этого мира.

Но ведь со всеми этими быстротекущими вещами, которые через пять минут уходят, можно по-разному обращаться. Скажем, песни Галича и Высоцкого — это музей бытовых примет 60-х годов, по ним можно изучать быт. Но они существуют только в посюсторонней мгновенной реальности, не обретают нового измерения.

У Шевченко все несколько иначе.

Я торговал книжками у «Макдональдса»:
Стивен Кинг, «Голодание» Брэга,
«Русский народ».
Это было в самом начале моей одиссеи,
ещё Троя дымилась,
в Италию не пришёл Эней
и по радио передавали «Союз нерушимый».

Шевченко обладает острым чувством истории, чувством движущегося времени, наполненного возникающими и рушащимися человеческими жизнями.

С лёгкой дудочкой, с гибкой пастой
ты пришла — с потемневшим лицом.
С олимпийской эмблемой глазастой,
с чёрным знаменем, с медным кольцом.

Леонид Шевченко. Забвению в лицо. — М.: Литгост, 2022. [Книжная серия «Поэты литературных чтений "Они ушли. Они остались"». Сост. Борис Кутенков.]

Это «муза 1980 года». Шевченко тогда было восемь. Мне — пятнадцать. Было ощущение полного выпадения из истории (как у нас до недавней поры) — и рядом с этим чувство, что подземные плиты задвигались непредсказуемо и могут зажать нас между собой (такое же чувство, как, в еще более острых формах, сейчас). И это детское ощущение пьянящей подступающей угрозы воспроизводится из другого времени, когда в очередной раз казалось, что все закончилось и решилось. Кстати, интересно, что 1997 год (первый постсоветский год с краткой иллюзией стабильности и благополучия, накладывающегося на разочарование и усталость) — расцвет поэзии Шевченко. Почти все датированные стихи относятся к нему. Что произошло потом? Какой-то надлом, срыв. Поиски себя?

Но короткое время, советское и постсоветское, оказывается подключено ко времени очень большому. А потому «шашлык и кооператорские футболки, значок "Metallica", продавцы икон», и Пьер Ришар, и Киркоров, и Стивен Кинг — все эти большие и малые вещи, которые в рамках «быстрого» и «короткого» времени ветшают уже через несколько лет и «превращаются в миф», — оказываются включены в очень большой исторический контекст. Для мифа же реальное хронологическое расстояние неважно, неважны и объективные пропорции между явлениями; и потому (возвращаясь к приведенной выше цитате) «значок "Metallica"» оказывается современен и чуть не равновелик Энеиде и Данту «Аду». Другими словами: быстрое время так быстро, явления его так изменчивы, что, по принципу схождения противоположностей, оно смыкается с неподвижным временем мифа.

Это же можно отнести к интеллектуальному миру Шевченко, как он описан в предисловии. Он не просто читает Керуака, Сэлинджера и Берроуза параллельно с Вальтером дер Фогельвейде и кельтским эпосом — для него все это, как кажется, и существует одновременно. И уж, конечно, мир (условно) реальный, мир фантазии и мир вычитанный оказываются нерасчленимы, поглощаясь мифореальностью.

Молча, молча кофейный наглец предлагает
убраться
в темноту «Букиниста», где книги сестрицы
и братца.
Убивали в Крыму, но листки пожелтели
в столицах,
и на лицах земля проступила, и кровля
на лицах.
Там у дома, которого не было раньше и позже, —
холодок по цепям, доводящий Петрушку
до дрожи.

Кстати, в этом стихотворении слышится (мне ли одному?) размер и интонация «Элегий на стороны света» Елены Шварц. Читал ли ее Шевченко, были ли это влияние?

В мире мифа человек перестает быть мерой вещей, искусственное и неживое оживает, идол превращается в божка; но поскольку всякая натужная иерархичность Шевченко чужда, эти превращения оказываются у него не только страшными, но и забавными:

Заводную куклу завели,
и она пошла, заговорила,
гости пили, девочка курила,
ёлку новогоднюю зажгли.

А заводная кукла шла и шла,
денежку нашла,
самовар купила,
гости пили, девочка курила.

Кукла заводная, заводная,
бабушка плясала молодая,
умирающий дедушка с курительным прибором
ангелов развлекал разговором

об устройстве самогонного аппарата,
о погоде, о садах Багдада,
как в атаку он ходил когда-то,
как в него стреляли из засады.

Свою жизнь в этом времени он воспринимает очень серьезно, с той романтической приподнятостью, которая могла казаться и, думаю, многим казалась провинциальной. Неслучайно здесь есть отсылки к раннесоветской поэзии: у Шевченко есть стихотворение, посвященное Эдуарду Багрицкому, в чьем черном романтизме он прозорливо видит одну из прародин, уже тогда показавших свою природу (но казавшихся еще эстетически яркими и пьянящими) «красно-коричневых духов»:

Со мной ненормальный ребёнок-аллах:
 «Мы ржавые листья на ржавых дубах»,
 — со мною могила и баба Астарта,
 мы связаны накрепко, маг-вертопрах,
 слюной астматической Эдуарда.

Витальность Шевченко парадоксально связана со смертью (и в этом ее отличие от витальности во многом близкого ему по поэтике Евгения Рейна). Поэт захвачен плотностью и разнообразием бытия, он упивается его дыханием, но при этом чувствует, как это ничем не контролируемое бытие вступает в фазу саморазрушения, как Эрос переходит в Танатос. Возможно, именно поэтому эта витальность не исключает эзистенциальных прорывов в молчание, прорывов в высокую пустоту, в страшное и прекрасное.

Они газеты рвут на части
 и проволоку подбрасывают в небеса.
 Смотри, убийцы бледные запястья,
 мотоциклиста удивлённые глаза.

Плыёт, плыёт квадрат экрана,
 Джуллетта умерла, она умрёт опять.
 Всё конечно, но просыпаться слишком рано
 и кофе растворимый целовать.

Мы не проснёмся, всё будет очень просто,
 вот было холодно, а будет горячо,
 прыщавый улыбается подросток
 и сплёвывает через плечо.

Интонация этих стихов кажется чуть-чуть узнаваемой, и известие о том, что в числе любимых поэтов Шевченко был Борис Поплавский, не выглядит неожиданным. Впрочем, чисто языковой слух у Шевченко развит гораздо больше, чем у этого его предшественника. Развито у него и чувство ритма — посмотрите, какие тонкие и совпадающие с движением интонации перебои в рамках расширенной силлабо-тонической просодии хотя бы в только что процитированном стихотворении.

Шевченко далеко не единственный русский поэт своего поколения, чья жизнь оборвалась рано и нелепо (можно вспомнить хотя бы близкую ему по типу дарования Анну Горенко, Алексея Ильчева, Максима Анкудинова, помянутого уже Рыжего... да и Алексей Колчев, Алексей Сомов, Виктор Иванов, родившиеся и дебютировавшие чуть позже, жили недолго). Написанное им не вполне ровно — даже в Избранном «Забвению в лицо» попадаются перегруженные, несбалансированные, или, наоборот, несколько вялые, водянистые стихотворения. Но судить о поэте, тем более рано ушедшем, надо по лучшим вещам — а их достаточно много. Можно лишь пожалеть, что незаурядному таланту его не довелось вполне реализоваться.

Ольга Балла

Ложится тьма густая

Роман Владимира Ермолаева, русского писателя, уже три с половиной десятка лет живущего в Латвии, вышел на исторической родине автора полтора года назад — летом 2021-го, но, похоже, не удостоился по сию пору — по крайней мере, на родном языке романиста — ни единой рецензии. Поиск

таковых с помощью русскоязычных поисковых систем в интернете ничего не дал, кроме разве небольшого, энigmatического предисловия Игоря Эбаноидзе к фрагменту романа, публиковавшегося до выхода его полного текста на страницах «Дружбы народов»¹: «автор

¹ Владимир Ермолаев. Движение на закат: Роман. — М.: Культурная революция, 2021.

¹ «ДН», 2021, №7 // <https://magazines.gorky.media/druzhba/2021/7/dvizhenie-na-zakat.html>

“Движения на закат” мастерски вскрывает это двуединство произведения, необходимого автору, и книги, предназначеннной для читателя, и делает этот парадокс главной интригой романа¹; ещё более краткого вреза Ильи Данишевского к другому фрагменту — на «Снобе»¹: «Здесь продолжение утраченного русского модерна сплавлено с мощным нарративом», — и, прошу прощения за нескромность, беглой реплики вашей покорной слуги в ходе разговора о литературных итогах 2021 года — тоже в «ДН». Возможно, искала недостаточно внимательно и терпеливо, но во всяком случае факт есть факт: реакциями на «Движение на закат» русское литературное и культурное пространство не изобилует. Это тем более несправедливо, что текст исключительно яркий (я бы сказала, стоящий в этом пространстве особняком).

Несправедливо, но объяснимо. Теми же самыми причинами. Рискну предположить, что этот текст не очень укладывается в здешнюю культурную оптику, в заготовленные ожидания — и, наверно, в существующие здесь-и-сейчас потребности. Совершенно независимо от того, что текст сильный и важный, и даже — в прямое следствие этого.

Сейчас, когда у здешнего общекультурного сознания совсем другие заботы и печали, совсем идеалистичным было бы ожидать, что сколь-нибудь массовый русский читатель заинтересуется художественным текстом — да ещё сложным, требующим при его прочтении и понимании и изрядной эрудиции, и просто внимания и усилий, — который проблематизирует европейский культурный опыт, само его устройство, устройство, тип и судьбу европейского субъекта (стоит подчеркнуть — именно западноевропейского, поскольку субъект восточноевропейский, и российский в частности, — история всё-таки немного другая; хотя да, на западноевропейских моделях посредством литературы мы все воспитывались, и уже хотя бы поэтому культурная работа Ермолаева имеет к нам непосредственное отношение).

Этот роман похож на блестящий перевод с некоего европейского языка — по всем приметам с немецкого, тем более, что и герои его — люди немецкого культурного круга:

двоих центральных персонажей зовут Гаман и Гердер (у автора были случайно-биографические причины назвать их именно так, которые в романе прямо и указаны: «Неподалеку, на берегу реки, достраивается жилой комплекс “Резиденция философов”. Две башни — “Гердер” и “Гаман”. Подходящее жилище для того, кто больше любит смотреть и думать, чем действовать», — речь идёт о настоящем месте обитания Ермолаева в Риге); позже появляется и персонаж с фришевской фамилией Гантенбайн, а затем и авторское альтер эgo Герман, имя которого, как легко заметить, соединяет в себе части имён двух первых. Так и хочется сказать (но торопиться, конечно, не будем), что роман должен был быть (а в параллельной реальности, думается, и в самом деле был) написан по-немецки, — почему-то думается, что скорее всё-таки в Австрии, чем в Германии; его автором легко представить себе, например, Роберта Музиля, если бы тому случилось жить в наше время, — тем более, что о ермоловских Гамане и Гердере постоянно думается как о «людях без свойств». Или в Швейцарии (которая, если смотреть отсюда, кажется страной великолепных дистанций — от всех мировых и европейских страсти и сует), — напрасно ли уже одно только имя Гантенбайн призывает тень Макса Фриша, который и прямо вспоминается, и цитируется? С неменьшей вероятностью он мог быть написан в другой, альтернативной истории русской литературы, культуры и социума, где работа того самого русского модерна, который совершенно справедливо упоминает Илья Данишевский, не прерывалась, была доведена до логических следствий, в результате чего, в частности, европейский опыт сделался без зазоров нашим и мы стали целиком европейцами.

Вообще, на самом деле, в последние годы в литературе на русском языке появляются тексты, так или иначе направленные на заживление незаживаемого разрыва, возникшего в нашем культурном теле в результате насилиственного прерывания культурных процессов модерна. Если говорить о прозе, первым делом вспоминаются «Грифоны охраняют лиру» Александра Соболева и его же «Тень за правым плечом» — две, пожалуй, наиболее яркие попытки недавнего времени говорить «неразорванным»

¹ <https://snob.ru/entry/194335/>

языком, синтезировать недостающее (разговор о поэзии завёл бы нас сейчас недопустимо далеко от обсуждаемого предмета, но раз уж мы вообще коснулись этой темы, нельзя не упомянуть вырашивающих русский модерн здесь-и-сейчас Богдана Агриса и из совсем молодых — Ростислава Ярцева и Армана Комарова).

Но «Движение на закат» и тут стоит особняком: всё упомянутое работает с материалом русской жизни; этот же роман написан так, как если бы его автором был человек с totally-европейским культурным опытом (несколько громоздко звучит, но ничего не поделаешь. Не сказать же «природный европеец»). Отсылки к здешним литературным и внелитературным материем здесь минимальны, и, что характерно, Россия видится при этом извне. Она упоминается именно как чужое и далёкое, как набор стереотипов западного сознания. Вот герой размышляет: «раз уж я так интересуюсь нигилизмом — не отправиться ли из Парижа в Россию? <...> Россия — родина нигилизма. Достоевский. Бесы. Отцы и дети. Нечаев. Катехизис революционера». Один из героев говорит другому: «В России нет философов — там избыток философствующих писателей». Это опыт другой, с другими корнями и подтекстами жизни — на безукоризненном русском языке.

В таком случае не поискать ли «Движению на закат» других аналогов? — среди текстов, пишущихся ныне по-русски гражданами ли мира, просто ли жителями иных стран. Тогда на отдалённое родство с ним окажутся вправе претендовать, например, совершенно португальская русскоязычная проза Лей Любомирской, совершенно же израильская русскоязычная — Некода Зингера, общеевропейская — частью португальская, частью британская, частью литовская... — Лены Элтант. Но сопоставление и тут будет хромать: в отличие от названных авторов, живущих, соответственно, в Португалии, Израиле, Литве и пишущих о том, что они знают какличный чувственный, повседневный опыт, Ермолаев не живёт в той реальности, о которой пишет. Он живёт в Риге, а это немного другая история. Описываемая жизнь не принадлежит ему: он её конструирует. Он наблюдает её с некоторой дистанции, с позиции очень своеобразной, неразделимо

сочетающей в себе причастность и отстранённость. Одновременно изнутри и извне.

«Движение на закат» — первый и пока единственный роман рижанина Ермолаева (человека, между прочим, в культурном отношении замечательного: обладающий одновременно музыкальным и философским образованиями — что само по себе создаёт объёмность восприятия, он — поэт, автор многих стихотворных публикаций в литературных журналах — в «Арионе», «Воздухе», «Даугаве», «Интерпоэзии»... — и шести — по другим сведениям, уже семи — сборников верлибров, с первым же из которых, «Трибыты и оммаги», изданным той же «Культурной революцией» одиннадцать лет назад, он стал финалистом премии Андрея Белого). В этом своём *opus magnum* автор говорит с читателями и с самим собой о предметах, наиболее для него принципиальных.

И вот тут самое время поспорить с Игорем Эбаноидзе: главная интрига романа — вовсе не в парадоксальной двойственности, не в том, что написание этой книги служит одновременно запросам и писателя, и читателя (да с какой же книгой бывает иначе?) — даже притом что автор присутствует на её страницах в облике одного из персонажей, того самого Германа. Главная интрига его — судьба европейского субъекта и породившей его культуры — системы жизни и самопонимания. Это (прежде всего прочего; прежде всех изящно решаемых задач стилизации) — развернутое культурологическое, в конечном счёте — философское суждение.

В названии романа, собственно, уже обозначено, в чём оно состоит. Роман — художественная параллель одному великому, основополагающему тексту, вышедшему веком раньше: «Закату Европы» Ос瓦льда Шпенглера, название которого в более точном переводе звучит как «Закат Запада». На этот закат и движется вместе со своими героями автор, расследуя (в том числе и собственной судьбой — как инструментом) судьбу европейского нигилизма — «падения высших ценностей».

Сюжетная линия по отношению к этому, по существу, вторична.

Кроме всего прочего: составленный, по

признанию автора, из «всех видов фрагментарной прозы», роман Владимира Ермолаева представляет собой не очень освоенный нашей словесностью тип цельности: со множеством точек входа в неё. Написанный целиком на европейском материале, роман (пере)насыщен, во-первых, аллюзиями и цитатами разной степени неявности из европейских авторов — от Себастьяна Жапризо до Рихарда Вагнера, от Августа Стриндберга и Луиджи Пиранделло до Чарльза Буковски, от Гюстава Флобера и Жориса Карла Гюисманса до Шарля Бодлера и Бориса Виана, не говоря уже об усердно поминаемом на этих страницах Франце Кафке. Он говорит сам с собой разными голосами, он начинается с аллюзии — в первых же предложениях — и заканчивается цитатой (отсюда — одна из оптик, в которых его можно читать: угадывать цитаты и аллюзии). Кстати, иноязычные цитаты роман тоже включает: Флобер цитируется прямо по-французски.

Перед нами, таким образом, модель европейской памяти — живая, гудящая, приводящая на ум уж куда скорее улей, чем библиотеку или склад. Притом это очень, очень, очень книжная книга, состоящая из мыслей и памяти о других книгах по крайней мере не в меньшей степени, чем обо всём остальном.

«Ссылки на восьмой и девятый тома “Истории” Тойнби. Раньше я с воодушевлением решил бы, что следует прочесть все двенадцать томов.

<...>

Экзистенциальный нигилизм: мы не знаем, зачем существуем, поэтому каждый вынужден изобретать смысл своего существования (или заимствовать его у других?).

<...>

И он нашел смысл своего существования в изучении нигилизма. Начиная с Гегесия.

<...>

Следует прочесть также всего Шопенгауэра, Кьеркегора, Ницше, Сартра, Камю, Хайдеггера и Деррида».

Вот лишь маленький фрагмент того, о чём бормочет сам себе в личных записях один из героев. Выглядит очень показательным.

Сам автор назвал свой роман «путешествием по книгам, не только по городам», — по этим последним, европейским и американским,

персонажи странствуют на протяжении всей второй части романа.

Во-вторых, что не менее важно, роман весь составлен из экскурсов в различные виды словесности. Однако речь идёт не столько о видах словесных искусств (хотя, например, драматургия и поэзия здесь делят территорию с прозой) — сколько, главным образом, о жанровых формах той скрытой, порождающей изнанки «чистовой», «беловой» литературы, которую хочется назвать литературой рукописной, частной, черновиковой, карманной — и которая в Новое время — начиная по крайней мере с монтеневских эссе (впрочем, мы можем спуститься и глубже, к «Аттическим ночам» Авла Геллия, к «Наедине с собой» Марка Аврелия) — всё активнее смещается с периферии культуры к её центру. Дневник — обычный и читательский, «записи и выписки», как это называл другой русский интеллектуал (М.Л.Гаспаров), письменные разговоры с самим собой, рабочие тетради с конспектами, планами, набросками... Словом, всё то, что на протяжении нескольких веков служило лабораторией выработки западного, нововременного субъекта — автономного, одинокого, рефлектирующего, который теперь, по мысли автора, претерпевает кризис — и записи движущихся на закат героев романа именно это и демонстрируют.

Ближайшие родственники этого текста — структурные, типологические; отвлечёмся на минутку от содержательного плана, хотя всё это имеет к нему отношение, — «Книга непокоя» Фернанду Пессоа — «дневник без дат и автобиография без фактов», как это называл великий португалец, который тут, кстати, не раз цитируется, «Расщепление» норвежца Тура Ульвена, — написанные, как мы помним, фрагментами. У нас сопоставимым образом писал свою «Пенсию» Александр Ильянен (сравнение и тут прихрамывает, но уж с такого свойства текстом мы имеем дело: похожий сразу на многое, он не похож, строго говоря, ни на что).

Читателю не раз придёт на ум слово «постмодерн»: автор, мол, всласть (и едва ли не самоценно) играет с богатым наследием западного культурного мира, совсем как герои одного из создателей этого мира — в бисер. И тем не менее перед нами всё-таки явление предшествующей культурной стадии, по

отношению к которой постмодерн вторичен и которая до сих пор, по большому счёту, не закончилась, — тем более у нас, где ей не случилось быть в полной мере отработанной и прожитой.

«О т е ц (поднимаясь, крича). Какая там игра! Сама реальность, господа, сама реальность! (В отчаянии убегает за кулисы.)»

Эта цитата из Пиранделло подводит роману итог — и практически напрямую объясняет его сущность.

Это роман больших идей (хочется сказать: театр идей, герои его — и сами идеи: надев маски и начав было притворяться людьми, они постепенно стали обретать плоть, человеческую реальность со всей её неоднозначностью и уязвимостью), и игра в нём — всерьёз. Западная культура, одна из важнейших и органичнейших составляющих которой — исследуемый автором и его персонажами разрушительный нигилизм, культура, с которой автор ведёт диалог на равных, — представляет для него величайшую ценность. Первым вариантом названия романа не случайно было «Паломничество на Запад».

Именно паломничество, поклонение святому, приближение к нему, проживание контакта с ним.

О, грустно, грустно мне! ложится тьма густая
На дальнем Западе, стране святых чудес... —

как воскликнул поэт, не цитируемый в книге¹. Это и благодарное приношение Западу с демонстрацией ему усвоенных из его рук интеллектуальных сокровищ, самого факта их глубокого усвоения, и печаль о Западе, бесконечно ценном. В какой-то мере плач по нему.

Так вот: роман, на самом-то деле, — очень русский. Он, в котором русского, казалось бы, нет (почти) ничего, кроме прекрасно воспитанного языка, — прямое следствие столь свойственного нашим собратьям по культуре обострённого внимания к европейским способам быть человеком и характерно-русского прочтения (западно)европейского как общечеловеческого.

---

¹ А.С.Хомяков.

Елена Сафонова

СЛОВО КАК ХЛЕБ

В последнее время поэты все чаще формируют не сборники — стихов, а межжанровые книги. Так поступил и Геннадий Калашников с книгой «Ловитва».

Устроена книга так: вступительное эссе «Начало» (развернутый ответ на вопрос «Как вы начали писать стихи?») — и большой блок стихов под общим заголовком «Я — ловец и добыча». Краткий емкий очерк «Семейная тайна», стихи о семье и эссе о деревенском детстве объединены заглавием «Каво люблю...». Затем раздел «То, что было...»: два очерка о

Геннадий Калашников. Ловитва. — М.: Летний сад, 2022. — (Плавучий мост).

творческом прошлом автора — учебе на семинарах у Бориса Слуцкого и работе в «Литературной России». В книгу вошли стихи начиная с 1960-х годов; видимо, это наиболее полное на сегодня собрание стихов и малой прозы автора.

Вместо послесловия дана огромная аналитическая статья философа Иосифа Фридмана, адресованная книге Калашникова «В центре циклона» (М.: Воймега, 2018). Фридман исходит из непреложного для него факта существования современной натурфилософской лирики и аргументирует теорию практикой разбора стихов Калашникова в позиций «присутствия» в его

творчестве четырех стихий — земли, воды, огня и воздуха — и пятой, нематериальной, эфира. Обильно цитируя стихи Калашникова, Фридман делает из процитированного тонкие выводы: «Обращает на себя внимание необычайно интенсивное общение ЛГ <лирического героя> с богом. ... Бог предстает перед нами в таких экстравагантных обличиях, как капитан Немо из плавучей машины, небесный яхтсмен, воздушный дайвер, рыболов-удильщик, начальник дистанции (на железной дороге)...» Многие приведённые им стихи вошли и в «Ловитву», их оценка остается актуальной.

Скажем, небольшая поэма «В центре циклона».

У каждой твари есть свой двойник,
прорвавший косную мглу,
и я здесь тоже на миг возник
в правом нижнем углу.

Блестит коса, и скрипит стерня,
колосья шуршат в колесе.
Столикий огонь обжигает меня,
и я становлюсь как все:

исчислен, взвешен, насквозь прочтён,
сменивший миллион личин,
в дыму пространства, во льду времён
расплавлен, неразличим.

Вода и воздух, земля, огонь
не спят, не смыкают глаз,
и нам неизвестно, чья ладонь
снова вылепит нас.

Фридман комментирует эти мятущиеся строки так: «Судя по всему, смысл этой чудной (но и чудной) вести состоит примерно в следующем: никакое чудо чаемого тобой спасения не идет ни в какое сравнение с чудом того, что “ты здесь”, ибо этого могло и не быть...»

Одно из программных стихотворений Калашникова — кстати, напрямую отсылающее к заглавию книги, — «Я сослан в немоту...».

Я — ловец и добыча, живу у словесной реки,
у её тужевого потока,
там, где бог из плавучей машины,
как капитан Немо,
вываливается и подслеповато щурит глаза,
я бреду вдоль течения, бесполезными жабрами
хлопая, как после потопа,
и в обратный бинокль, пролетая,
безмолвно глядит на меня стрекоза.

По версии Фридмана: «Чаще всего речевая стихия уподобляется водной и выступает в

роли "словесной реки" как одного из ответвлений русла "прототипической реки" ... Соответственно, овладение поэтическим ремеслом осмысливается как обретение власти над "словесной волной"».

Калашников, по Фридману, на сегодня является ведущим представителем натурфилософской поэзии: «ГК выстраивает уникальное поэтическое пространство, в котором между взглядами философ-постмодернистов и установками досократиков обнаруживается "избирательное средство". Кто бы мог подумать, что натурфилософия способна так успешно вписаться вситуацию постмодерна?»; «Поэт-натурфилософ — это поэт, который смотрит на мир сквозь призму более или менее систематизированного учения о природе».

Как уже было сказано, «Ловитва» охватывает стихи за многие годы. В одном из интервью Калашников признается: «Ведь поэты "меняют душу", по слову Гумилёва. С годами меняется поэтика, тембр голоса. У кого-то это происходит резко и относительно безболезненно, другие медленно и мучительно выползают из «старой души». Я принадлежу ко вторым». Поэтому он всякий раз «надеется, что книга прозвучит по-новому».

Впрочем, порой так происходит уже потому, что поэт годами дорабатывает тексты. Стихотворение «Марк Шагал» было начато в 1972 году, а завершено в 2019-м, уже совсем в другом историческом и поэтическом времени:

Всей натугой сухожилий,
в капиллярах щёткой кровь,
или жили, или жилы,
жилы, жили — вновь и вновь.

Месяц — оттиском подковы,
он над Витебском склонён.
Этой кисти колонковой
полуяль и полусон.

Как назвать его — не знаю,
он рассеян и текуч...
Синема игра цветная,
жизни мечущийся луч.

Вероятно, был и практический резон опубликовать большую часть написанного за всю жизнь. Калашников обмолвился в том же интервью, что многие его стихи в молодости напечатали с варварскими правками. Не для того ли, чтобы донести их читателю в первозданной форме, автор включает в сегодняшнюю книгу триптих «Колхида» 1979 года?

Небо в облачной резьбе.
И цветёт бельё с карнизов.
Хорошо ль, душа, тебе
здесь, у пальм и кипарисов?

Солнце за море нырнёт,
запоёт цикада снова.
Одиночество мое —
жизни тайная основа.

Или стихотворение «Мыс Меганом» 1974 года, посвященное как раз Иосифу Фридману:

О Меганом, каким огнём
опалены крутые плечи?
Сухих пространств, пустых времён
ты памятник или предтеча?

О чём молчит, зачем дано
тебе могучее бесплодье,
зачем не брошено зерно
тебе в небесном огороде?

Или «железный» пейзаж из 1977 года:

Живу я в своей стороне
с железной дорогой в окне.

Не знаю: откуда, куда
железные прут поезда.

И целую ночь напролёт
железный гудит самолёт.

Под частым железным дождём
железобетонный наш дом.

Холодной весной высоко от земли
железные прутья из стен проросли.

Есть здесь и «Лермонтовская площадь» — стихотворение, которому в этом году исполнилось 50 лет, живой свидетель ушедшего — и неизменности поэтического одиночества во все эпохи:

Как подстаканник круглый пьедестал,
на нём поэт мечтательно-мятежный,
но как бы озабоченный слегка,
что он, как перст, торчит на белом свете,
что оттопырил полу сюртука
весьма кустарно выполненный ветер.

Одиночество поэта в мире — лейтмотив Калашникова. Доминанту у него стихов о поэте и поэзии отмечает и Фридман. С точки зрения философии, это дань эфиру, божественному огню. С моей, более простой, судьба поэта — вечный эмоциональный

раздражитель, побуждающий стихотворца снова и снова «переживать» его в рифму или в строчку. По мне, эту тему развивают и культовые для «текущей» русской поэзии стихотворения «Жил Пьеро у станции Перово», восходящее к балагану дель арте, и «Последний трамвай», ставший, что сегодня редкость, песней, которую поют под гитару.

Но даже когда поэзия прямо не называется, она «правит бал» в стихах Калашникова и в новой книге. Сборник составлен так, чтобы показать различные поэтики и стилистики, которыми одинаково умело владеет автор.

Это белый стих (хотя Калашников переходит на него нечасто):

Всегда уместно дерево. В любом
из сочетаний неба и земли
оно посредник, им равновеликий.
Вот ствол вознёсся и раскинул ветви.
Вглядись, увидишь — это вены рук,
невидимых ладоней ткань живая.
Мы видим часть всего,
и вряд ли нам дано
преодолеть своё земное зренье...

Но рядом мир иной — касается ресниц
и трётся о плечо... И разве не оттуда
к нам, как посланье, как залог, как дар —
дерево...

Это «поток сознания»:

светает истончается и тает тьма
свет это единственное что не может
свести с ума
что освещать ему всё равно
он льётся всегда
здесь бессмысленно слово давно
он льётся всегда
здесь бессмысленно слово зря
не так как река состоящая из течения
и песка
он не знает числа
ему непонятна дата
он отвергает правоту циферблата
всё — в остатке — ничто
за вычетом света

Это щегольские анжамбеманы:

Мы добровольно идём в метро,
глядя без интереса
на плиты мрамора, т.е. ретро-
спективные снимки процесса
творения. Обузданный хаос заснят врасплох,
хищные отблески крупнозернисты.
Этот альбом перелистывал Бог,
Босх, наверное, тоже его пролистывал.

Это «мандельштамовские» восьмистишия «Ночной ветер», «Мимо осенних садов побреду...», «Гребень волны крут» и др. Наконец, это сюжетные стихотворения, похожие на рассказы — их особенно много в блоке «Каво люблю...»: ими поэт «общается» со своими покойными близкими и с местами своего детства в тульской деревеньке Ровно. Иными словами, поэзия в новой его книге всеобъемлющая. Поэзия — это и есть ловитва, вынесенная в заглавие. Сейчас она для автора такова:

...Медь и камедь сосны,
свет молочный луны,
облаков невесомые битвы,
блеск плотвы, плеск листвы,
шум травы-муравы,
гон твоей каждодневной ловитвы.

Калашников видит ловитву так: «...Литературный процесс — коварная штука. Что-то вроде горной реки. Одних она утаскивает в свою пучину, и они, как бы ни были одарены, пропадают навсегда, другие борются, боятся о камни и выплывают, а иных счастливчиков поток сам выносит на отмели». Автоэпиграфия поэта и философа XVIII века Григория Сковороды лаконичнее: «Мир ловил меня, но не поймал». Надпись, по преданию, выбитую на его надгробном камне, трактуют так, что мир пытается найти в каждом человеке уязвимое место и подчинить себе, но кто-то попадается, а кто-то нет. Позиция Сковороды близка Калашникову: поэт — явно тот, кто не пойман.

Стихи в новом сборнике автора выстроены как будто в виде сети: их сквозные образы перетекают из одного в другое, что усугубляет метафору ловитвы. Это касается не только магистральной линии поэзии, но и природных (натурфилософских, по Фридману) символов: рыбы, моря, кипарисов, городских огней, листвы, ветра, воздуха, заката, неба... Раздел «Каво люблю...» примыкает к натурфилософии пасторальными картинками и незамутненным взглядом ребенка. Странное название объясняется в рассказе «Лошади»: «И еще деревянные дуги, тоже необходимейший предмет конской упряжи. В центре дуги <...> было прикреплено железное колечко. К нему обычно привязывали повод уздечки, ну, и

колокольчик. Колокольчиков к дуге в нашей деревне не привязывали, хотя я видел их в некоторых избах. Позеленевшие от старости, с витиеватой надписью по ободку: "Каво люблю таво дарую"».

Воспоминания Калашниковой «вещны», осозаемы и связаны не только авторскими ассоциациями, но и внятной логикой, отчего их порядок не выглядит со стороны причудливым. Его проза в «Ловитве» — чистый автофикашн, повествование о пережитом, одухотворенное неподдельной любовью. Но у автофикашна есть одна опасность. Принято считать: он родился потому, что вымысел в литературе исчерпал свои возможности, и писатели обратились к непревзойденному выдумщику — жизни. Однако схожий жизненный опыт дает, увы, схожую художественную рефлексию... Многие истории деревенского детства Калашникова я как будто уже читала у других авторов — про лошадок, про «учебу» верховой езде в ночном, про сельского раздолбая дядю Кирюшу... Чище и сильнее звучат в прозе Калашникова тексты уникального содержания. Это трагическая «Семейная тайна» о судьбе деда, инженера мукомольного производства и участника ярославского восстания 1918 года, якобы погибшего, но на деле скрывшегося за границу, что искалечило жизнь его потомкам; и крохотная «Епифань», совершеннейшее стихотворение в прозе, записанное в одно предложение: «...Под уж слегка зеленеющими деревьями, на верхушках которых обосновалась галдящая и гадящая колония угольно-черных грачей, и опять с налетающим упрямим ветром, с еще узким здесь Доном, смиренно-кrotко синеющим в лугах за холмами, и с острым ощущением того, что вот здесь, за поворотом, кончается или начинается мир...»

Такая филигрань дается не всем, а лишь тем, кто относится к слову также бережно, как к хлебу:

О жизни будние приметы —
весомость хлеба, прочность стен.
Рука касается предметов
неодинаково совсем.
Здесь что-то есть от рифмованья,
неуловимо слово тронь...
Вся суть поэзии — касанье,
она не зеркало — ладонь.

Правила игры

Борис Минаев

Эпоха клоуна

«Гамлет» на сцене театра имени Моссовета — безусловно, веха для театральной Москвы. И не случайно на премьере было так много режиссеров, актеров, художественных руководителей из других театров. Во-первых, этим спектаклем Евгений Марчелли, приглашенный из Ярославского театра драмы возглавить легендарную сцену в самом сердце Москвы, должен был окончательно доказать и оправдать свои притязания и амбиции. Во-вторых, впервые за долгое время в главной роли на сцене Моссовета появляется звезда другого театра — Сергей Юшкевич из «Современника» (Клавдий), и в зале за этим событием внимательно следили и Авангард Леонтьев, и Алёна Бабенко, и другие близкие «Современнику» люди.

«Гамлет» — это всегда экзамен не только для режиссера или актеров, это еще и экзамен для зрителя. Текст, проверяющий тебя, текст, который на протяжении столетий поворачивался к людям то одной, то другой своей стороной, выясняя ту правду времени, которая важна именно сегодня.

И действительно — *про что* сегодня играть «Гамлета»? Что мы считываем в нем сейчас?

Режиссер (и автор сценической версии) Марчелли дал спектаклю подзаголовок: «Семья. Трагедия». Что означают два эти слова — это жанр? это идея спектакля? И почему они на афише?

Короче говоря, мы сразу оказываемся в позиции соавтора, потому что приходим в зал со своим собственным Гамлете в голове — и режиссер это прекрасно знает.

Гамлет (Кирилл Быркин) здесь, на сцене Моссовета — человек совсем молодой, заряженный безумием и дикостью молодости. Молодости, захваченной к тому же одной мыслью, одной страстью. Страстная ревность к матери, Эдипов комплекс, одержимость почти сексуальная. В какой-то момент она прорывается в очень откровенной сцене нападения на Гертруду (Евгения Крюкова). Как соавтора спектакля — меня, зрителя, приглашают погрузиться в эту тему, тему «больного» Гамлета, ревнивого и одержимого.

Это очень сильно сыграно, это очень страшно, но все-таки текст Шекспира сопротивляется изо всех сил слишком однозначной трактовке. И тут мы вспоминаем еще одну странность, вынесенную прямо на афишу, в название спектакля: ведь он называется не просто «Гамлет», а «Шекспиргамлет» в одно слово.

Надо сказать, что Гамлет как живой, юный, больной, одержимый ревностью и страстями человек — режиссеру и ближе, и родней, чем привычный революционер, мыслитель, философ, бунтарь, диссидент. Все это, привычное нам, как-то не «вписывается», «не лезет» в ткань спектакля, и вдруг мы с некоторым изумлением понимаем, что и монолог «Быть или не быть?» превращен по воле автора сценической версии в скомканый, путаный, раздраженный диалог Гамлета и Офелии (Анна Галинова), во время которого Гамлет пытается объяснить Офелии самые

простые вещи, как если бы учитель средней школы объяснял монолог Гамлета десятикласснице. И масса других кусков из «прежнего "Гамлета"», привычного «Гамлета», включая философские размышления над черепом Йорика, ушли из текста. И целый кусок сюжета об изгнании и возвращении тоже не поместился в спектакль.

Однако текст, даже изрезанный и местами совсем не похожий на Шекспира (иногда сниженный странными вкраплениями современной речи, иногда нарочито затуманенный, запутанный), — отчаянно сопротивляется.

Гамлет-юноша, живой и прекрасный, обритый налысо, как новобранец своей собственной войны, дрожащий и трепещущий в гневе и ярости, обуреваемый гормонами и комплексами, — все равно неумолимо уступает место Гамлету, который должен открывать нам истины, прорицать, указывать путь.

...В нашем случае этот путь вполне понятен — это путь справедливости, возмездия за причиненное обществу зло. Злодей, обманом взбравшийся на трон, должен быть наказан. Его извращенная натура, подлость, лицемерие, жестокость — выставлены на всеобщее обозрение. Так сказать, преданы гласности. Ничто — ни сыновняя любовь, ни личные привязанности, ни личная слабость — не может, не должно помешать этому суду *Истории*.

И вот тут в кристально-чистый замысел героя вмешиваются две женщины, то есть те персонажи, которые режиссеру, очевидно, более дороги. Ради которых он готов и с самим Шекспиром сражаться, и текст переписать, и акценты переставить.

Нежная, прекрасная, дрожащая от любовной страсти Гертруда и одинокая, странная, погруженная в свои мечты и песни, нелепая, смешная, грузная и оттого еще более щемящая и обаятельная Офелия.

Стоят ли их дикие страдания — вот этой исторической справедливости, этого суда истории, которого так жаждет Гамлет? Барабанов судьбы, которая должна настигнуть узурпатора, незаконно захватившего власть, погрузившего Данию в страх и ужас?

Надо сказать, что вот эти «барабаны судьбы» — живые, настоящие звуки большого барабана и малого, звучащие из ложи прямо над сценой, — это лишь одна из многих деталей того прекрасного театрального полотна, порой противоречивого, порой гротескного, которое рождает ощущение цельности спектакля. Всё: от домашних тапочек Клавдия и его кровавого кашля (в буквальном смысле кровавого) до бледной маски тени отца Гамлета (Александр Филиппенко), от гигантских бумажных гирлянд до внезапного смертельного заикания «персонажа, пожелавшего остаться неизвестным» (Анастасия Белова), когда речь идет о смерти Офелии, — странным образом рождает это правильное ощущение, что жизнь персонажей — важней и значительней, чем любые «идеи».

Да, семья — или трагедия семьи: смерть отца, предательство матери, ревность сына, горе брата — важнее самой истории. Важнее самой справедливой мести, даже если она носит характер исторического возмездия. Есть Шекспир, а есть Гамлет — и это не одно и то же.

Люди остаются людьми в любых обстоятельствах, и мы обязаны их понимать, даже если иногда не очень хотим.

Все так.

Но что-то сопротивляется, что-то не откликается во мне на эту трактовку, на эту большую, в общем, мысль.

Дело в том, что мы-то сегодня знаем: именно узурпатор, именно диктатор лезет в человеческую жизнь, предлагая ложные дилеммы и навязывая ложные смыслы. Именно он разрушает частное, хрупкое, приватное существование любого человека, разрушает семьи. И бороться поэтому с ним — это неизбежность для любого общества.

Гамлет, каким мы видим и воспринимаем его на сцене театра Моссовета, дорог сегодня, как мне кажется, еще и чем-то другим.

...Что делать, когда ничего нельзя сделать? Как говорить, если ничего не возможно сказать? Как жить, если задыхаешься от ужаса?

Люди (нормальные люди, такие как Гамлет) в этот момент начинают сходить с ума, «гнать пургу», нести околесицу, говорить загадками, изобретать эзопов язык. А куда еще им деваться?

Все, что делает Гамлет в трагедии Шекспира — все это шутовство, мрачная клоунада, набор шарад, вся эта напыщенная мутная речь — это не более чем следствие этой психологической ситуации: что делать, когда ничего нельзя сделать? Когда ничего нельзя назвать своими именами? Обвинить прямо невозможно, бороться бессмысленно, и порой остается только абсурд, только черный юмор, только натянутое сумасшествие, только маска безумца.

Вот чем он, в сущности, нам дорог. Даже в этом противоречивом состоянии он не теряет путеводной нити — добро восторжествует, зло будет наказано.

Его *вера* в то, что это неминуемо произойдет, — главный стержень сюжета. Гамлет клоун, но клоун настоящий, глубокий, даже в чем-то великий.

Когда происходит исторический разлом и одна эпоха сменяет другую, клоуны бывают вдруг особенно востребованы. Так произошло в 1960-е годы, когда Юрий Никулин и Олег Попов сделали в нашей стране рядовое цирковое амплуа — большим искусством. А комедии Гайдая, где играл тот же Никулин, расширили эти границы до максимума. Клоун иронически взирал на саму человеческую природу, шутил над временем, то есть делал то, что в сталинское время не мог себе позволить даже большой актер или писатель.

Среди этой плеяды артистов — особое место занимал Леонид Енгибаров. Он просто не успел договорить то, что хотел сказать, слишком рано ушел, и, может быть, из-за этого оставил после себя чувство огромной щемящей пустоты. Режиссер и художник Алевтина Пузырникова, актрисы Екатерина Виноградова и Мария Глянц показали в московском театре «Эрмитаж» спектакль по коротким новеллам, которые «грустный клоун» успел написать и опубликовать — «Я, Лёня Енгибаров».

В конце спектакля на белом экране мы видим чуть мутноватые от времени короткие фрагменты его выступлений, без звука. Те знаменитые номера, которые я прекрасно помню, отец всегда усаживал меня перед экраном, когда «показывали Енгибара». Да, особая интонация, особое лицо, особый человек — и в то же время человек, целиком принадлежащий тому времени.

Это очень ясно открывается в тех коротких, наивных, искренних, даже неумелых текстах, которые он после себя оставил — как известно, Енгибаров ушел из цирка, стал выступать на эстраде с самостоятельными номерами, то есть пытался выломиться из рамок, расширить границы своего творческого поиска, и его литература была одной из таких попыток.

Из этих наивных строк, отрывочных фрагментов, как ни странно, если вслушаться, на нас обрушивается жизнь всей послевоенной большой страны, с ее бытом, с ее мифами, с ее модами и ее языком — эпоха тех послевоенных мальчиков и девочек, которые свято верили в ценности мирной жизни: любовь и свободу, творчество и мужество.

Удивительно, что именно молодые актрисы смогли передать это трепетное биение клоунского сердца, этот сбивчивый голос.

Клоун Енгибаров помогал советским людям лучше понять себя, хотел помочь... Но, может быть, не успел.

Сегодня все приходится понимать заново — ну что ж, так тоже бывает, когда одна эпоха сменяет другую.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДРУЖБА НАРОДОВ» ЗА 2022 ГОД

Авторы "ДН" (№№ 1-12)

АБДУЛЛАЕВ Евгений I,III,IV,VI,VII,X,XII	БУЛКАТЫ Игорь VII,XII
АБРАМЯН Левон X	БУРОВ II,VI,VIII,X
АГАМЯН Карен V	БУШУЕВА Мария VI
АДАМ Микола IX	
АЗНАУРЯН Ованес X	ВАЛЕВСКИЙ Анатолий XI
АЙРАПЕТИЯН Валерий III	ВАСЬКИН Александр IV,VII
АКБУЛАТОВА Найля XII	ВАСЮНОВ Максим V
АКБУЛАТОВА Фарзана XII	ВЕРГЕЛИС Александр VII
АКЫЛБЕКОВА Айганыш II	ВЕРЁВОЧКИН Николай VII
АЛЕКСАНДРОВ Николай I,VI,X,	ВОДЕННИКОВ Дмитрий IX
АЛЁХИН Алексей IV,VIII,X	ВОЕВОДА Дмитрий IX
АЛИЕВ Гусейнкули X	ВОРОБЬЁВА Юлия V
АМГИН (Сидоров) Олег XII	ВОРОПАЕВА Анна I,VI
АМИРАГЯН Армен X	ВОРОТЫНЦЕВ Пётр IV
АМУСИН Марк I	
АМЧИСЛАВСКИЙ Александр XI	ГАММЕР Ефим V
АНУФРИЕВА Любовь XII	ГАНДЕЛЬСМАН Владимир II,VIII,X,
АНУФРИЕВА Мария VII,XI	ГАТИНА Алина II
Арам ПАЧЯН. VIII	ГОНЧУКОВ Арсений I
АРНАУТОВА Анна VIII	ГОРОДЕЦКИЙ Владислав II
АРТИС Дмитрий I,X	ГРИГОРЬЕВА Лидия VIII
АСАДОВА Самира XII	ГРИНЕВСКИЙ Александр IV
АСАДОВА Татьяна XII	ГРИТТ Марго IX
АСИМ Заир X	ГУГА Владимир VIII
АТАЯН Анастасия III	ГУРЕЕВ Максим VII,XI
АФЛАТУНИ Сухбат IV	ГУЦКО Денис X
АХМЕДОВ Магомед XII	
АХМЕДОВ Рахим X	ДАНИЛОВА Стефания I
БАБИЦКАЯ Ольга X	ДАНИЛЬЕВА Галина XI
БАБУЕВА Цындыма VI	ДЕВШ Ольга I
БАВИЛЬСКИЙ Дмитрий I	ДЕКИНА Женя X
БАЛЛА Ольга I,II,III,V,VII,IX, X,XI,XII	ДЕЛЬМАН Дэн III
БАННИКОВ Денис VIII	ДЖУМАЕВ Александр II
БАРОНЕНКО Михаил XI	ДМИТRENKO Сергей V
БАСИНСКИЙ Павел IX	ДМИТРИЕВ Андрей V
БАТОВА Мария I	ДОДУЕВ Аскер XII
БЕКУРОВ Руслан IX	ДОЛГАРЕВА Анна II
БЕРШИН Ефим IV,VII	ДОЛГОПЯТ Елена II
БОБОХИДЗЕ Манана X	ДУХОВСКИЙ Даниил IX
БОГДАНОВА Вера IX	ДЬЯКОНОВ Евгений X
БУГОСЛАВСКАЯ Ольга I	
	ЕЛИЗАРОВА Наталия III

ЕРМАКОВА Александра XI	КРИВУШИН Даниил XI
ЕРМАКОВА Ирина XII	КРУСАНОВ Павел I
ЕРМОЛОВИЧ Елена IX	КРУТОВА Валерия II
ЕФРЕМЕНКОВА Юлия VII	КРУШИНСКАЯ Ксения II
ЖДАНОВА Елизавета XI	КРЮКОВА Елена VII
ЖЕЛЕЗНЯК Николай VI	КУЗНЕЦОВА Инга V
ЗАЙЦЕВ Александр VII	КУЛЛЭ Виктор XII
ЗВЕРЕВА Дарья X	КУНИЦЫН Игорь VIII
ЗОЛОТАРЁВ Сергей IV,VII	КУТЕНКОВ Борис IX
ЗУБАРЕВА Вера V	ЛАДОГА Андрей II
ИВАНОВА Наталья I	ЛАПЕНКОВА Ольга XI
ИВАНОВА Ольга VI	ЛАПШИНА Елена IX
ИВКИН Сергей I	ЛИДСКИЙ Владимир V
ИГРУНОВА Наталья II	ЛИМ Владимир I
ИДИАТУЛЛИН Шамиль VIII	ЛОМОВЦЕВ Андрей V,X
ИСАКЖАНОВ Дмитрий VIII	ЛУЖБИНА Анна IX
КАБАШИЛОВА Мариям IV	МАЕВСКАЯ Екатерина IX
КАВАЛЛИ Анна XI	МАКСЮТОВ Тимур V
КАГРАМАНОВ Юрий I,VII	МАЛАШЕНКО Алексей IV
КАЗИТЫ Мелитон XII	МАЛЫШЕВ Игорь VIII
КАЛАШНИКОВ Геннадий IX	МАРКЕЛОВ Сергей VII
КАЛМЫКОВА Вера VIII	МЕДВЕДЕВ Владимир VII
КАН Александр X	МЕЛИКСЕТЯН Лилит VIII
КАНУКОВА Зарина XII	МЕЛИХОВ Александр III,VII,VIII
КАПОВИЧ Катя III	МЕРЕТГЕЛЬДЫЕВ Аннагельды II
КАРИМОВА Алёна VIII	МЕСЯЦ Вадим VI
КАЦОВ Геннадий VI	МЕЩЕРЯКОВ Александр IV
КЕНЖЕЕВ Бахыт VIII	МИЛЬЧИН Константин I
КИЗИЧЕНКО Татьяна XI	МИНАЕВ Борис I—XII
КЛИМОВА Галина IX	МОКШАНОВА Татьяна VI
КЛИМОВ-ЮЖИН Александр VIII	МОСКАЛЁВ Михаил VII
КНЯЗЕВ Григорий III	МОЦАР Александр VIII
КОБЦЕВ Марк XI	МУХАМЕТШИН Рузаль VI
КОЗЛОВА Анна VIII	НАГАЙЦЕВА Ксения XII
КОЛЕСНИК Любовь VI	НАЗАРЕНКО Татьяна VIII
КОЛЕСНИКОВ Алексей XI	НАУМОВ Илья VII
КОМАРЕВЦЕВ Алексей III	НАЦЕНТОВ Василий VI
КОМАРОВ Константин I,VII	НУР Акмаль X
КОНДРАТЕНКО Терентий VII	ОРЛОВ Александр IV
КОНТУКОВ Никита IX	ОРЛОВ Виталий X
КОРНИЕНКО Игорь IV	ОРЛОВ Евгений III
КОЧЕРГИН Илья I	ОРЛОВА Софья V
КРАЕВ Родион XI	ОСОКИН Денис IX
КРАЕВА Ирина XI	ОСТУДИН Алексей I

ПАВЛОВСКАЯ Анна IX	СЫНДУЕВ Есугей XII
ПАГЫН Сергей II	
ПАНКРАТОВ Георгий VIII	ТАИБОВ Хаджи-Мурат XII
ПЕТРОВА Валентина II	ТАРН Алекс V
ПОДОСКОРСКИЙ Николай I	ТАТАРЕНКО Юрий XII
ПОПОВ Сергей V	ТАТРИЕВ Исропил XII
ПРАШКЕВИЧ Геннадий II,VI,VIII,X,	ТИРКИШОВА Язгуль II
ПРУДНИКОВ Сергей IX	ТОРЧИЛИН Владимир V
ПРЯЖНИКОВ Александр XII	ТРЕНИН Владимир V
ПУСТОВАЯ Валерия I, V,I X,IX	
РАПОПОРТ Наталья III	УДАЛЬЦОВ Иван XI
РАСТОРГУЕВ Андрей XII	УСТИМЕНКО Алексей X
РУБАНОВА Наталья, XI	УСТИНОВИЧ Каролина XI
РУМЯНЦЕВ Дмитрий VIII	УТКИН Сергей X
РЫБИН Александр I,V	
РЯБОВ Кирилл XI	ФАЛИКОВ Илья V,VI
РЯБОВА Людмила VI	ФАТКУЛИН Масут V
РЯЖСКИЙ Григорий IV	ФЕТ Эгвина VII,XI
	ФИЛАТОВА Татьяна VII
САВИЧ Владимир VI	
САДЫКОВ Марат VI	ХЛЕБНИКОВ Олег II
САЛАХОВА Айдан VIII	ХОМУТАЛЬ Бар-Йосеф I
САЛИМОН Владимир I	
САЛОМАТИН Алексей I	ЦИРУЛЬНИКОВ Анатолий IX,X
САЛЬНИКОВ Алексей VIII	ЦОЙ Виктория X
САФРОНОВА Елена I	
САФРОНОВА Ольга XII	ЧАНЦЕВ Александр I, II, III,VI, VII, IX, XII
СВЕТЛИЧНАЯ Диана III,IX	ЧЕЧИК Феликс II, 136
СЕВРЮГИНА Елена VIII,IX	ЧИСТЯКОВА Лидия VIII
СЕЛЮКОВА Дарья VIII	ЧКОНИЯ Даниил I
СЕНЧИН Роман V	
СЕРЕБРЯНСКИЙ Юрий V,VIII	ШЕВЧЕНКО Александр VII
СИСАНБАЕВ Айбулат XII	ШЕВЧЕНКО Ганна IX, X
СКУЛЬСКАЯ Елена III	ШИПИЛОВА Анна XI
СЛОВЦОВ Анатолий XI	ШИРИБАЗАРОВ Болот III
СНЕГИРЁВ Александр IX	ШУЛЬПЯКОВ Глеб VIII
СОЛОГУБ Евгений I	
СОЛОУХ Сергей VII	ЩЕДРИВЫЙ Дмитрий VIII
СОРОКОТИГИН Денис IV	ЩЕРБА Екатерина XI
СУКГОЕВА Юлия XI	ЩЕРБАКОВ Юрий XII
СУЛЕС Евгений II	
СУЛЬЧИНСКАЯ Ольга XI	ЮСУПОВА Диляра XII
	ЯРЦЕВ Ростислав VIII, IX

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Электронную версию «ДН» можно купить на <http://дружбанаародов.ком>

Журнал продается в московских магазинах:

«Фаланстер» (Москва, ул. Тверская, 17,
вход с Малого Гнездниковского переулка)

«Бункер» (Покровка, 17; ежедневно с 12 до 22)

Также журнал можно приобрести через интернет-магазин **Лабиринт.ру**
в любом городе страны.

Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректура: Елена ЛАПШИНА

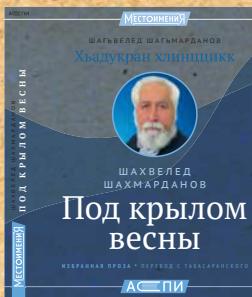
Дизайн обложки: Степан ЛУКЬЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
АССОЦИАЦИИ СОЮЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ И ИЗДАТЕЛЕЙ

и ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

В издательской программе Ассоциации писателей и издателей вышли книги:

Отечественная словесность состоит не только из русской, но и из множества сильных, талантливых национальных литератур, которые последние десятилетия незаслуженно находились в тени. Книжная серия «Местоимения» (проект Ассоциации союзов писателей и издателей) познакомит широкого читателя с современной прозой и поэзией народов России.

Сергей ШАРГУНОВ

Читайте:

**Олег Шишкин. «Изменитель».
Мистический роман**

«— Настоящий испанец уже в десять лет начинает делать поро своих врагов. Обычно их можно слепить из глины, выстругать из дерева, а в городе для этого сгодится пластилин. Лучшее поро — это тряпичная фигурка. Сделав фигурку, тебе достаточно прилепить ей на мордочку фото врага или написать его имя. В поро вставляются волосы, ногти или зуб того, кого надо погубить. А потом ты берёшь шило и начинаешь медленно с особым удовольствием втыкать его в сердце, в глаза, в пах. Всюду, где это причинит максимальную боль. Если начальник не мил, коллектив делает его поро — и глядишь, он уже и не жилец. Почему так происходит, я не знаю. В Испании мастеров поро сотни тысяч. И есть среди них настоящие виртуозы, они прокалывают не само поро, хуже: они умеют прокалывать его тень. Представь себе! Это опасные мерзавцы. Хуже троцкистов и фашистов вместе взятых. И я до сих пор думаю, что если бы не поро Хименеса, ничего страшного ни со мной, ни с Соколовым не произошло бы. Вот потому-то я и считаю, что Соколов ни в чём не виноват. Ну разве что в сущей ерунде, в самой малости, которую ему могли бы и простить, понимая, что он за человек. Ему я обязан многим. Он сделал так, чтобы я стал комендантом корабля золотой флотилии, что везла наше золото в СССР. Мы вышли ночью из Картахены и страшно боялись налётов, но бог миловал, и мы спокойно добрались до Одессы...»